

Проз 1959

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

74

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

74

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор доктор историч. наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора кандидат историч. наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (ответственный секретарь), *П. А. Раппопорт,*
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

И. Б. БРАШИНСКИЙ

АФИНСКИЙ ДЕКРЕТ 323/2 ГОДА ДО Н. Э.

(К истории афинско-боспорских взаимоотношений)¹

В 1939 г. американским ученым-эпиграфистом Юджином Шуайгертом был опубликован новый декрет афинского народного собрания, имеющий отношение к Боспору². Декрет, от которого, к сожалению, сохранились лишь небольшие фрагменты, принят в восьмую пританию филы Энеиды при архонте Кефисодоре, и, таким образом, точно датируется весной 323/2 г. до н. э. В нем отчетливо восстанавливается слово «Боспор».

От надписи сохранилось шесть небольших обломков пентеликонского мрамора, из них пять найдены при раскопках афинской агоры, производившихся Американской классической школой в Афинах, в 1937 и 1938 гг. Шестой (фрагмент В) издан ранее в IG, II² под № 369. Надпись высечена стойхедон, что в значительной мере облегчает ее восстановление. Однако ни в одной строке, содержавшей первоначально, по всей видимости, 28 букв, не сохранилось больше пяти (и лишь в строке 15 — шесть).

Ю. Шуайгерт предложил восстановление надписи, приведенное на рис. 1.

В кратком комментарии он указывает, что известно множество аттических декретов, принятых в честь афинских граждан и иноземцев за оказание услуг афинскому государству путем больших пожертвований денег и зерна во времена кризиса. В данном случае речь идет о кризисе, вызванном страшным голодом, охватившим большую часть греческого мира в 331—324 гг. до н. э.,³ во время которого Афины, целиком зависевшие от привозного хлеба, очень тяжело страдали. В 323/2 г. последствия голода в Афинах должны были еще ощущаться и, вероятно, еще отягощались разразившейся тогда Ламийской войной. Шуайгерт обращает внимание на то, что лицо, восхваляемое в декрете, оказывало афинянам услуги и ранее. На это указывают слова *καὶ νῦν* (строка 15), перед которыми без сомнения должна была содержаться фраза *ἐπειδὴ ὁ θεῖνα* — — — — — *πρότερον*. Этот момент, как нам представляется, может иметь большое значение для попытки выяснения личности восхваляемого. Ввиду того, что это лицо было связано с Боспором (строка 9), вполне закономерно предположение Шуайгерта о том, что в декрете речь шла о даре, или неоднократных дарах зерна; последнее пожертвование возможно сделано на военные нужды.

¹ Доклад на заседании группы античной археологии ЛОИИМК 16 февраля 1957 г.

² Eugen Schweigert, *Hesperia*, VIII 1939, стр. 27, № 7 и фото. Надпись сопровождается небольшим комментарием (стр. 30).

³ См. M. Rostovtzeff, *SEHNW*, I, стр. 95, II, стр. 1250.

случае, если признать восстановление δ[ύναται] (строка 7) — 3-е лицо множественного числа. С нашей точки зрения, такое восстановление вполне убедительно, так как, во-первых, в данном контексте употребление глагола δύναμαι является обычным для эпиграфических документов и, во-вторых, если бы предположить δ[ύναται] — 3-е лицо единственного числа, — то в строке оказалось бы 27 букв вместо 28, содержащихся во всех остальных. Указание на заботу о приезжающих на Боспор афинянам, надо полагать, заключает перечень услуг, оказанных восхваляемыми афинянам вообще, в прошлом, безотносительно к конкретному случаю, послужившему поводом к принятию декрета; о них говорится ниже (во фрагм. D: строка 14 и сл.)⁵.

Исходя из сказанного можно предположить, что в строках 10 и сл. говорилось о тех почестях, которые были оказаны ранее восхваляемым лицам. Если с этим согласиться, то возможным восстановлением в строках 10—11 могло бы быть:

10. [...]αιας[..... ἀνθ' ὧν αὐτ']
[οὐς]πολ[ίτας ἐποίησατο - - - - -]

Очевидно, в декрете речь идет о лице, которое неоднократно оказывало услуги афинскому народу. На это указывают слова καὶ νῦν (строка 15), которые обязательно предполагают несохранившиеся на камне ἐπειδὴ καὶ πρότερον, или ἐπειδὴ καὶ ἐν τῷ πρόσθεν χρόνῳ в предшествующих строках. Если согласиться с тем, что в декрете говорится о лице, а по крайней мере, в одном случае, и о нескольких лицах, которые оказывали многократные услуги афинянам и, если, далее, связать это с упоминанием Боспора, то следует признать, что речь идет о лицах, игравших видную роль в афинско-боспорских взаимоотношениях, а таковыми с боспорской стороны прежде всего были сами правители Боспора — Спартокиды.

Исходя из этого предположения, возможно следующее восстановление строк 30 и сл., заключающих сохранившуюся часть декрета (рис. 2):

30. [...]χιος E[.... στήσαι δὲ καὶ παρὰ τ]
[οὐς]προγ[όνους Σάτιρον καὶ Λεῦκων]
[α εἰς]ὄνα[αὐτοῦ χαλκῆν ἐν τῇ ἀγορᾷ]
[ι - - - - -]

или:

εἰς]ὄνας αὐτῶν χαλκᾶς и т. д.⁶

⁵ Такой вывод вытекает из многочисленных аналогий в аттических почетных декретах. См. например IG, II², 212 и 653.

⁶ Предлагаая данное восстановление мы основываемся главным образом на афинском декрете в честь Спартока III (IG, II², 653). См. также Б. Н. Г р а к о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 241—243, № 4. В строках 14 сл. декрета указывается, что предкам Спартока были сооружены медные статуи на агоре и в эмпории, а в строках 40 сл. выносятся постановления об аналогичной почести Спартоку.

Что касается несколько необычного в предлагаемом тексте приименного перечисления предков, вместо более принятого их суммарного обозначения — πρόγονοι, то такие случаи известны в афинских и других надписях. (См. например IG II², 356, 24 сл. декрет 327/6 г. в честь Мемнона Родосского: [πρότερον οἱ πρόγονοι [Φερν]ἀ[β]αζος καὶ Ἀρ[τά]βαζος[ς] Ср. также OGIS I, 215 и 56; Ditt. Syll.³ 167). В данном случае, как нам кажется, помимо простого указания на «предков», еще и называются их имена, ввиду того, что Сатир и Левкон были первыми и единственными Спартокидами, удостоившимися таких почестей до восхваляемого (вероятно, Перисада). В декрете же в честь Спартока III называются просто πρόγονοι без перечисления по именам, ибо в Афинах к тому времени был воздвигнут уже целый ряд статуй Спартокидам: Сатиру и Левкону, Перисаду, Сатиру II и Гориппу (Dein 1, 43), а возможно и Евмелу. В первом случае речь идет о трех поколениях (указание на отца и на деда было обычным у афинян), во втором — уже о пяти. То, что Сатир и Левкон, согласно предложенному восстановлению, называются в декрете по именам, может быть объяснено и тем, что, насколько нам известно,

Сохранность памятника, к сожалению, настолько плоха, что трудно делать какие-либо бесспорные выводы. Почти бесспорным можно считать лишь одно — в декрете восхваляется лицо, которое оказывало услуги афинянам, приехавшим на Боспор⁷. Аналогии этому содержатся и в двух других дошедших до нас постановлениях афинского народного собрания

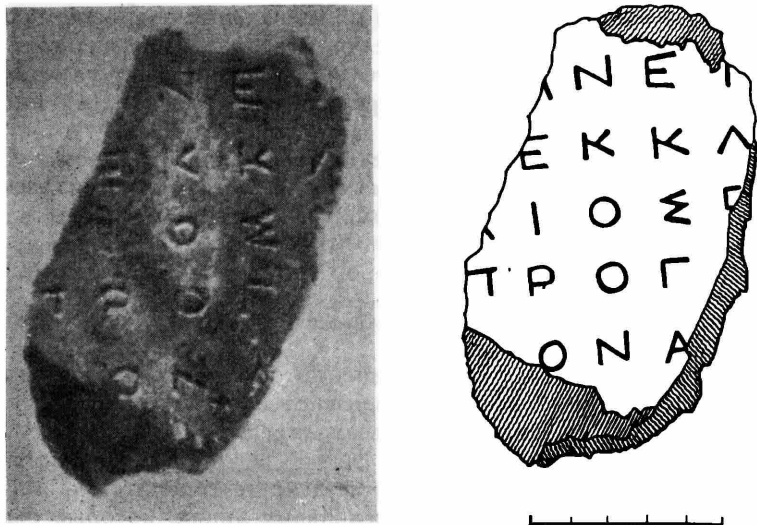

Рис. 2. Фрагмент «F» декрета. Фотография с камня и прорисовка надписи.

в честь боспорских царей. В первом из них, в декрете 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона I Спартока II, Перисада I и Аполлония⁸, афинский народ наряду с восхвалением сыновей Левкона восхваляет и их послов Сосия и Феодосия за пощение о приезжающих из Афин на Боспор (строка 50 сл.: $\delta\tau\iota$ ἐπιμελοῦνται τ[ω]ν ἀφιχ[υ]ομένων. Ἀδῆγηθεν εἰς Βόσπορον. А. Шефер⁹, указывал, что они были видными мужами (angesehene Männer) и высказал предположение, что, судя по имени, Феодосий был родственником царствующего дома на Боспоре; последнее, впрочем относится к числу недоказуемых догадок. В Сосии и Феодосии, возможно, следует усматривать особых царских чиновников или, быть может, руководителей царской администрации, в функции которых входила забота о приезжавших на Боспор афинских (и иных) купцах. В декрете Сосий и Феодосий выступают как царские уполномоченные, а не как частные лица. Говорится лишь, что они заботятся о приезжающих на Боспор, за что им и предоставляется почетное право обеда в Пританее. Во втором документе, декрете в честь Спартока III, за заботу о приезжающих на Боспор афинянах восхваляется сам царь¹⁰.

история Афин не знает ни одного примера, чтобы в течение ряда поколений кому бы то ни было оказывались такие почести, как боспорским Спартокидам. К тому же имена их пользовались в Афинах большой популярностью.

⁷ М. Ростовцев (SEHNW, III, стр. 1627, прим. 189) высказал предположение, что декрет был принят в честь афинского резидента на Боспоре. Не отвергая этого, возможно предложить и иное толкование.

⁸ IG II², 212, Б. Н. Граков. Указ. соч., № 3. Ср. И. Б. Брашинский. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре (IV в. до н. э.), ВДИ, 1958, № 1, стр. 136.

⁹ A. Schaefer. Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosphorus, Rh. M., XXXIII (1884), стр. 427.

¹⁰ IG II²; Б. Н. Граков. Указ. соч., № 4. До последнего времени наиболее принятой была датировка декрета в честь Спартока III 289/8 г. до н. э., годом, к которому

Возможно, что в декрете 323/2 г. содержалось предложение о восхвалении доверенного лица Перисада I, имевшего попечение о приезжих афинянах.

Если признать вероятным наше восстановление строк 30 и сл. декрета, то можно предположить, что мы имеем дело с постановлением в честь Перисада I, а быть может и членов его семьи.

Известно, что боспорские архонты-цари еще при жизни делали сопратителями своих сыновей. Так, сопратителями Левкона были его сыновья Спарток II и Перисад, которые и после смерти отца в течение пяти лет правили совместно. Очевидно, и Перисад I сделал сопратителями своих сыновей. Проксенические декреты времени Перисада на Боспоре издавались от имени царя и его сыновей¹¹. Демосфен, по словам Динарха (I, 43), предложил воздвигнуть статуи не только боспорскому правителю — Перисаду I, но и его старшему сыну Сатиру и Горгиппу, т. е. тестю. Принятие афинским народным собранием постановления в честь Перисада I было бы весьма естественным. Время опубликования декрета — 323/2 г. до н. э., точнее, весна 322 г. — это время, непосредственно следующее за периодом тяжелого голода в Афинах. Известно, что тогда Перисад I оказал афинянам немалые услуги. Из приписываемой Демосфену речи против Формиона ([Dem.], XXXIV, 36), относящейся к 327/6 г. до н. э.¹², мы знаем, что Перисад I вновь провозгласил право беспошлинного вывоза хлеба в Афины. Динарх в речи против Демосфена (Dein., I, 43) сообщает, что по предложению последнего на афинской агоре воздвигнуты медные статуи боспорским «тиранам» Перисаду, Сатиру и Горгиппу. Возникает вопрос: не следует ли связать свидетельства из речи Демосфена и, особенно, Динарха с рассматриваемым декретом? Такая попытка очень сомнительна, но этому мешает дата речи Динарха, произнесенной на Гарпаловском процессе в конце 324, или начале 323 г., т. е. несколько ранее принятия декрета. Правда, не исключена возможность, что фраза о статуях включена в речь в более позднее время, при ее опубликовании¹³. Только открытие дополнительных фрагментов декрета 323/2 г. сможет решить вопрос окончательно.

Если допустить возможность связи декрета с речью Динарха, в которой говорится о воздвигнутых Спартокидам статуях, то возникает новое предположение: не является ли декрет 323/2 г. тем самым предложенным Демосфеном декретом, согласно которому воздвигнуты медные статуи Спартокидов на агоре? Предложение Демосфена вряд ли могло быть им внесено на рассмотрение народного собрания раньше конца 20-х годов IV века¹⁴. После окончания голода в Афинах, во время которого Спартокиды оказали афинянам весьма существенные услуги (дело вероятно не

относили архонтство Диотима. Однако недавно Динзмур (Hesperia, XXIII, 1954, стр. 284 сл.) на основании новых эпиграфических находок из раскопок афинской агоры предложил новую датировку афинских архонтов с 322/1 по 195/4 гг. до н. э. Архонтство Диотима, по Динзмур, падает на 285/4 г. до н. э.

¹¹ См. IPE, II, 1 и 2: «Перисад и сыновья дали проксению и ателию и т. д.».

¹² Датировка речи не является твердо установленной. Блясс (F. Blass. Die attische Beredsamkeit. III, 1, Lpz., 1877, стр. 578) относит речь к 327/6 г., Шефер (A. Schäfer. Demosthenes u. seine Zeit, III², Lpz., 1887, стр. 400) — к 327 г., С. А. Жебелев («Основные линии экономического развития Боспорского государства», ИОН, 1934, № 8, стр. 601; «Северное Причерноморье». М.—Л., 1953, стр. 130) пишет о 328/7 г.

¹³ Известно, что античные ораторы обычно тщательно обрабатывали свои речи уже после произнесения, при подготовке к опубликованию, внося в них дополнения и изменения. Яркими примерами такой обработки могут служить речи Демосфена «О венке» и Эсхина «Против Ктесифонта». См. F. Blass. Указ. соч., III, 1, стр. 375 сл.; III, 2, стр. 189 и сл., а также С. И. Радциг. Демосфен — оратор и политический деятель в книге «Демосфен. Речи», М., 1954, стр. 463.

¹⁴ Ср. А. Воескh. SIG, II, стр. 93.

ограничивалось одним лишь подтверждением права беспошлинного вывоза хлеба)¹⁵, были веские причины и удобный повод для проявления благодарности правителям Боспора и оказания им всяческих почестей. Дата постановления — весна 322 года — соответствует времени, когда Демосфен, вернувшийся с большим триумфом в Афины после своего кратковременного изгнания, пользовался огромным авторитетом и влиянием и мог рассчитывать, что его предложение о восхвалении и награждении Спартокидов, с которыми он был связан давними узами дружбы, будет одобрено афинянами.

Несколько слов относительно сооружения в Афинах статуй Спартокидам. Мы располагаем свидетельствами о постановке медных статуй Перисаду I, Сатиру II, Горгиппу и Спартоку III. Однако есть основание полагать, что подобная почесть оказана и их предкам Сатиру I и Левкону I¹⁶. Боспорским Спартокидам было сооружено даже по несколько статуй. Так, в декрете в честь Спартока III указывается, что его предкам были воздвигнуты статуи на агоре и в эмпории (строки 14—15) и ему, Спартоку, постановляется также воздвигнуть одну статую на агоре рядом со статуями предков и другую в эмпории (или, быть может, на акрополе)¹⁷.

Наконец, при обилии афинских проксенических декретов мы не знаем ни одного в честь боспорца — частного лица, но знаем ряд декретов в честь боспорских архонтов-царей — Спартокидов. Не знаем мы также и декретов в честь небоспорцев, связанных каким-либо образом с Боспором. Едва ли это можно считать случайным, имея в виду то значение и удельный вес, который для Афин имели связи с Боспорским государством в IV в. до н. э. Надо полагать, что интересы Афин на Боспоре в достаточной степени обеспечивались самими Спартокидами и что хлебная торговля с Афинами велась почти исключительно, самими архонтами-царями¹⁸. Если предложенное выше толкование афинского декрета 323/2 г. признать возможным, то в нем мы имели бы новое ценное свидетельство тесных связей между Боспорским государством и Афинами в последней четверти IV в. до н. э.

¹⁵ Во время голода 357 г. до н. э. Левкон I, по свидетельству Демосфена (XX, 33), продал афинянам столько хлеба, что его хватило не только на покрытие собственных нужд, но от продажи излишков было выручено 15 талантов.

¹⁶ В этой связи следует обратить внимание на колоссальную мраморную статую из Пантикапея, хранящуюся в Государственном Эрмитаже, которую Б. В. Фармаковский считал прекрасным оригиналом афинской работы середины IV в., и трактовал как изображение Аполлония, третьего сына Левкона I, из статуарной группы, помещенной на рельефе, увенчивающем афинский декрет 346 г. (Б. В. Фармаковский. Боспорские Спартокиды в аthenском ризьбярству. Юбил. Сбірн. на пошан акад. Багаля. Київ, 1927, стр. 1136 сл.). Б. В. Фармаковский предполагал, что постановление о сооружении подобных статуарных групп в Афинах, Пирее и Пантикапее могло содержаться в несохранившейся заключительной части декрета. Добавим со своей стороны, что там же могло содержаться указание и на статуи предков восхваляемых лиц — Левкона I и его отца Сатира I. Динарх в речи против Демосфена указывает на сооружение статуй Спартокидам на агоре, а в декрете в честь Спартока III говорится о статуях Спартокидов на агоре и в эмпории. Может быть, это расхождение не является случайным. Перисаду, Сатиру II и Горгиппу статуи действительно были сооружены только на агоре, а статуи их предков Левкона и Сатира I воздвигнуты и в Пирее.

¹⁷ Большинство ученых восстанавливает в строке 41 декрета ε[ῥ'ακροπόλεϊ]. Лишь Ларфельд (A. Larfeld. Griechische Epigraphik. Lpz. 1914, стр. 356; ср. его же, Handbuch der griechischen Epigraphik II, стр. 776 и 941) восстанавливает в этом месте ε[ῥ'εμπόριωϊ]. Восстановление Ларфельда представляется более вероятным, чем общепринятое. Афинские надписи III в. до н. э. обычно содержат указание на сооружение статуй на агоре, в театре и т. д. (см. например IG, II², 644, 648, 654, 657, 682 и др.), и лишь в одном случае в надписи конца III в. речь идет о статуе на акрополе (IG, II², 844). Помимо этого, вообще вполне естественно сооружение статуй боспорским царям, с которыми велась оживленная торговля именно в эмпории, в Пирее, где и стояли статуи предков Спартока III. Стелы же с декретами в их честь установлены на акрополе.

¹⁸ Ср. С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития..., стр. 606; Северное Причерноморье, стр. 136. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 67.

Е. И. ЛЕВИ

ТЕРРАКОТЫ ИЗ ЦИСТЕРНЫ ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЫ

Раскопки Ольвийской агоры, систематически ведущиеся в течение последнего десятилетия, дали много новых, важных материалов, освещающих различные стороны жизни ольвиополитов. К их числу относится и собрание терракот, найденных в 1955—1956 гг. при раскрытии цистерны¹.

Цистерна расположена в северной части агоры, на территории священного участка, застройка которого началась одновременно с возникновением агоры. Первоначально он был непосредственно связан с агорой; очевидно, в V в. до н. э. эта часть городской площади выделяется в особую священную округу и обносится невысокой оградой. Раскопками здесь открыты остатки фундаментов двух храмов (один был посвящен Зевсу, другой — Аполлону Дельфинию), монументальный алтарь, два жертвенника и другие культовые сооружения.

Цистерна, находящаяся несколько южнее храма Аполлона Дельфиния, вырыта в материковом грунте. Она конусообразна, сильно расширяется книзу и необычайно велика: диаметр горловины 1,5 м, дна — около 4 м, глубина — 8 м. Если учесть высоту утраченной каменной горловины, следует признать, что глубина в древности была около 9 м. Первоначально цистерна служила для хранения воды; на дне был округлый отстойник; стенки покрыты известковым раствором, нанесенным на материковый лёсс. Местами сохранилось несколько слоев обмазки, свидетельствующих о неоднократно производившихся ремонтах.

Почти до самой горловины цистерна была заполнена довольно рыхлым грунтом, сильно насыщенным керамикой и костями животных. Найдено значительное число обломков черепиц, амфор; подавляющее количество амфор было привезено с о. Родоса.

Богато представлена группа столовой посуды ольвийского производства — кувшинов, расписанных поясками, чашек. Встречено очень много фрагментов кухонной посуды для варки пищи — почти исключительно от больших двуручных мисок с крышками; от длительного пользования все они сильно закопчены. Количество лепной посуды незначительно. Сравнительно немного и чернолаковой посуды; преобладает группа однотипных буролоковых тарелок и чашек.

Наиболее ранние образцы керамики, в том числе и амфоры с клеймами, восходят к IV в. до н. э., но они малочисленны; преобладает керамика III—II вв. до н. э. Ко II в. до н. э. относится, например, фрагментарно

¹ Открыта в самом конце работ экспедиции 1955 г. Цистерна была очень глубока, и ее не удалось раскрыть полностью; исследование закончено в 1956 г.

сохранившееся пергамское блюдо больших размеров, большинство буролоковых плоских тарелок и чашек, иногда со штампованным орнаментом на дне, часть чернолаковых канфаров и др. Керамический комплекс дает основание говорить, что цистерна сооружена в IV в. до н. э., т. е. в то время, когда агора подверглась значительной перепланировке, ко второй половине II в. до н. э. была уже засыпана. Характерно, что две монеты, найденные в цистерне, относятся к середине II в. до н. э.² Позднее, когда в первые века н. э. на территории бывшей агоры, находившейся уже за пределами городских стен и превратившейся в заброшенный пустырь, размещаются ремесленные мастерские и устраивается зернохранилище, цистерна частично используется в качестве хозяйственной ямы. Об этом свидетельствуют обломки керамики I—II вв. н. э., которые, хотя и в незначительном числе, встречались в верхней части засыпи. Слой перетлевающей камки, обнаруженный на глубине 2,5 м, который, очевидно, лежал на дне ямы, указывает на глубину использования цистерны в более позднее время³.

С глубины 3,5 м начали попадаться отдельные обломки терракотовых статуэток, а с глубины 4 м до самого дна обломки терракот преобладали в составе засыпи. Всего в цистерне их найдено около 2 000. Наряду с хорошо сохранившимися терракотами и даже почти целыми экземплярами, собрано очень много мелких обломков⁴.

подавляющее количество статуэток изображает различные божества. Первое место занимает богиня Кибела, затем следуют Афродита, Деметра. Довольно многочисленны изображения «крылатого Гения»; есть несколько головок Сатира и др.

Культ Кибелы, матери богов, олицетворявшей вечно плодоносящую природу, был широко распространен во всех странах древнего мира, а в месте его зарождения — Малой Азии — особенно. Кибела почиталась и как основательница городов, поэтому часто ее головной убор изображался в виде оборонительных стен с зубцами. Культ этой богини в северном Причерноморье также был повсеместно распространен. В Ольвии и ранее встречались отдельные рельефы⁵ и терракоты⁶, изображавшие Кибелу, но такого большого количества изображений этой богини никогда до настоящего времени не встречалось: по предварительным подсчетам в цистерне оказалось около 500 обломков терракот, являющихся частями статуэток Кибелы, которых было не менее 70 экземпляров.

Почти все терракоты изображают Кибелу в обычной, трафаретной позе — сидящей на высоком кресле, с фиалой в правой вытянутой руке и тимпаном — в левой. На коленях ее лежит львенок. Довольно хорошо сохранившаяся статуэтка (отбиты голова и кисти рук) дает наглядное представление об одном из вариантов этого типа, восходящего по стилю к типу классического периода (рис. 3—3)⁷. Высота статуэтки (без головы) —

² На лицевой стороне обеих монет изображена голова Деметры с надчеканом головы Афины. Одна из них, с горитом и луком на обороте (0/55, № 3936), найдена на глубине 6,2 м; другая (0/56, № 3313), с неясным изображением на обороте, — на глубине 6—7 м. Тип монеты см.: А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXIII, 10.

³ Ниже этой глубины материал первых веков н. э. не встречался.

⁴ Часть обломков, найденных на разных глубинах, удалось подобрать и склеить.

⁵ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 48, рис. 75 и др. Сильно сбитый известняковый рельеф с изображением Кибелы найден в 1954 г. на агоре, несколько севернее цистерны.

⁶ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 42, рис. 58; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 67, рис. 75; Ольвия, т. I, Киев, 1940; стр. 85, рис. 62; стр. 86, рис. 63 и др. О культе Кибелы в Ольвии имеются упоминания в надписях первых веков н. э. (IOSPE, I², № 170 и 192). По свидетельству Геродота, Анахарсис, присутствуя в Кизике на празднествах в честь Матери богов, дал обет — по возвращении на родину совершить жертвоприношения в честь этой богини. Во время празднеств, происходивших в Полесье, Анахарсис был убит (Нер., IV, 76).

⁷ 0/55, № 2970.

1

2

3

4

Рис. 3. Статуэтки Кибелы, найденные при раскопках цистерны на агоре в Ольвии.

20 см. Богиня сидит на кресле с высокой спинкой; ноги покоятся на высокой, профилированной подставке; правая нога слегка вытянута вперед. Поверх хитона, ниспадающего четко переданными складками, накинута плащ. Кисти рук были сформованы отдельно и вставлены в специальные отверстия, отчетливо видные с задней стороны. Львенок, лежащий на коленях Кибелы, повернут влево. На втором экземпляре, отгиснутом аналогичной формой, сохранились остатки красок, дающие представление о росписи статуэток⁸. Одежда Кибелы окрашена в розовый цвет; пряди волос, как и львенок, в коричневый. Верхняя часть кресла расписана пересекающимися красными линиями, образующими ромбы, в центре которых вписаны розетки, состоящие из голубых точек. На нижней части кресла заметны следы голубой, черной и красной красок. Найденные фрагменты статуэток этого типа немногочисленны.— примерно, 5 экземпляров.

Большая часть статуэток принадлежит несколько иному варианту. Как обычно, богиня изображена сидящей на кресле с высокой спинкой (рис. 3—1, 2)⁹. В левой, слегка приподнятой руке она держит тимпан, в правой — фиалу. На коленях лежит львенок, повернутый влево. Но в отличие от описанного выше типа терракоты этого варианта несколько меньших размеров, подставка низкая; руки сформованы в одной форме, и правая рука плотно прилегает к креслу. Складки одежды, особенно хитона, переданы схематично, как и фигурка льва. В цистерне найдено более 50 статуэток Кибелы этого варианта. Наиболее ранние экземпляры относятся к III в. до н. э., наиболее поздние ко II в. до н. э. Несмотря на кажущуюся трафаретность второй группы, можно установить, что статуэтки были изготовлены в формах, которые несколько отличаются друг от друга в деталях: главным образом, по изображению львенка, размерам фиал, тимпанов и др.

Очень близка этой группе по общему стилю фрагментарно сохранившаяся терракота II в. до н. э. с изображением Кибелы, найденная в 1956 г.¹⁰, но львенок, сидящий на коленях богини, повернут не влево, а вправо. В цистерне найден только один экземпляр этого варианта¹¹.

В единственном экземпляре представлена также фрагментарно сохранившаяся статуэтка Кибелы, превосходящая по величине вышеописанные терракоты¹². Обращает внимание несколько иной стиль изображения и раскраска. Хитон был розового цвета, львенок — желтого. На прядях волос сохранились едва заметные следы позолоты; позолочены были и вставные глиняные пуговицы на рукавах хитона¹³. Кресло было расписано черной, белой и красной красками. Богатая роспись придавала статуэтке особенно эффектный вид.

Кроме описанных, среди терракот из цистерны обнаружены фрагменты, дающие представление об ином типе изображения Кибелы. Сохранилась нижняя часть статуэтки (рис. 3—4)¹⁴. Богиня, как обычно, сидит на кресле, с фиалой в правой руке и тимпаном в левой. Но львенок лежит не на коленях, а в ногах. Правой ногой Кибела опирается на его голову. Новым является также и рельефное изображение человеческих фигурок по обе стороны кресла: справа — стоящая женская фигура и сидящая муж-

⁸ 0/55, № 3249.

⁹ 0/55, № 3086; 0/55, № 3641.

¹⁰ 0/56, № 2154.

¹¹ Следует отметить, что у статуэтки с изображением Кибелы, найденной в Ольвии в 1935 г. (Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 86, рис. 63) и у Кибелы из раскопок Б. В. Фармаковского в Нижнем Городе (ОАК за 1909—1910 гг., стр. 67, рис. 75) львенок также повернут вправо.

¹² Склеена из нескольких фрагментов, найденных в 1955 и 1956 гг. Голова, нижняя часть ног, кисти рук отбиты (0/55, №№ 3461, 3497, 3500, 3507; 0/56, №№ 2190, 2297).

¹³ Отпечатки позолоченных пуговиц сохранились на земле.

¹⁴ 0/56, № 2188, 2236.

ская, слева — стоящая женская фигура, которая держит в левой руке неясный предмет, несколько напоминающий факел¹⁵. Найденные обломки от аналогичных статуэток принадлежат, примерно, трем-четырем экземплярам. По общему стилю они не могут быть датированы ранее III в. до н. э.

У всех статуэток Кибелы головы отбиты¹⁶.

Очень интересна находка фрагмента терракотовой формы для оттиска статуэтки Кибелы¹⁷. Находка формы и большое количество повторяющихся

Рис. 4. Протомы Деметры (1) и Афродиты (2).

изображений свидетельствуют, что большая часть статуэток изготовлена в самой Ольвии.

Терракоты с изображением Деметры представлены несколькими однотипными протомами, одна из которых сохранилась почти полностью (рис. 4 — 1)¹⁸. Поверх цилиндрической формы калафа накинута покрывало, обрамляющее полукругом лицо богини. Руки в обычном ритуальном жесте поддерживают груди. На одежде сохранились следы красной краски; на другом обломке аналогичной терракоты — следы голубой. Все найденные в цистерне протомы Деметры были изготовлены если не в одной, то в совершенно одинаковых формах. Находка сильно сбитой формы с частично сохранившейся головой Деметры¹⁹, указывает на то, что и эти тер-

¹⁵ На афинской агоре найден мраморный рельеф с изображением сидящей Кибелы с льюнком на коленях; по обе стороны кресла изображены стоящие человеческие фигурки — слева женская, справа — мужская (*Hesperia*, 1954, XXIII, № 3, табл. 40 — б; см. также F. Winter. *Die antiken Terrakotten*. Berlin, 1903, т. III, ч. II, стр. 174, № 4).

¹⁶ Исключением является верхняя часть одной статуэтки, найденной в 1955 г.

¹⁷ 0/55, № 2969. Сохранилась нижняя правая часть формы.

¹⁸ 0/55, № 2959. Склеена из двух обломков.

¹⁹ 0/56, № 2961.

ракоты местного производства. Аналогичные протомы встречались в Ольвии и ранее, что свидетельствует об их широком распространении²⁰. Они очень близки терракотам с изображением Кору, найденным в Херсонесе²¹.

Более многочисленны и разнообразны терракоты с изображением Афродиты, среди которых выделяются однотипные протомы. Голова Афродиты, как и Деметры, изображена на фоне покрывала (рис. 4—2)²². Правой рукой богиня прижимает к груди цветок; приподнятой левой, согнутой в локте, поддерживает покрывало²³. На хитоне и покрывале сохранились следы красной краски. Обращает внимание своеобразная прическа²⁴. При общей выразительности лица и всей фигуры нельзя не отметить несколько непропорционально массивную шею и некоторую укороченность кисти руки.

Наряду с тремя сравнительно хорошо сохранившимися экземплярами, найдены мелкие обломки. По-видимому, этот тип изображения Афродиты был распространен в Ольвии, хотя и встречен среди ольвийских терракот впервые. Известны и другие варианты образа Афродиты. Так, одна из терракот, изображает богиню полулежащей в раковине, другая — держащей голубя в левой руке. Все перечисленные терракоты плоские, сзади лишь слегка обработанные, предназначались для подвешивания. Однако есть и фрагменты от статуэток Афродиты в виде бюста, с эронтами на плечах; калаф на голове имеет форму чашечки. Целая терракота этого типа была найдена в Ольвии ранее²⁵. Очевидно, подобные бюсты принадлежали к числу распространенных изделий ольвийских мастеров III в. до н. э.

Многочисленные статуэтки «крылатого Гения» представлены двумя вариантами одного и того же типа. «Крылатый Гений» изображен стоящим, опирающимся на слегка согнутую левую ногу (рис. 5—3)²⁶. Плащ, перекинутый через левое плечо, оставляет почти всю фигуру обнаженной и служит как бы фоном. Высота статуэтки — 13 см. Этот тип, восходящий к классическим образцам, известен и по более ранним и по более поздним экземплярам — конца IV—III в. до н. э. Другой вариант разнится по величине (он несколько меньше) и по более суммарной передаче лица и трактовке складок плаща (рис. 5—4)²⁷. Следы краски свидетельствуют, что тело Гения было окрашено в розоватый цвет; на плаще видны следы голубой и розовой красок.

Обломки терракот, изображающих Гения, довольно многочисленны; найдено более 70 обломков, принадлежащих не менее 40 экземплярам. Преобладают статуэтки первого варианта, больших размеров. Все они плоские и имеют в верхней части задней стороны отверстия для подвешивания.

Терракоты с изображением крылатого Гения встречаются в Ольвии впервые. Ранее в северном Причерноморье они были известны в Херсонесе²⁸, единичные образцы найдены и в Керкинитиде²⁹. Этот факт

²⁰ Обломок аналогичной терракотовой протомы с изображением Деметры был найден на раскопе «И», в 1935. (Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 92, рис. 71).

²¹ ОАК за 1905 г., стр. 54, рис. 59; Херсонесский сборник, вып. II. Севастополь, 1927, стр. 224, рис. 105.

²² 0/55, № 2960.

²³ На воспроизводимом экземпляре левая рука не сохранилась, но об этом свидетельствуют другие фрагменты.

²⁴ Несколько напоминает коримбы, обычно изображаемые на голове Деметры.

²⁵ В 1938 г. на раскопе «И». Издана А. Л. Монгайтом. Археология в СССР. М., 1955, стр. 189.

²⁶ 0/55, № 2142. Эта статуэтка была найдена в культурном слое к северу от цистерны, но совершенно аналогичные терракоты обнаружены и в цистерне.

²⁷ 0/55, № 2964.

²⁸ Херсонесский сборник, вып. II. Севастополь, 1927, стр. 224, рис. 102; ОАК за 1905 г., стр. 54, рис. 60.

²⁹ Аналогичные терракоты имеются в каталоге терракот, изданном Винтером (F. Winter. Die antiken Terrakotten, т. III, ч. I, стр. 188, рис. 7; там же, т. III, ч. II,

1

2

3

4

Рис. 5. Терракоты из раскопок цистерны на агоре в Ольвии.

1 — алтарь с рельефными изображениями Ариадны, Диониса и Силена; 2 — маска Сатира; 3, 4 — «крылатый Гевий».

чрезвычайно интересен, тем более, что и терракоты с изображением Деметры очень близки материалам Херсонеса, и вотивные терракотовые алтари, о которых речь будет ниже, совершенно аналогичны последним.

Алтари прямоугольной формы, высотой 8 см, найдены в цистерне в значительном количестве фрагментов. Стенки их украшены рельефными изображениями мифологических сцен: 1) богини Ники, увенчивающей трофеей, 2) Аполлона, стоящего перед Артемидой, 3) Диониса, Ариадны с Силеном (рис. 5—1), 4) Посейдона и Амфитриды. Все алтарики, найденные в цистерне, совершенно идентичны и разнятся лишь большей или меньшей тщательностью оттиска, в подавляющем большинстве довольно небрежного. На некоторых экземплярах сохранились незначительные следы белой, голубой и красной красок. Миниатюрные терракотовые алтари не новы для Ольвии; они постоянно встречаются при раскопках различных частей города, что свидетельствует о массовом производстве этой группы терракотовых изделий в Ольвии³⁰.

Кроме описанных терракот, представленных многими экземплярами, найдены: чрезвычайно выразительно переданная голова Сатира, лицо которого было окрашено в красный цвет, а волосы и рога — в черный³¹; две хорошо сохранившиеся маски Сатира, оттиснутые одной формой (рис. 5—2)³² и др. Встречены также стоящие задрапированные женские фигуры типа танагрских статуэток. Фрагментарно сохранившаяся форма для изготовления одного из вариантов этих фигурок, плоскостно передающая плащ и складки хитона³³, и другая, с четким изображением³⁴, свидетельствуют, что часть терракотовых стоящих женских фигур производилась в самой Ольвии.

Привлекает внимание значительное количество обломков однотипных женских и мужских фигурок высотой около 10 см, отличающихся от остальных терракот низким качеством исполнения (рис. 6—1, 2). Они сделаны из плохо отмученной глины, слабо обожжены, вследствие чего очень хрупки, а некоторые не подвергались обжигу. Лица большинства женских фигур совсем не проработаны, но все же и эти фигурки расписывались; на одежде одной из них сохранились следы розовой краски. Мужские фигурки еще более примитивны. Несомненно, данная группа терракот — изделия рядовых ремесленников — была рассчитана на спрос беднейшей части населения.

Среди терракот из цистерны большое количество отдельных женских головок различных размеров. Часть из них принадлежит изображениям богинь, в том числе и Кибелы, часть — статуэткам типа Танагры.

Мужские головки единичны. Кроме упомянутой выше головки Сатира, отметим голову юноши с чрезвычайно живо переданной улыбкой³⁵. Интересны два вотивных щитка с изображением Медузы³⁶, фрагментированные светильники в виде двух стоящих юношей, державших в поднятых руках чашу для масла, и др.

На многих статуэтках сохранились следы красок. Излюбленными для окраски одежды были цвета розовый, голубой, иногда красный. Волосы обычно окрашивались в коричневый цвет, реже — в черный. В исключении (рис. 426, рис. 5). В цистерне найдена необожженная головка «крылатого Гения». Это указывает, что часть статуэток изготовлялась в самой Ольвии.

³⁰ ОАК за 1908 г., стр. 76, рис. 49—52; Алтари из Херсонеса: ОАК за 1900 г., рис. 42. Обломок стенки совершенно аналогичного алтарика IV—нач. III вв. до н. э. с рельефным изображением Диониса, Ариадны и Силенов был найден в Коринфе (*Hesperia*, 1954, XXIII, № 2, табл. 33—в).

³¹ 0/55, № 2962. СА, 1958, № 4, стр. 139, рис. 11 а.

³² 0/56, №№ 2526 и 2257.

³³ 0/55, № 3435.

³⁴ 0/55, № 3665 и 0/56, № 2811. СА, 1958, № 4, стр. 139, рис. 12.

³⁵ 0/55, № 2968. Там же, рис. 11 б.

³⁶ 0/56, № 2715, 3060; 0/56, № 2714.

тельных случаях применялась позолота. Яркие контрастные краски придавали статуэткам особую выразительность.

Обращает внимание крайне незначительное число фигурок животных. Встречено лишь несколько изображений бычков, которые по типу также

Рис. 6. Терракоты и форма для статуэтки из раскопок цистерны на горе в Ольвии.

1 — фрагменты женской статуэтки; 2 — фрагменты мужской статуэтки; 3 — форма для статуэтки Силаса.

близки бычкам из Херсонеса³⁷. Размеры их различны. Большинство из них сделано из плохо отмученной глины, с большим количеством включений крупного песка; тело животного суммарно моделировано. Интересна одна из головок с наклепной розеткой на лбу, наподобие украшения голов жертвенных быков. Найдено несколько фигурок птичек — голубей, стоящих на отдельно сформированных прямоугольных подставках. Большинство голубей повторяет тип, хорошо известный и ранее по раскопкам Причерноморья. Нельзя не обратить внимания, что часть фигурок голубей и подставок не подвергалась обжигу.

³⁷ Херсонесский сборник, вып. II, стр. 116, рис. 9, 10.

Было бы преждевременно сейчас решать вопрос о соотношении привозных и местных терракот, вопрос о центрах их производства; для этого необходимо провести специальную работу по изучению всего материала.

Однако, как уже отмечалось, находка формы Кибелы, близкая одному из вариантов первого типа, является доказательством, что часть статуэток с изображением богини была изготовлена в самой Ольвии. Кроме того, в цистерне найдены обломки других форм, характеризующих местное производство терракот. Собрано 49 обломков, в большинстве случаев мелких, часть из них является задними половинками. Хорошо сохранились две формы для оттиска женских фигурок и подражаний статуэткам Танагры; форма с изображением Силена (рис. 6—3)³⁸, причем отдельные обломки от аналогичных форм указывают, что изображения Силена были довольно распространены, хотя оттисков с них в цистерне не оказалось. Полностью сохранились также две одинаковые формы для небольших votивных фиал. Эти новые находки, как и многочисленные образцы одних и тех же статуэток, служат ценным источником для изучения художественного ремесла ольвиополитов. Если даже некоторые образы, как например Кибелы, были созданы не в Ольвии, а ольвиополиты заимствовали их, сделав оттиск с привозных изделий и затем размножив их, все же при доработке оттиска могли быть привнесены черты, характеризующие местное искусство Ольвии.

Обломки терракот найдены в значительном количестве и к востоку от храма Аполлона в культурном слое III—II вв. до н. э. Некоторые из них повторяют типы, имеющиеся в цистерне, как, например, изображения «крылатого Гения» (см. рис. 5—3), Афродиты с эротами на плечах, бычков. Здесь также встречено несколько обломков форм и одна целая с изображением Аполлона, играющего на кифаре; попадались куски печины, сырцовых кирпичей, золистые прослойки и пр. Очевидно, здесь находилась мастерская для изготовления votивных терракот. Возможно, что незначительные остатки кладки, открытые в этой части раскопа, являются остатками стен мастерской, примыкавшей к стене ограды.

Мастерская, из которой вышла часть терракот, обнаруженных в цистерне, изготовляла вещи специально для приношений в храм. О том, что терракоты имели votивное значение, говорит большое количество изображений божеств, их однотипность, наличие отверстий для подвешивания и др. Даже статуэтки типа Танагры, на первый взгляд, казалось, чисто бытовые, также могли быть votивными: у греков был обычай подносить богам свои изображения и тем самым как бы ставить себя под их защиту.

На votивный характер комплекса указывают и находки восьми передних частей бычьих голов, соответственно обработанных, срезанных и уплощенных с задней стороны для того, чтобы их можно было подвешивать. Это были черепа жертвенных быков, висевшие в храме. Отверстия в центре лба и у основания рогов служили для укрепления розеток и спускающихся с рогов венков, гирлянд, которыми обычно украшали головы быков, предназначенных для жертвоприношений. Перед нами как бы оригинал букраниев, которые постоянно изображались в камне и на свинцовых пластинках, служивших как для отделки саркофагов и других памятников, так и в качестве приношения. Свинцовые букрании широко известны по материалам Средиземноморья и северного Причерноморья, но черепа жертвенных быков найдены впервые.

Итак, votивный характер комплекса терракот не подлежит сомнению. Но чем объяснить их массовое нахождение в цистерне? Интересно, что на афинской агоре открыт ряд цистерн с большим количеством терракотовых

³⁸ Склеена из нескольких обломков, найденных в разные годы: 0/55, № 3664, 3165; 0/56, № 2808.

изделий, датирующихся в узких хронологических рамках: середина IV в. до н. э., последняя четверть IV в. до н. э. и т. д. Дороти Томпсон, исследовавшая собрание терракот из этих цистерн, полагает, что они являлись выкидом из мастерских, изготавливавших votивные статуэтки³⁹. Если такое предположение верно для комплексов афинской агоры, вряд ли этим, точнее — только этим, может быть объяснено скопление терракот в цистерне ольвийской агоры. Находки обломков форм позволяют допустить какую-то долю отброса из мастерской, но одним этим не может быть объяснено изобилие разнообразных изделий, представленных в единичных экземплярах, среди которых много и привозных вещей. К тому же материал не одновременен, а включает образцы продукции от IV до II вв. до н. э. включительно.

Нам представляется, что, в основном, перед нами сброс терракот, некогда находившихся в храме (или храмах). Мастерская, изготавливавшая их, также, очевидно, принадлежала храму. Наличие в цистерне столовой и кухонной посуды не противоречит такому выводу. В состав храмового имущества, которое нельзя было выносить за пределы священной округи, входил и хозяйственный инвентарь. В ограде святилища Олимпии также найдено большое скопление кухонной посуды. А что жертвенные пиры происходили в Ольвии вблизи храма Аполлона, свидетельствует обломок надписи, найденный в пределах священного участка; чествуемые лица приглашались для угощения в храм Аполлона, т. е. в ограду этого храма⁴⁰.

Но когда же сброшены терракоты в цистерну агоры? Можно ли полагать, что заполнение ее было постепенным? Перемешанность материала противоречит последнему. Поздние вещи залегают иногда ниже ранних, и одни и те же буrolаковые тарелки II в. до н. э. шли до самого дна цистерны. Показательно, что и две монеты, относящиеся к середине II в. до н. э., найдены на значительной глубине. Очевидно, цистерна заполнена в довольно короткий промежуток времени, когда часть храмового имущества сбросили в цистерну, уже потерявшую свое значение. Во второй половине II в. до н. э., как уже указывалось, она была окончательно засыпана.

В заключение отметим, что в цистерне найдено также шесть фрагментов надписей, в том числе декрет о проксении в честь жителя Орхомен в Аркадии. Это новый источник для установления сношений Ольвии с Аркадией в IV в. до н. э. Не меньшее значение имеет и находка фрагмента мраморной базы с посвятельной надписью V в. до н. э., с полностью сохранившимся именем Аполлона Дельфиния. Заслуживает внимания обломок стенки красноглиняной ойнохои с четырехстрочным клеймом агораномов⁴¹; справа клейма помещен оттиск геммы с изображением Эрота, присевшего на корточки перед сидящей Психеей.

Богатая коллекция терракот из цистерны, отражающая образы почитаемых божеств, может служить важным источником для изучения культуры города, истории ольвийских культов. Новые терракоты выявили большое значение в эллинистическое время культа Кибелы в Ольвии, святилище которой находилось, очевидно, на агоре. Формы для оттиска терракот, как и повторяющиеся типы статуэток, дают богатейший материал для изучения художественного ремесла Ольвии.

³⁹ D. Thompson. Three centuries of Hellenistic terracottas. *Hesperia*, 1952, vol. XXI, № 2; *Hesperia*, 1954, XXIII, № 1.

⁴⁰ МИА, № 50, 1956, стр. 102, рис. 65.

⁴¹ За время раскопок агоры найдено уже семь клейм с именами агораномов, из них четыре клейма — в 1956 г.

М. М. КОБЫЛИНА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФАНАГОРИЙСКИХ ВИНОДЕЛЬНЯХ

Небольшие, с мягкими очертаниями, с пологими склонами холмы, прилегающие к Фанагории, всегда были благоприятны для разведения виноградников. Мы не знаем пока, с какого времени началось садоводство, виноградарство и виноделие в Фанагории. Культура винограда, вероятно, была перенесена сюда уже в VI в. до н. э. переселенцами-ионянами. Но самый ранний документальный материал, свидетельствующий о наличии виноградников и производстве вина, открытый в Фанагории, относится к IV в. до н. э. Во время экспедиции 1955 г. на Западном береговом раскопе в культурном слое IV в. до н. э. были найдены 80 виноградных косточек¹. К IV в. до н. э. относится также группа мерных, применявшихся при продаже вина сосудов фанагорийского производства с клеймами местных мастерских². Но еще не известен район города, где находились ранние винодельни, и не ясно какого типа они были. Имеющийся материал этого рода относится к более позднему периоду — к первым векам н. э. Остатки виноделен обнаружены на нижнем плато городища, в прибрежной его части.

По всей вероятности, к винодельне относятся две небольшие цистерны, открытые в 1870 г. И. Е. Забелиным на берегу залива под насыпью городища, «построенные рядом и внутри прекрасно цементированные. Каждая имела в глубину 2 аршина, в ширину 1 арш. 8 в. Подобная же цистерна была открыта в другом раскопе на берегу моря, дальше на восток»³.

На Северном раскопе в центральной части городища в 1948 г. в слое I в. н. э. были выявлены две сильно поврежденные давяльные площадки винодельни, разделенные желобком, служившим основанием для деревянной перегородки. Остатки большого винодельческого хозяйства III в. н. э. открыты в 1940, 1948 и 1954 гг. на Северном раскопе⁴. Здесь найдены две смежные цистерны и несколько больших пифосов для вина⁵. Одна из цистерн хорошо сохранилась; в плане она не совсем правильной четырехугольной формы, со скругленными углами, ее длина — 1,25—1,35 м, ширина — 1,0—1,05 м. На дне в нижней части стенок сохранилась обмазка

¹ Анализ зерен сделан А. В. Кирьяновым (ИИМК).

² В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 219, рис. 16; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 86—96.

³ Архив ИИМК. Дело 19/1870. Донесение И. Е. Забелина от 7 сентября 1870 г. ОАК за 1870 г., VI.

⁴ КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 89.

⁵ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 88.

в виде известкового, с включениями битого кирпича, раствора очень плотного, розового цвета. Обмазка стенок сохранилась на высоту 0,7—0,8 м; она наложена в восемь слоев толщиной 0,5—1,5 см каждый; дно плоское с наклоном к северо-западному углу, где сделано углубление для отстоя виноградного сока (диаметр углубления — 0,1—1,2 м).

Тип винодельни с двумя смежными цистернами находит аналогии в Пантикапее: винодельня II в. н. э. с тремя давяльными площадками и двумя разделенными тонкой перегородкой цистернами открыта на Эспланадном раскопе, на северном склоне горы Митридат в 1947 г.⁶ Прекрасной сохранности винодельня того же типа конца II—начала III в. н. э. раскопана на Ново-Эспланадном раскопе на горе Митридат в 1956 г.⁷

Во время работы экспедиции 1955 г. в Фанагории открыт другой тип винодельни. При исследовании случайно обнаруженной каменной кладки в западной части городища, сохранившейся у самой воды и частично под водой залива (на расстоянии 98 м от Западного раскопа 1954 г.) были расширены днища трех смежных цистерн (рис. 7). У западной цистерны местами сохранились нижние части стенок, сложенных из кирпичей; их наибольшая высота равна 0,15 м — три ряда кладки (рис. 8). Каждая цистерна имеет форму вытянутого прямоугольника; днища и стенки были покрыты розовым известковым раствором с примесью толченого кирпича, наложенным в один слой толщиной 0,05 м. Местами на обмазке заметны следы красной краски. Днища крайних цистерн — плоские, в средней, в ее южной части, — округлое углубление с плавно поднимающимися стенками, диаметром 0,60—0,72 м, глубиною 0,22 м, очевидно, служившие для отстоя виноградного сока.

Днища цистерн обнаружены под слоем наносного морского песка и тонким слоем береговой осыпи городища, сильно размываемого в этом месте морем. Стенки, за исключением их самых нижних частей, и давяльные площадки, примыкавшие к цистернам, разрушены морем; в осыпи над днищами обнаружены фрагменты керамики, терракоты, монеты разного времени от IV в. до н. э. по IV в. н. э.

Ближайшей аналогией фанагорийским цистернам по их пропорциям и размерам являются цистерны хорошо сохранившейся винодельни в Тиритаке⁸. Тип винодельни с тремя резервуарами, соответствующими трем давяльным площадкам, датируется В. Ф. Гайдукевичем первыми веками н. э. Он появляется в I—II вв. н. э. и сохраняется в III—IV вв.⁹ Размеры цистерн винодельни с тремя резервуарами в Тиритаке весьма близки размерам фанагорийских: днище средней цистерны в Тиритаке равняется $0,85 \times 1,22$ м при глубине 0,38 м¹⁰; днище средней цистерны фанагорийской винодельни — $0,85 \times 1,30$ м; она могла иметь такую же или близкую глубину.

В известной степени основанием для даты винодельни, открытой в 1955 г., может служить глубина залегания днищ цистерн от поверхности неразрушенного края обрыва городища; эта глубина равняется 4,1 м. Исследования стратиграфии культурных напластований в центральной и западной частях нижнего плато городищ Фанагорий показали, что нижнее плато имеет верхний средневековый пласт мощностью около 2 м.

⁶ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1947 г.). КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 34, рис. 14.

⁷ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Пантикапея в 1956 г. Архив ИИМК.

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 310—311.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 133.

¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 310.

Следовательно, винодельня при возможной глубине цистерны около 1,4 м находилась в античном культурном слое II—III вв. н. э.

На Таманском полуострове аналогичная винодельня с тремя резервуарами и тремя давящими площадками открыта В. Д. Блаватским во время работы Синдской экспедиции в 1953 г.¹¹ Она датируется концом

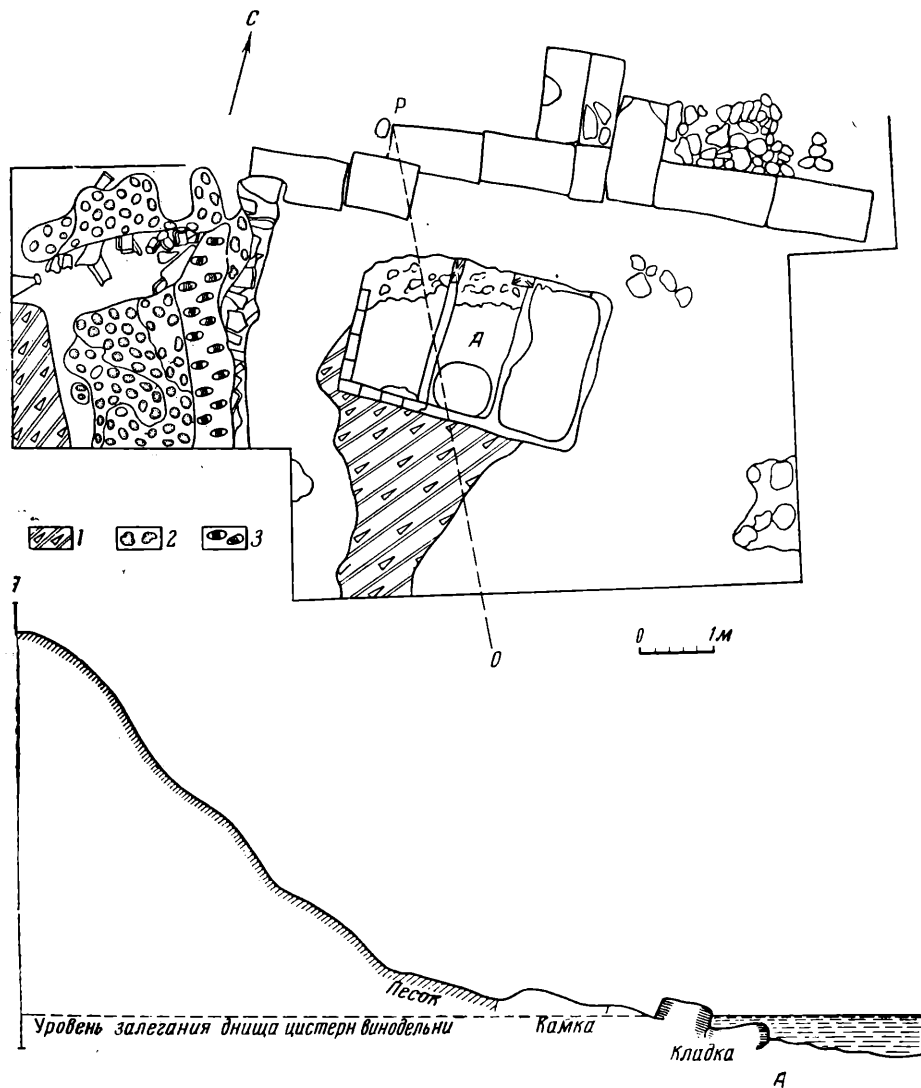
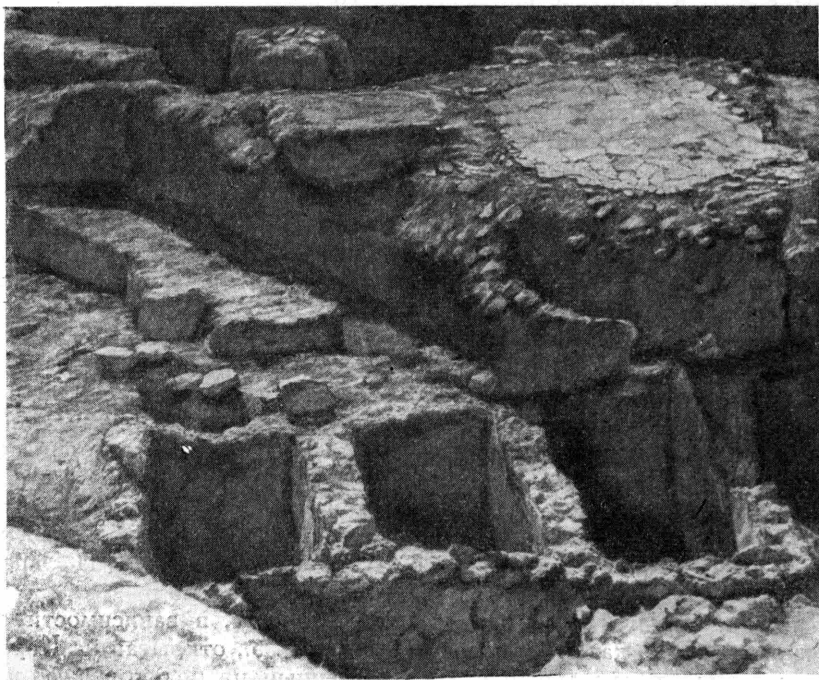

Рис. 7. Фанагория. План Берегового раскопа и разрез берега до начала работ.

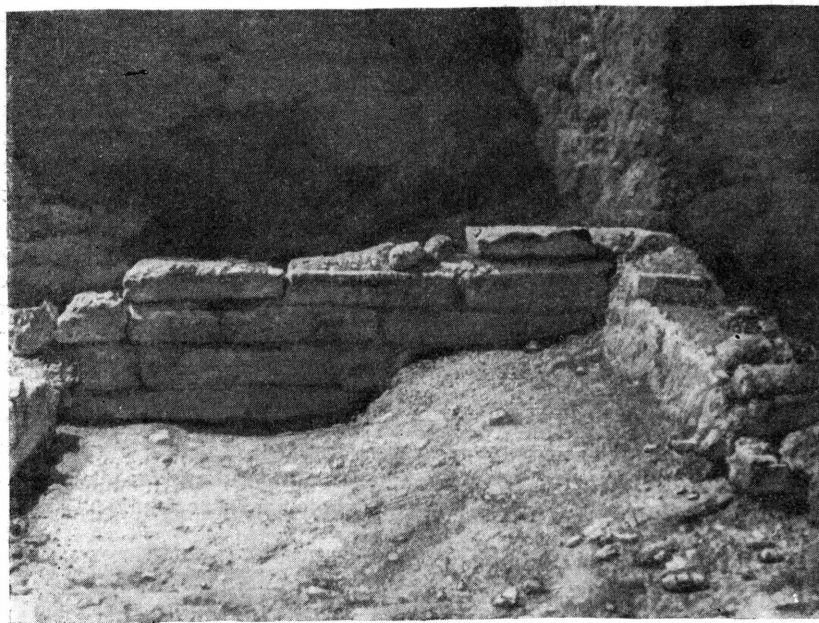
А — винодельня; 1 — черепяная вымостка; 2 — съезд; 3 — цемянковый настил

II—началом III в. н. э. Центральная давящая площадка и средняя цистерна находились на одной оси, а наружная сторона южной площадки (северная не сохранилась) выступает за линию южной цистерны. Резервуары немного меньше фанагорийских (их общая длина — 3,42 м, ширина — 1,91 м), но они более глубокие, чем тиритакская: их глубина — 1,78—1,96 м от поверхности средней площадки.

¹¹ В. Д. Блаватский. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, 70, 1957, стр. 126—129.

1

2

Рис. 8. Деталь цистерны (1) и остатки винодельни у поселения
Пятиколодезное (2).

Тип винодельни с тремя цистернами, открытый в Тиритаке и в Мирмекии исследован В. Ф. Гайдукевичем, который считает его наиболее распространенным в практике винодельческого хозяйства Боспора¹².

Однако, повторяя этот тип, фанагорийская винодельня, открытая в 1955 г., имеет технические особенности, выделяющие ее среди всех ранее известных виноделен на Керченском и на Таманском полуострове, в том числе и выше указанных фанагорийских. Стенки ее сложены не из камня, как обычно, а из кирпичей удлиненной плоской формы и одинаковых размеров (длиною 0,26 м, шириной 0,12 м, толщиной 0,04 м). Кирпичи сделаны из фанагорийской глины, сильно обжжены, на обратной стороне некоторых из них заметны следы пальцев лепщика — параллельные косые полоски, иногда пересекающиеся по диагонали. Кирпичи уложены на известковом растворе, плашмя, длинной стороной вдоль стенок; ширина стенок цистерн равняется ширине кирпича.

Факт применения в кладке кирпича вместо камня хорошо увязывается с уже известными нам материалами о широком использовании в фанагорийском строительстве глины и что объясняется отсутствием камня в ближайших окрестностях города и вместе с тем — наличием тонкой и пластичной глины не только в окрестностях, но даже и на территории самого города.

При расчистке винодельни в 1955 г. найден кирпич иной формы — плоский, квадратный; такие же квадратные кирпичи выстилают пол помещения II—III, открытого в 1954 г. в береговом обрыве (на Западном раскопе).

Очевидно, кирпичи делались различной формы, в зависимости от их назначения, так же, как и сырцы. Печь IV в. н. э., открытая на Керамике в 1953 г., имела центральный столб, сложенный из больших квадратных сырцовых кирпичей, кольцевые же стены были обложены с внутренней стороны узкими удлиненными.

Таким образом, винодельня, обнаруженная в 1955 г., не только представляет новейший для Фанагории тип, но и может служить образцом новой на Боспоре строительной техники виноделен.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что винодельня врезана в культурный слой III в. до н. э., в вымостку (2), примыкающую к великолепной кладке стены монументального здания (4), выполненной из тщательно отесанных квадров известняка; ниже лежит мощный культурный слой IV в. до н. э., в котором найдено множество образцов прекрасной аттической керамики, расписной и чернолаковой и обнаружены остатки здания (5) с развалившейся сырцовой стеной и упавшей крышей.

Исследование винодельни в 1955 г. подтверждает вывод, который можно было сделать уже на основании изучения более ранних сооружений, относящихся к периоду сарматизации: в первые века н. э. на нижнем плато Фанагории над развалинами богатых общественных зданий появились хозяйственные постройки. Этот факт отмечен нами в центральной части города — на Северном раскопе, где над руинами здания с полихромной росписью по штукатурке были обнаружены остатки виноделен I—III вв. н. э.; теперь его можно отметить и в западной части города.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 54, рис. 60 и 61; стр. 133; его же. Боспорское царство. Л., 1949, стр. 354 и сл., рис. 60 а, б.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ЛЕВЕНОК

РАБОТЫ ДЕСНИНСКОГО ОТРЯДА 1956 г.

Археологические работы на р. Десне в 1956 г. проводились в плане изучения позднего каменного века (мезолит—неолит) в западной части Средне-Русской возвышенности, на территории Брянской, Орловской, Сумской и Черниговской областей. Работы были организованы Палеолитической экспедицией ИИМК АН СССР под общим руководством А. Н. Рогачева.

В задачи отряда входило обследование памятников мезолита и неолита, причем, преимущественное внимание было уделено левобережной стороне деснинской долины, изобилующей старицами, заболоченной и заросшей. В широких размерах применялась шурфовка, которая производилась не только на памятниках, но и по всей кромке нижней надпойменной террасы, в пойме и останцах в пойме. Для изучения стратиграфии, в добавление к работам прежних лет, было выполнено несколько десятков зачисток обрезов в русле Десны. Наблюдения в сотнях заложенных шурфов дали дополнительные материалы для предварительной классификации и определения относительного возраста археологических памятников деснинской долины. В ряде пунктов шурфовкой выявлены памятники, ничем себя внешне не выдававшие, хорошо задернованные, с ненарушенной поверхностью.

Левобережно-пойменный вариант маршрута отряда дал положительные результаты: открыто сто двадцать ранее неизвестных стоянок и местонахождений мезолита и неолита. Изучение же стратиграфии поймы позволило выявить некоторые закономерности в условии залегания культурных остатков в толще самой поймы. Много внимания уделялось выяснению взаимоотношения памятников надпойменного типа с памятниками, залегающими внутри безрельефной поймы¹.

Древнейшие в деснинском бассейне мезолитические стоянки Елисевици (верхний слой), Комягино, Покровщина, Смячка XIV не обследовались, но, делая хронологический обзор памятников мезолита, открытых или посещавшихся в 1956 г., следует помнить об их раннемезолитическом возрасте.

К числу открытых в 1956 г. мезолитических стоянок относятся пункты № 5, 6, 8 (может быть, № 9—12) близ поселка Масловка, в Выгоничском районе Брянской области (рис. 9). Все эти пункты расположены на кромке нижней надпойменной террасы левого берега деснинской долины,

¹ Консультации по вопросам, касающимся структуры и истории поймы, были получены автором от геолога В. А. Хохловкиной при совместной с нею работе в Деснинском отряде 1939 г. и от геологов Г. И. Лазукова и А. А. Величко в 1956 г., которым автор, пользуясь случаем, приносит благодарность.

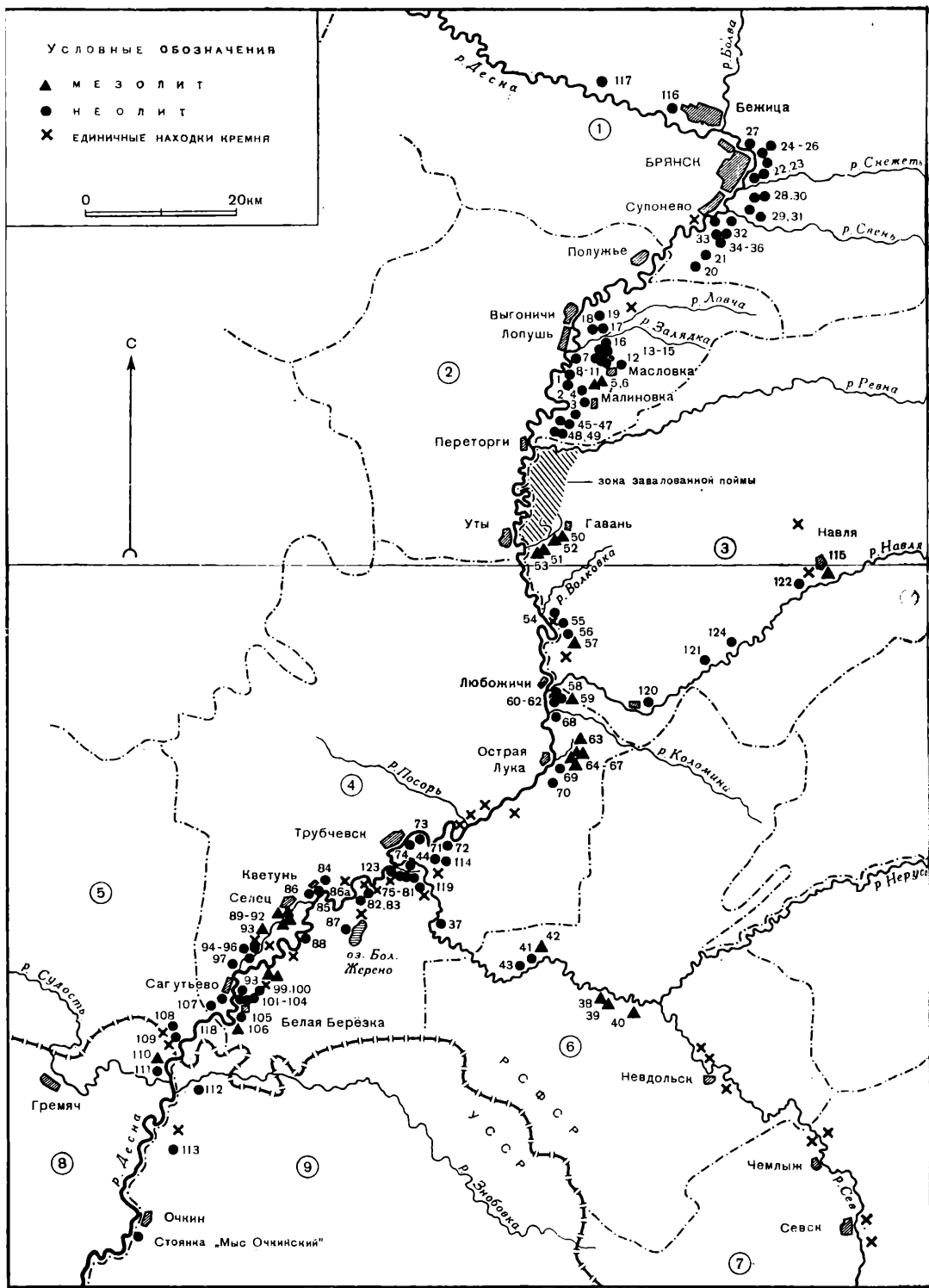

Рис. 9. Схематическая карта археологических разведок в бассейне Десны.

Цифры в кружках обозначены территории районов: Брянской обл.: 1 — Брянский, 2 — Выгоничский, 3 — Навлиский; 4 — Трубчевский, 5 — Погарский, 6 — Суземский, 7 — Севский; Черниговской обл.: 8 — Гремячский; Сумской обл.: 9 — Знобь-Новгородский. Названия пунктов 1—124 см. в списке, приложенном к статье (стр. 34—36).

в местах, где она поднимается над поймой на высоту до 5—10 м, и представляют собой небольшие, до 50—100 м в поперечнике, пятна, где сосредоточены кремневые орудия, отщепы и обломки кремня. Керамика отсутствовала. По характеру находок эти пункты близки упомянутым ранне-мезолитическим стоянкам. Для них характерно малое число орудий при достаточно обильном количестве отщепов и обломков. К орудиям относятся односторонне обработанные нуклеусы, грубые отщепы со следами их использования в роли режущих и скребущих орудий и крупные нуклеидные рубящие орудия. Кремьень этих местонахождений, так же как и из упомянутых выше древнейших мезолитических стоянок, отличается значительной патинизацией, а формы орудий — некоторой грубостью и архаичностью.

Мезолитические стоянки на дюнах — у пос. Будимир (93),* в уроч. Волчий Бугор (39) близ дер. Денисовки на р. Нерусе, на Селецких дюнах (89—92), в уроч. Уборок-Званы (110) и др., а также местонахождения на кромке первой надпойменной террасы близ пос. Гуры (63—67), у пос. Гавань (50—53) и др. — по составу и характеру кремневого инвентаря и кремня как материала очень отличаются от рассмотренных выше.

Кремневый инвентарь этих стоянок состоит из обильных отходов, главным образом мелких отщепов, чешуек и осколков кремня. Стоянки бедны не только орудиями крупных форм, но и крупными кусками кремня вообще.

Здесь обычны находки небольших, односторонне обработанных нуклеусов (рис. 10—43) и не очень правильных ножевидных пластинок. Наиболее распространенным техническим приемом являлся прием поперечного сечения отщепов и ножевидных пластинок на мелкие прямоугольные, треугольные и трапециевидные кусочки, использовавшиеся без вторичной обработки, о чем свидетельствует значительная сработанность многих из них — зазубрины, заломы, заполированность, притупленность на режущих краях. Эти наблюдения позволяют сделать предположение об их использовании в качестве вкладышей (рис. 10—1—14). Некоторые из них с тыльной, входящей в стержень стороны притуплены продольным сколом (рис. 10—6). Встречены проколки (рис. 10—25—27), миниатюрные скребки (рис. 10—33—36) и краевые сколы (рис. 10—20, 38).

Обращает внимание использование мелких осколков кремня в качестве своеобразных, не требующих затраты труда, но недолговечных, быстро притупляющихся орудий. Некоторые из них оформлены мелкой ретушью и имеют вид режущих орудий с выпуклыми или вогнутыми лезвиями. Часть их более крупных размеров (рис. 10—37). В небольшом числе найдены угловые резцы, у которых режущий угол образован сколами по обе стороны жала (рис. 10—31). К более редким орудиям относятся: пластинка со сбитым бугорком и затупленной мелкой ретушью боковой гранью на обушной стороне, использовавшаяся, по-видимому, в качестве своеобразного долотца, клиновидное орудие, изготовленное из рассеченного отщепы со снятым бугорком и др.

К дюнным мезолитическим стоянкам близки по формам кремневого инвентаря некоторые стоянки, расположенные на кромке нижней надпойменной террасы левого берега деснинской долины и ее притоков.

К их числу относятся стоянки боровой террасы в поселке Гавань и у залива Гаман (50—53), в урочище Брусы у д. Смилиж (42), в пос. Зинутка (57), в пос. Навля (115), у пос. Гуры (63—67), в Холмовском лесоучастке (100), у д. Денисовки (38), в уроч. Алешанский Уборок (94—96), а также ряд пунктов по берегам речек Навли и Нерусы и др.

Имея много общего с кремневым инвентарем дюнных стоянок, орудия стоянок на террасах более разнообразны, они крупнее, заметна большая

* Номера, данные в скобках, соответствуют номерам пунктов на карте (рис. 9) и в списке, приложенном к статье (стр. 34—36).

дифференциация и развитие. В большом числе встречались сечения пластинок, но многие из них более крупных размеров. К ним по форме близки сечения плоских отщепов. Здесь также встречены небольшие односторонне обработанные нуклеусы. Скребки, в общем, больших размеров, изготовлены

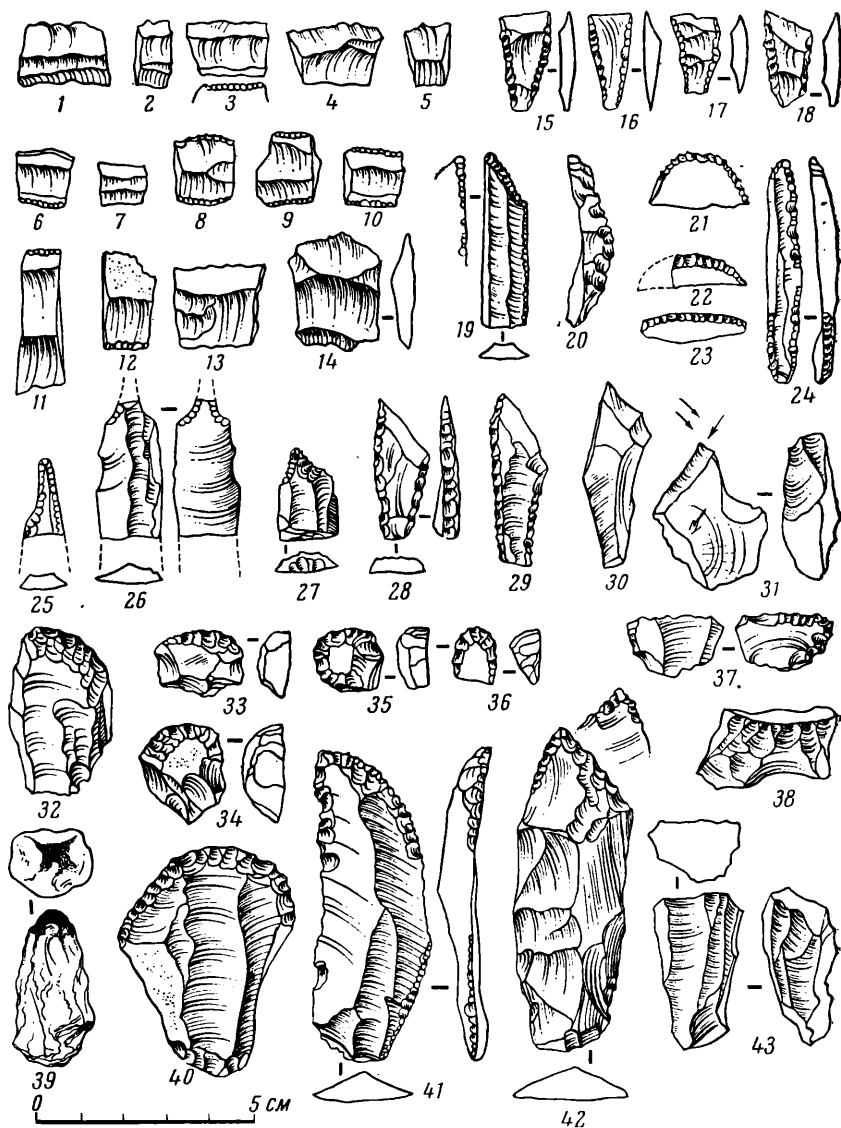

Рис. 10. Кремневые орудия мезолитических стоянок на Десне.

Места находок: 1, 2, 21, 43 — пос. Будимир, дюна (п. 93); 3—5 — стоянка в уроч. «Волчий Бугор» (п. 39); 6—19, 22—24, 31, 32, 38, 39, 41, 42 — уроч. Селецкие дюны (п. 92); 20, 25—28, 36 — уроч. Волчий Бугор (п. 39); 29 — пос. Зинутка (п. 57); 30 — Гаман (п. 51); 33—35 — уроч. Селецкие дюны (п. 91); 37 — там же (п. 89); 40 — дер. Денисовка (п. 38).

на отщепах, тогда как на дюнных стоянках они изготовлялись преимущественно на обломках массивных пластинок. Изредка попадались нехарактерные для инвентаря мезолитических стоянок описываемой области геометризованные микролиты (рис. 10—21—23). В ряде пунктов и особенно в богатом инвентаре пункта 92 найдены небольшие ретушированные пла-

стинки, пластинки со скошенным концом типа граветт, пластинки с притупленной спинкой и др. (рис. 10—19, 24). Здесь имеются проколки на ножевидных пластинках и узких отщепках. Ножи на пластинках часто оформлены в виде орудий со скошенным лезвием (рис. 10—41, 42). Встречены грубо обработанные клинышки — возможно орудия для расщепления дерева. Резцов мало, и они невелики размерами и невыразительны по форме. Обычны находки сильно сработанных на концах ретушеров, что, как будто бы, свидетельствует о возрастающем значении обработки кремневых орудий ретушью (рис. 10—39). В составе кремневого инвентаря заметное место занимают краевые сколы с нуклеусов и орудий, что, по-видимому, свидетельствует о возрастающих в это время технических поисках в области обработки кремня.

Пункт 92 на обширных Селецких дюнах вообще следует особо отметить. Являясь бесспорно мезолитическим, он несколько отличается от остальных дюнных памятников этого типа. Его отличительный признак — обилие и разнообразие кремневого инвентаря, в частности, стрел. Здесь в большом числе встречены трапециевидные сечения пластинок, обработанные по сторонам изломов притупляющей ретушью, служившие в качестве наконечников с поперечным лезвием на более широкой стороне, без ретуши. Они невелики и, по-видимому, служили одной из древнейших форм стрел в данном районе (рис. 10—15—18). К этим формам близки такие же орудия, но со скошенным лезвием (рис. 10—28). Такие же наконечники найдены в пункте 57 у пос. Зинутка (рис. 10—29) и других местах. На стрелке 140-метровой террасы между заливом Гаман и долиной р. Десны (51), среди мезолитического кремневого инвентаря, обнаружена заготовка стрелы с косым лезвием, (рис. 10—30).

В пункте 92 встречены наконечники стрел, изготовленные преимущественно из трехгранных пластинок путем выделения ретушью черешка и заострения на другом конце пластинки жала стрелы. Нужно отметить, что ретушь наносилась преимущественно со стороны брюшка. Эти наконечники напоминают стрелы так называемого свидерского типа, однако, в бассейне Десны на мезолитических памятниках, отличающихся известным местным своеобразием, орудий этой культуры до настоящего времени не найдено².

На площади рассматриваемого памятника несомненно совмещаются пункты с культурными остатками разного возраста. Разборка тонкого (до 0,3 м) культурного слоя в ряде шурфов дала среди других материалов, наконечники стрел различных форм. К ним относятся обработанные двусторонней плоской отжимной ретушью листовидные (11—1, 4), ромбические (рис. 11—2, 6), черешковые (рис. 11—5) и даже с выемкой вместо черешка (рис. 11—3). Первые формы стрел — неолитические; стрелки с выемкой в ряде случаев зафиксированы в составе раннеметаллических комплексов. К сожалению, на этом богатейшем памятнике, за исключением незначительной площади, почти весь слой развеев.

Заканчивая обзор мезолитических памятников, следует коснуться характера культурного слоя на них. На дюнных стоянках, за исключением небольших по площади останцов, почвенный и совмещенный с ним культурный слой развеев или переотложен ветром. В местах относительно недавнего разрушения слоя перевевающиеся пески имеют серый или буровато-грязный цвет и их поверхность усеяна кремнями. В местах, где культурный слой разрушен давно, лежит ровный белый песок. Находок кремня здесь меньше. На поверхности дюн встречается очень немного сильно измельченной керамики, по-видимому, поздней. В шурфах кремнь обнаруживается без какого-либо заметного стратиграфического распределения

² М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 42—54.

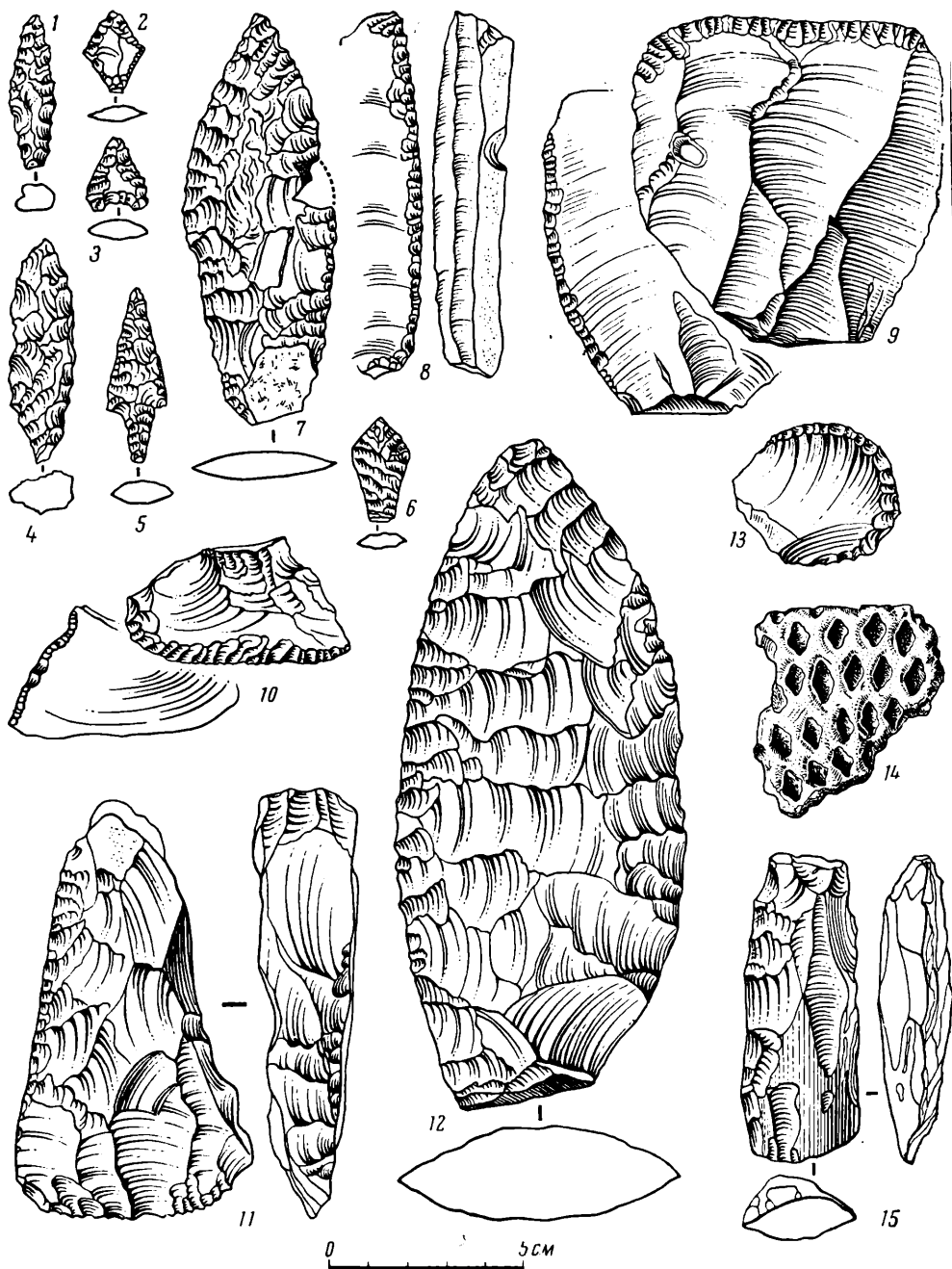

Рис. 11. Кремневые орудия и керамика неолитических стоянок на Десне.

Места находок: 1-6 — уроч. Селецкие дюны (п. 92); 7 — уроч. Хмелевский Бугор (п. 17); 8 — уроч. Куракия Бор (п. 23); 9, 14 — дюна у б. Спасо-Челянского монастыря (п. 85); 10 — уроч. Алешинский Уборок (п. 94); 11 — уроч. Черепеньки (п. 28); 12 — пос. Хотылево (п. 117); 13 — уроч. Стойло у пос. Белая Березка (п. 101); 15 — дюна у дер. Дольск (п. 70). (7-13, 15 — кремневые орудия; 14 — керамика).

по горизонтам. Керамика встречается на глубине 5 см и, очевидно, к основной массе кремня отношения не имеет. Культурный слой стоянок на террасах ничем существенным от слоя дюнных стоянок не отличается. И здесь и там он, в общем, беден гумусом, тонок (до 20—30 см) и содержит мало находок.

Общим признаком для мезолитических стоянок деснинского левобережья является их тяготение к 140-метровой горизонтали. Но еще более, нежели с абсолютной высотной отметкой, согласуются они с относительной высотой над уровнем поймы, который не одинаков для Десны и ее притоков в различных точках их течения. Очень обобщенно этот уровень для деснинской долины определяется в 4—6 м над поймой. Выше него располагаются преимущественно стоянки мезолитические, ниже, местами уходя под уровень поймы, — неолитические. Заканчивая краткий обзор мезолитических стоянок и местонахождений в бассейне р. Десны, следует отметить известное культурное своеобразие этой области³.

Работами отряда на Десне и ее притоках открыто и обследовано много неолитических стоянок и местонахождений. Их гораздо больше, нежели мезолитических. К наиболее интересным из них относятся: Хмелевский Бугор (17, 18), Десница (3), Бугор (7), Куракин Бор (22, 23), берег у Нефтебазы в поселке Брянск Первый (24), Черепеньки (28)⁴, Пахоть (35), Холм на р. Нерусе (44), Новая Речка — Нилки (75), Пильня (58), Борок д. Верхних Новоселок (59), у б. Спасо-Чёлнского монастыря (85), у озера Большое Жерено (87), у д. Сагутьево (98), у пос. Белая Березка (101—105) и др.

От мезолитических неолитические стоянки на Десне отличаются рядом отчетливых признаков. Топографически все они расположены ниже первых и занимают преимущественно сниженные стрелки и мысы нижней надпойменной террасы левого берега и пойменные останцы, иногда еле поднимающиеся над уровнем современной поймы и с трудом на ней различимые (98). Стоянки всегда расположены близ древних, часто полностью заторфовавшихся стариц, в неолитическое время бывших участками живого речного русла. Культурный слой на них более мощный, нежели на мезолитических — до метра толщины и более, гумусированный, почти всегда богат инвентарем. Исследование поймы показало, что некоторые из стоянок залегают непосредственно в толще безрельфной поймы, что они всегда приурочены к третьему и четвертому слоям поймы (как, например, стоянка 73 — Городцы Пойменные), что в них хорошо сохраняются кости животных⁵, дерево⁶ и другие органические остатки⁷.

Как показали наблюдения, на участках завалованной поймы, на которых в настоящее время располагаются массивы исключительно лиственных лесов, неолитические стоянки, как правило, не встречаются. В сравнении с мезолитической, техника обработки кремня в неолитическое время поднимается на новую, более высшую, ступень. Разнообразятся способы первичной и вторичной обработки орудий, увеличивается их ассортимент.

В уроч. Пахоть (35), Десница (3), Хмелевский Бугор (18), Соловьев Перевоз (27), Холм (44) и др. найдены кремневые клинья, служившие,

³ М. В. Воеводский. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. КСИИМК, IV, 1940; его же. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, XIII, 1946; его же. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 года. КСИИМК, XX, 1948; М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Указ. соч.

⁴ Пункты 22—28 открыты научным сотрудником Брянского областного музея Ф. М. Заверняевым.

⁵ По определению И. М. Громова (ЗИН), на стоянке Городцы Пойменные найдены кости кряковой утки, бобра и щуки.

⁶ Например, в местонахождении Брянск Рог.

⁷ Вследствие ограниченных размеров статьи здесь невозможно хотя бы кратко осветить результаты исследования закономерностей залегания культурных остатков в определенных слоях поймы. Этой теме посвящена отдельная работа.

по-видимому, в качестве орудий для расщепления древесины. Подобные им клинья, несколько меньшего размера, известны в составе инвентаря поздних деснинских мезолитических стоянок. В деснинском неолите клинья изготавливались из нуклеидных кусков кремня или для этого использовались половинки разбитых тесел и топоров. И те и другие имеют рабочие заломы от ударов на тыльной стороне орудия.

Топоры древнейшего типа найдены Ф. М. Заверняевым на стоянке Черепеньки (рис. 11—11). На стоянке у б. Спасо-Чёлнского монастыря, в шурфе № 5, на глубине одного метра обнаружен топорик изящной выделки. Два топора, очевидно, более позднего времени, случайно найдены вместе с шаровидным сосудом на берегу р. Снежить близ ст. Белые Берега.

Грубо обитые, частично пришлифованные тесла относятся к числу наиболее типичных для Десны раннеолитических орудий. Они найдены в стоянке Десница (3, шурф № 1), в шурфе № 4 на дюне у д. Дольск (70) и в уроч. Алешанский Уборок (94). Три сплошь зашлифованных тесла позднего типа обнаружены на стоянке Орлик (116) и др.

Скрепки в большом числе найдены на всех стоянках Подесенья. Изготовлены они на широких плоских отщепах. Ретушь лезвия краевая, крутая, короткая. Форма скребков большей частью округлая, диаметр их в среднем 3—5 см (рис. 11—13). Широко распространены также скребели всех видов и размеров, изготовленные чаще всего приемами крутой ретуши на массивных пластинчатых или ножевидных отщепах. На таких же отщепах изготавливались ножи. Между этими двумя видами есть орудия переходных форм. В числе их одно фрагментированное, оформленное так называемой пильчатой ретушью, орудие найдено в пункте 75.

В шурфе № 5 пункта 85, на глубине 1 м, в кладе кремневых заготовок найден нож редкой формы на широком отщепе с противоположащей ретушью на двух расположенных под углом лезвиях (рис. 11—9). Такие же ножи, но меньших размеров, найдены в шурфах пунктов 94 и 96 (рис. 11—10).

Сверла на отщепах и проколки на пластинках, известные еще в мезолите, без особых изменений продолжают бытовать в неолите. Но наряду с ними, появляются массивные острия — провертки. На стоянке Десница, в шурфе № 1, на глубине 0,2 м найдено интересное орудие. Вначале это был крупный, двусторонне обработанный наконечник. Дополнительными сколами и ретушью он переделан после поломки в массивное острие.

В неолитических стоянках были наиболее распространены стрелы, дротики и наконечники копий листовидной и ромбической форм, с рядом промежуточных и более поздних (с шипами, с выемкой вместо черешка). Во время работ в 1956 г. такие наконечники найдены в пункте 12, шурф № 1, в составе позднего комплекса пункта 92 (рис. 11—1—6), у Белой Березки (101), и в уроч. Хмелевский Бугор пункт 17 (рис. 11—7) и др. Прекрасные образцы двусторонне обработанных орудий поступили в Брянский музей — копье из с. Хотылево (рис. 11—12) и долото из д. Бабинец на р. Нерусе в Комаричском районе.

В связи с двусторонними наконечниками следует упомянуть о клювовидных орудиях, двусторонне обработанных отжимной ретушью, сужающихся и загибающихся на рабочем конце в форме клюва, с плоским основанием на тыльной стороне.

Ножевидные пластинки увеличиваются, становятся более правильными. Некоторые из них выполняли функции ножей (рис. 11—8). Поперечные сечения пластинок — вкладыши — продолжают бытовать. Формы нуклеусов более разнообразны, нежели в мезолите. С той же стоянки у с. Хотылева, откуда происходит копье, в Брянском музее хранится конический нуклеус. О дальнейшем развитии техники обработки кремня свидетельствуют находки отбойников и ретушеров, известных также среди инвентаря мезолитических стоянок на Десне (92).

Изготовление кремневых орудий производилось на стоянках, о чем свидетельствует залегание, совместно с остатками жилых комплексов, обильных отходов кремневой индустрии — от отщепов, сколов и чешуек, до заготовок орудий включительно. Формы заготовок позволяют определить, для выработки каких орудий они предназначались. Не имея возможности перечислить все подобные находки, упомянем лишь заготовку топора из пункта 62 и скербка из пункта 92.

Особо следует остановиться на весьма характерном приеме сечения плоских отщепов и выработки из них орудий резцового типа. От отщепа двумя сколами отсекался верх, так что оставалось основание отщепа, увенчанное сверху режущим углом. Получался своеобразный резец. Правда, он был менее долговечен и, по-видимому, уступал издавна известным формам резцов, но имел преимущество в быстроте и простоте изготовления. Подобные резцовые сечения отщепов найдены десятками и более на всех позднемезолитических и неолитических стоянках бассейна Десны. Они широко использовались в работе, о чем свидетельствуют замеченные на многих экземплярах стертость, заполировка и заломы на режущем жале.

Характерной чертой для инвентаря обследованных стоянок является использование почти каждого отщепа и осколка кремня в роли кратковременного режущего орудия, о чем можно судить по выщербинкам и заломам на острых гранях.

Древнейший тип керамики неолитических стоянок на Десне представлен большими остродонными сосудами с прямым венчиком, снаружи сплошь покрытыми единообразным ромбическим орнаментом (рис. 11—14). Керамика развитого неолита на Десне, незначительно варьируя в формах сосудов, чрезвычайно разнообразна по орнаментике. Общим техническим приемом орнаментирования является штамповка ямок, различных по форме, в самых разнообразных сочетаниях — в шахматном порядке, в строчку, в зонном чередовании, чаще попеременно с зонами гребенчатой наискось поставленной штамповки, реже — с ямками другой формы или с зонами пустого поля. Встречается чередование прямоугольных участков, сплошь заштампованных ямками, с прямоугольными же участками пустого поля. Обычен строчечный орнамент, нанесенный ритмическими вдавлениями перемежающегося (отступающего) углового или округлого острия, типа конца ножа.

Для всей керамики характерны гребенчатая штриховка внутренней, иногда и наружной поверхности, украшенный короткими косыми оттисками гребенки обрез венчика и гребенчатая штамповка изнутри его. К числу характерных приемов украшения поздненеолитической деснинской керамики относится своего рода ожерелье на горловине сосуда, под венчиком. Это замкнутое кольцо из попеременно нанесенных глубоких крупных ямок снаружи и изнутри, так, что на противоположной стороне стенки сосуда образовывались округлые бугорки. Таким образом, и снаружи и изнутри получалась опоясывающая сосуд замкнутая линия, состоящая из чередования ямок с бугорками⁸.

Появление шаровидных сосудов с орнаментом в виде оттисков шнура или коротких насечек в композициях треугольников и фестонов, типа находок в верхнем слое стоянки Холм и в стоянке Мыс Очкинский⁹, знаменует собою конец неолита и начало эпохи бронзы.

Керамика, украшенная орнаментом из нарезных линий, скомпонованных в треугольники и фестоны, уже полностью относится к эпохе бронзы.

⁸ В. П. Левенок. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 64—66.

⁹ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 26. И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 132.

СПИСОК
СТОЯНОК И МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА,
ОТКРЫТЫХ ИЛИ ОБСЛЕДОВАВШИХСЯ В РАБОТАХ
ДЕСНИНСКОГО ОТРЯДА ЛОИИМК 1956 г.

Брянская область

- 1 — пойменная стоянка на погребенном останце близ южного паромы дер. Лопушь, Выгоничского района;
- 2 — там же, 450 м южнее, в уроч. «Орехов круг». Бугор на пойме;
- 3 — стоянка на кромке боровой террасы в уроч. «Десница», близ пос. Малиновка, Выгоничского района;
- 4 — в 2 км севернее пос. Малиновка на кромке боровой террасы;
- 5 — мезолитическая стоянка на большом мысу боровой террасы над старицей. Между пос. Масловкой и Малиновкой;
- 6 — там же, 200 м к северу. Мезолит;
- 7 — неолитическая стоянка в уроч. «Бугор» на пойме р. Десны близ дер. Лопушь;
- 8 — местонахождение на кромке боровой террасы в 200 м к ЮВ от пос. Масловка;
- 9 — там же, в 100 м к Э от пос. Масловка;
- 10 — там же, в 200 м к СЭ от пос. Масловка;
- 11 — там же, в 100 м от кромки террасы в поле;
- 12 — там же, в 100 м к Э от пункта 10;
- 13 — у северного мыса террасы, в 1 км к С от пос. Масловка;
- 14 — там же, на кромке террасы, 400 м южнее пункта 13;
- 15 — там же, на кромке террасы, 400 м восточнее пункта 14;
- 16 — на стрелке у слияния долин р. Десны и р. Залядки;
- 17 — на южном конце «Хмелевского Бугра», у моста через р. Ловчу;
- 18 — на центральной части и ЮЭ половине уроч. «Хмелевский Бугор», неолитическая стоянка;
- 19 — останец «Борок», 500 м к СВ от пункта 18;
- 20 — уроч. «Бугор лесника Фили», Брянского района;
- 21 — уроч. «Фокина пасека», Брянского района;
- 22 — уроч. «Куракин бор» близ г. Брянска. Восточный конец;
- 23 — уроч. «Куракин Бор», Западный конец;
- 24 — кромка боровой террасы у Нефтебазы, в пос. Брянск Первый М.-К. жел. дор. Неолит;
- 25 — там же, 100 м к С, прибрежный вал;
- 26 — там же, дюна на пойме р. Десны, в 150 м к Э от Нефтебазы;
- 27 — уроч. «Соловьев Перевоз». Северные окраины г. Брянска (стоянка сильно испорчена карьером);
- 28 — уроч. «Черепеньки». Западные окраины пос. Брянск Второй М.-К. жел. дор. Неолитическая стоянка;
- 29 — северный конец большого бугра, в 300 м к ЮЭ от пункта 28;
- 30 — бугры в 400 м к СВ от пункта 28;
- 31 — стрелка у слияния долин р. Десны и р. Свень, близ г. Брянска;
- 32 — уроч. «Дубки». Кромка боровой террасы левого берега долины р. Десны. 2 км к Э от моста через р. Свень;
- 33 — уроч. «Пасека» — дюна на левом берегу р. Десны против церкви с. Супонево;
- 34 — уроч. «Пахоть», через долину р. Десны против дер. Добрунь, южная часть бугра у его соединения с боровой террасой левого берега деснинской долины;
- 35 — тот же бугор, западный мыс, над озерцом «Козлова лужа»;
- 36 — северный конец того же бугра «Пахоть»;
- 37 — уроч. «Кудеяров Бугор», Трубчевский район;
- 38 — остаток левобережной террасы р. Нерусы близ дер. Денисовки, Суземского района;
- 39 — мезолитическая стоянка в уроч. «Волчий Бугор» близ дер. Денисовки;
- 40 — кромка боровой террасы р. Нерусы близ поселка «Разъезд Неруса», Суземского района;
- 41 — кромка боровой террасы правого берега долины р. Нерусы в дер. Смилиж, Суземского района;
- 42 — уроч. «Брусы» у В конца дер. Смилиж. Мезолит;
- 43 — бугор у старицы р. Нерусы в 1 км к Ю от дер. Смилиж;
- 44 — неолитическая стоянка «Холм» близ впадения р. Нерусы в р. Десну; 3 км к ЮВ от г. Трубчевска;

- 45 — мыс боровой террасы левого берега деснинской долины в 300 м к С от уроч. «Охотня», Выгоничского района;
- 46 — там же, в 200 м к ЮЗ от уроч. «Охотня»;
- 47 — там же, в 700 м к ЮЗ от уроч. «Охотня»;
- 48 — верхняя стрелка у слияния долин р. Десны и р. Ревны;
- 49 — в 200 м к востоку от пункта 48;
- 50 — кромка боровой террасы у СЗ конца пос. Гавань, Навлинского района;
- 51 — стрелка у слияния залива Гаман с долиною р. Десны, Навлинский район;
- 52 — там же, в 100 м к Э от пункта 51;
- 53 — уроч. «Пристань» в заливе Гаман;
- 54 — кромка террасы у лесозавода пос. Кукуевка;
- 55 — уроч. «Белая гора» близ пос. Зинутка, северный конец;
- 56 — сниженный мыс террасы в пос. Зинутка;
- 57 — мыс террасы у колхозного двора пос. Зинутка. Мезолит;
- 58 — неолитическая стоянка в уроч. «Пильня» близ устья р. Навли;
- 59 — уроч. «Борок» близ дер. Верхние Новоселки, СВ конец бугра, Трубчевский район;
- 60 — там же, северный склон бугра;
- 61 — там же, СЗ конец бугра;
- 62 — там же, западный склон бугра;
- 63 — кромка боровой террасы в 500 м к С от пос. Гуры;
- 64 — кромка боровой террасы в 400 м к С от пос. Гуры;
- 65 — на верхней стрелке боровой террасы в пос. Гуры, у дороги;
- 66 — на мысу боровой террасы к Э у пос. Гуры;
- 67 — в 100 м к В от пункта 66;
- 68 — дюна на устье р. Коломина;
- 69 — размытые бугры на пойме р. Десны в 500 м к Э от пос. Гуры;
- 70 — дюна на пойме р. Десны близ дер. Дольск;
- 71 — дюна в уроч. «Козлов Бугор», близ дер. Верхних Городцов;
- 72 — пойменная стоянка на погребенной дюне в урочище «Бряннов Рог—2-й»;
- 73 — неолитическая стоянка «Городцы пойменные»;
- 74 — уроч. «Жучинский Уборок»;
- 75 — неолитическая стоянка в уроч. «Новая Речка—Нилки»;
- 76 — уроч. «Колесный Бугор» № 1, близ пос. Бороденка;
- 77 — уроч. «Колесный Бугор» № 2;
- 78 — уроч. «Колесный Бугор» № 3;
- 79 — уроч. «Колесный Бугор» № 4;
- 80 — терраса залива Гоголь в уроч. «Кудинова хата», близ пос. Бороденка;
- 81 — уроч. «Уступ залива Гоголь»;
- 82 — уроч. «Девичёр»;
- 83 — кромка боровой террасы в уроч. «Смолярка» близ Лучанского Перевоза на р. Десне;
- 84 — уроч. «Жаденова Гора» близ дер. Кветунь;
- 85 — неолитическая стоянка на дюне близ бывшего Спасо-Чёлнского монастыря;
- 86 — «Пойменный вал № 4», в 1 км к Э от пункта 85;
- 86а — «Пойменный вал № 2» — там же;
- 87 — неолитическая стоянка на западном берегу озера Большое Жерено;
- 88 — уроч. «Селецкий Перевоз». Кромка террасы;
- 89 — уроч. «Селецкие дюны». Дюна № 1, малая, ближайшая к селу;
- 90 — уроч. «Селецкие дюны». Дюна № 2, рядом с предыдущей, также малая;
- 91 — там же. Дюна № 3, большая, ее узкая часть к СЗ от центральной дюны отделена болотом;
- 92 — там же. Центральная большая дюна. Стоянка эпохи мезолита;
- 93 — дюна у пос. Будимир. Мезолит;
- 94 — уроч. «Алешанский Уборок». Северный конец;
- 95 — там же, восточный конец;
- 96 — там же, середина ЮВ стороны;
- 97 — уроч. «Любецкий Боровень», северный конец;
- 98 — неолитическая стоянка близ большой старицы р. Десны, в 1 км к ЮВ от дер. Сагутьево;
- 99 — Холмовский лесоучасток. Бугор на пойме;
- 100 — там же, кромка боровой террасы в поселке Холмы;
- 101 — неолитическая стоянка в уроч. «Стойло», в 500 м к С от пос. Белая Березка;
- 102 — в 200 м к СВ от пункта 101;
- 103 — в 500 м к С от пункта 101;
- 104 — на кромке боровой террасы и на огородах северной окраины пос. Белая Березка. Неолит;
- 105 — неолитическая стоянка на мысу боровой террасы в 500 м к ЮЗ от пос. Белая Березка;
- 106 — мыс боровой террасы левого берега деснинской долины, на кромке нижней надпойменной террасы в полукилометре от парома с. Витемля. Мезолит;

- 107 — дюна на пойме р. Десны близ пос. Хуркачёвка;
108 — кромка боровой террасы правого берега деснинской долины, в 1 км к Ю от дер. Витемля;
109 — останец на пойме близ дер. Запесочье, Погарского района;

Черниговская обл. УССР

- 110 — мезолитическая стоянка в уроч. «Уборок-Званы» близ дер. Муравьи, Гремячского района;
111 — мыс старицы и деснинской долины у северного конца дер. Муравьи;

Сумская обл. УССР

- 112 — стоянка на мысу боровой террасы левого берега деснинской долины в уроч. «Старое поле», Знобь-Новгородского района;
113 — уроч. «Угол поля», Знобь-Новгородского района;

Брянская обл.

- 114 — бугор «Боровок» близ старицы «Боровень», Трубчевского района;
115 — правый берег р. Навли близ моста в пос. Навля, Навлинский район. Мезолит;
116 — стоянка у оз. Орлик близ г. Бежица;
117 — стоянка у с. Хотылёво, Брянского района;
118 — южный овраг у дер. Сагутьево, Трубчевского района;
119 — уроч. «Малушково — телячий стан» в 3 км к В от пос. Бородёнка;
120 — уроч. «Кременица» у с. Глинного, Навлинского района;
121 — уроч. «Парня» на р. Навле;
122 — уроч. «Самошкин Борок» на р. Навле;
123 — уроч. «Новая Речка 2», близ пос. Бородёнка, Трубчевского района;
124 — правый берег р. Навли у пос. Глажёво, Навлинского района.

Примечание. Наиболее крупные и насыщенные материалами пункты в списке обозначены как «неолитическая стоянка», «мезолит» или «неолит».

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

В 1956 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР были произведены разведочные работы по среднему течению р. Уфы, в результате которых в Красноуфимском и Сажинском районах Свердловской обл. обнаружено шесть местонахождений неолитического времени. Все они расположены на берегу р. Уфы, на мысах высоких, небольших по протяженности вторых террас, примыкающих к коренному скалистому берегу; часть отделена от него глубоким узким оврагом, образующим вместе с берегом реки мыс террасы. Высота стоянок над современным уровнем реки 20—30 м.

На одной из стоянок Сажинского района (Усть-айская), расположенной на правом берегу р. Уфы, на террасе 30-метровой высоты, против впадения р. Ай, сохранилось свыше 500 кв. м ненарушенного культурного слоя.

Частично уцелел культурный слой и на второй стоянке — Черкасовской, в Красноуфимском районе, на левом берегу р. Уфы, у дер. Черкасово. Остальные местонахождения представлены собранными на поверхности немногочисленными изделиями из кремня.

Культурный слой Усть-айской стоянки насыщен керамикой и кремневыми изделиями. Среди орудий преобладают концевые скребки и тщательно обработанные двусторонней ретушью ножи из тонких ножевидных пластин (рис. 12—1—4, 5), наибольшие экземпляры которых имеют 9—10 см длины. На одном из них видна сильная заполированность лезвия, свидетельствующая о длительном употреблении орудия.

На Черкасовской стоянке найдены нуклеусы, пластины и тесло (рис. 12—6, 7), обработанное грубыми сколами и обивкой по всей поверхности. Оно небольших размеров (10 см длины), овальное в поперечном сечении, с расширяющимися к лезвию боковыми гранями, с полукруглым, слегка асимметричным рабочим краем.

Кремневые орудия стоянок находят ближайšie аналогии в инвентаре усть-юрюзанской кремнеобрабатывающей мастерской¹, среди кремневых изделий которой большое количество долот и тесел, также грубо обработанных, узких и тонких ножевидных пластин и концевых скребков. Орудия со стоянок сделаны из того же кремня, широко использовавшегося и

¹ Л. Я. Крижевская. Археологические работы в Башкирии. КСИИМК, 51, 1953, стр. 74—81.

в мастерской, около которой находятся большие залежи и выходы кремня на поверхность.

Керамика стоянок довольно однотипна. В основном это толстостенные сосуды (толщина стенок 1,1—1,2 см), с прямыми или едва заметно наклоненными внутрь краями. Венчик не выделен. С внутренней стороны

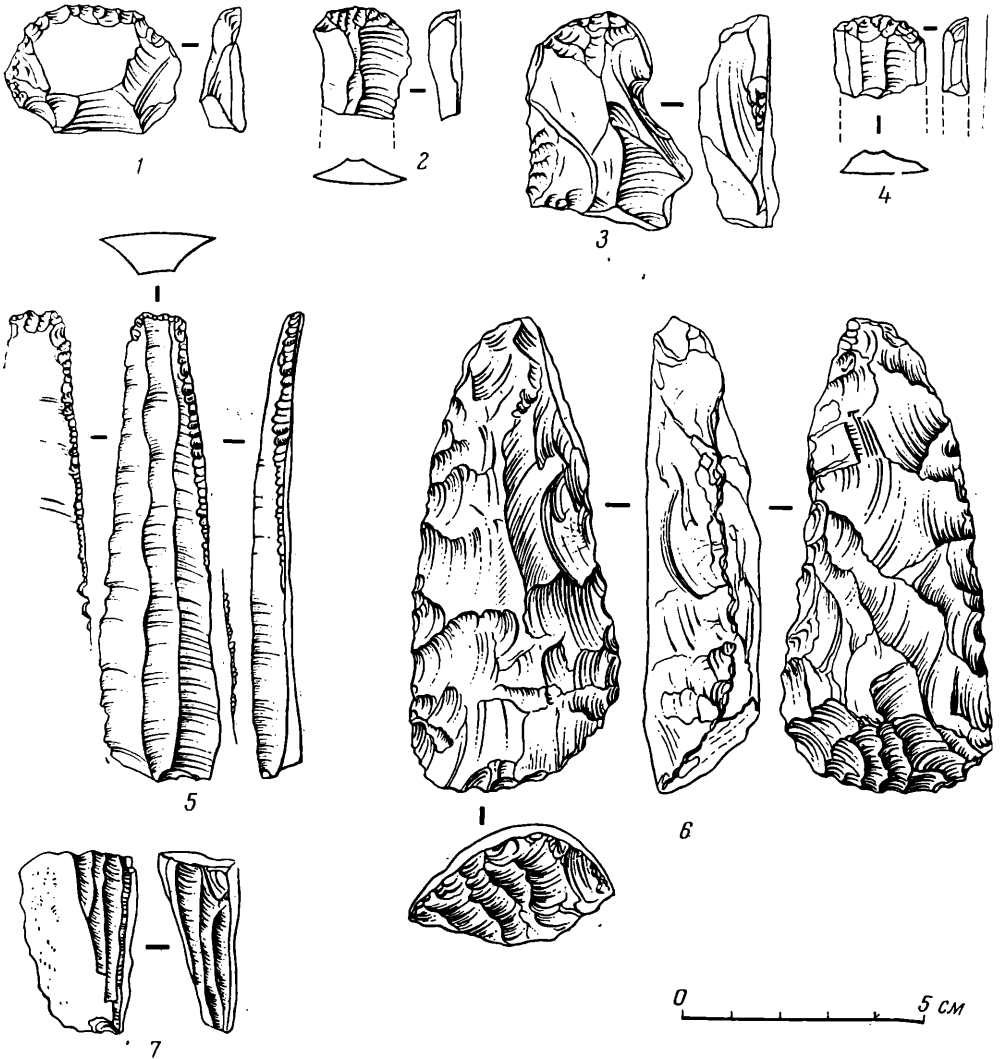

Рис. 12. Кремневые орудия с Усть-айской и Черкасовской стоянок.

1—4 — концевые скребки; 5 — нож; 6 — тесло; 7 — нуклеус.

края сосудов имеют косой срез и небольшое утолщение. Примеси к глине — тальк и дресва — прослеживаются в очень незначительном количестве. Основная масса черепков орнаментирована гребенчатым штампом. Орнамент нанесен в вертикальном направлении сплошь по всей поверхности. Преобладает елочный узор, а также сочетание его с вертикально и наклонно нанесенными линиями штампа (рис. 13—1, 3, 4). Несколько фрагментов сплошь покрыты рядами неглубоких овальных ямок (рис. 13—6). На одном обломке края сосуда гребенчатый орнамент

сочетается с прочерченным зигзагообразным узором. Пространство внутри углов орнаментом не заполнено (рис. 13—2).

На Усть-айской стоянке вместе с керамикой найден штамп для нанесения орнамента. Это тонкая сланцевая пластинка, размером 6 × 6 см, хорошо отшлифованная с обеих сторон (рис. 14). На ее полукруглом

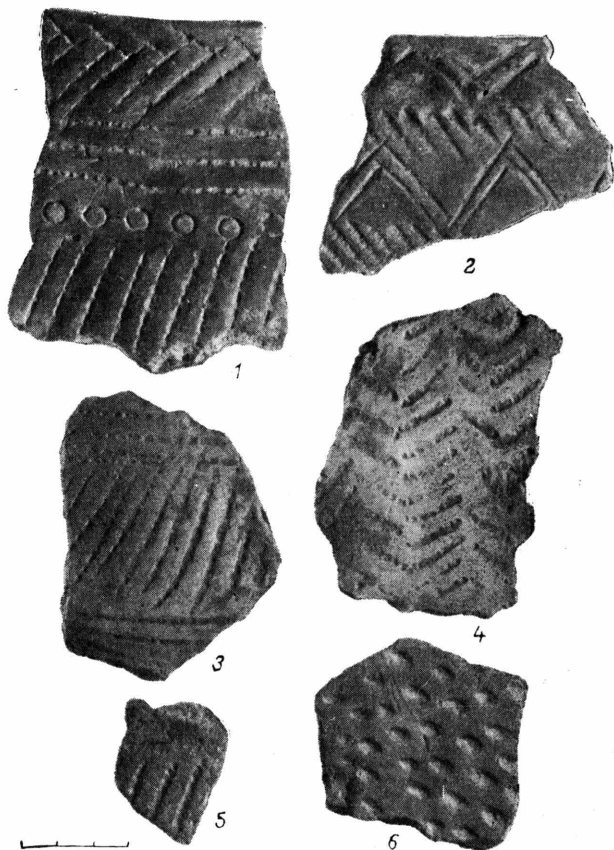

Рис. 13. Керамика с Усть-айской стоянки.

конце 24 зубца подчетырёхугольной формы. Длина отпечатков и форма зубчиков на керамике полностью соответствует штампу.

По орнаменту и форме верхнего края керамика уфимских стоянок наиболее сходна с керамикой стоянок Боровое озеро I на р. Чусовой², с той ее преобладающей группой, которая орнаментирована оттисками зубчатого (гребенчатого) штампа. Там и тут орнамент нанесен в вертикальном направлении длинным штампом с зубчиками четырёхугольной формы. Преобладает узор из параллельных вертикальных и косых линий. По составу же теста сосуда со стоянок ближе керамике поселений горбуновской культуры, в которых, особенно на раннем и среднем этапах, керамическое тесто почти всегда имеет примесь талька или дресвы³.

² А. И. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, стр. 20—26.

³ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 29, стр. 34, 38.

В южном Предуралье, в междуречьи Айя и Юрюзани, неолитические стоянки до сих пор не были известны. Неолитическая эпоха была здесь представлена лишь единичными погребениями в верховьях Юрюзани⁴, кремнеобрабатывающей мастерской в ее устье и несколькими пунктами находок немногочисленных кремневых изделий в среднем течении р. Уфы.

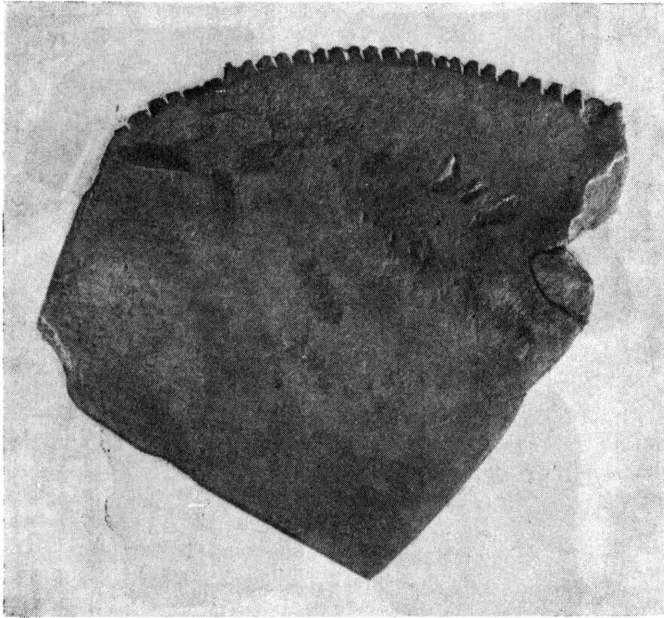

Рис. 14. Сланцевый штамп для нанесения орнамента на сосуды.

На основании разведочных данных мы предполагаем, что вновь открытые поселения сходны с камско-чусовскими. По-видимому, они войдут в зону «камского неолита с гребенчатой керамикой», выделенную в качестве одной из трех основных групп лесного неолита О. Н. Бадером⁵.

Интересно также сопоставление кремневых изделий и керамики стоянок с аналогичными материалами мастерской. Стоянки являются ближайшими к мастерской местами поселений и, судя по данным разведки, одновременными ей. Раскопки стоянок, таким образом, дадут более полное представление о неолитической культуре бассейна р. Уфы, о взаимоотношениях племен западного и восточного склонов Урала и об отношении открытых нами памятников к группе камско-чусовских неолитических поселений.

⁴ С. Н. Биби́ков. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII, стр. 95—139.

⁵ О. Н. Баде́р. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 41—43.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ПЯТЫЙ ГОД РАБОТ В СИНДИКЕ

В 1954 г. исследования Синдики производились Институтом истории материальной культуры АН СССР совместно с Московским государственным университетом¹. Работы велись в районе к юго-западу от станицы Таманской, на склонах горы Зеленского.

Обследовано три древних поселения: на урочищах «Макитра», Западно-Зеленское и Северно-Зеленское.

Урочище «Макитра» расположено в пади к западу от горы Зеленского. Подъемный материал состоял по большей части из обломков античных амфор, встречавшихся там на площади 700×300 м.

Работы на трех отсеках (по 4×4 м), расположенных в разных частях урочища, доводились до материка (на глубину 0,40—0,96 м).

Находки на отсеке I были скудны: фрагменты амфор (в том числе синопской), обломки ручек амфор эллинистического времени, кусок кирпича римского или средневекового времени (толщиной 0,065 м) и средневекового солена.

Среди немногочисленных находок на отсеке III отметим дно боспорской остродонной амфоры.

Обследование урочища показало, что оно, во всяком случае в большей части, не было занято древним поселением. Возможно, что там в древности были отдельные небольшие усадьбы. Одна из них, возможно, была расположена в районе отсека I (восточная часть). Однако более вероятно, что в урочище были древние коши (или кош), в последующее время запаханные, от чего и произошло распространение черепков.

Западно-Зеленское. На расстоянии около 2 км к западу от вершины горы Зеленского, на распаханном поле на участке 110×90 м встречалось много обломков остродонных амфор (от IV—III вв. до н. э. до III—IV вв. н. э.). Этот участок отвечает городищу XIV на карте В. В. Соколова² (поселение № 13 на карте Миллера сдвинуто на 300—400 м на запад). К востоку от городища развалины колодезей XIX—начала XX вв.

Основная группа отсеков (I, III, VII и VIII, каждый размером 4×4 м) разбита примерно в средней части поселения. Культурные напластования, мощностью 0,6—0,8 м, лежали на материковой темной глине-

¹ Начальником отряда был В. Д. Блаватский, его заместителем и начальником раскопа — Т. В. Блаватская, начальником другого раскопа — Н. А. Онайко, старшими на отсеках — Г. А. Кошеленко, Г. В. Черемушкин и Н. А. Гутцов.

² В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. ИТУАК, № 56, Симферополь, 1919, стр. 39—59.

белоглазке. Под гумусным пластом местами залежали скопления (до 0,1 м толщиной) рваного плитового камня. В нижнем глинистом слое, отложившемся в VI—III вв. до н. э., обнаружено много обломков остродонных амфор, преимущественно V, IV и III вв. до н. э., фасосских, синопских и, возможно, фанагорийских, несколько черепков простых тонкостенных сосудов, фрагменты чернолаковых сосудов V, IV и начала III вв. до н. э., а также черноглиняной и сероглиняной лепной посуды, рожок открытого светильника, небольшая терракотовая фигурка (рис. 15 — 1) сидящей на троне богини типа известных милетских статуй VI в. до н. э. (голова

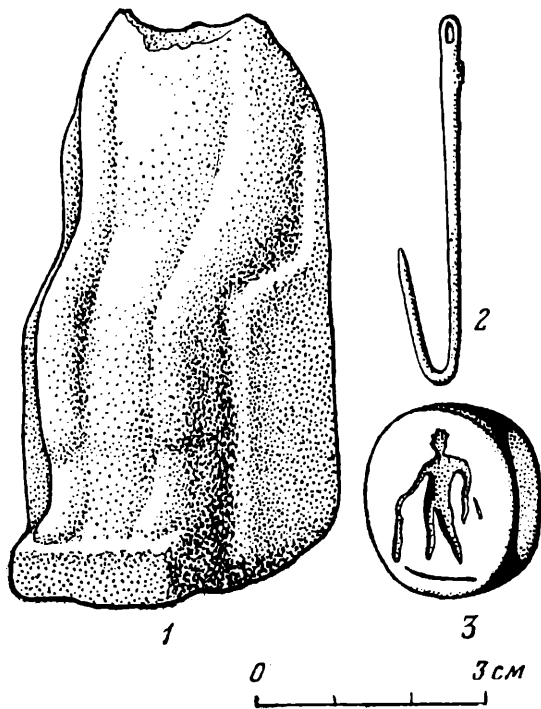

Рис. 15. Находки из раскопок синдских поселений 1 — терракотовая статуэтка сидящей на троне богини (VI в. до н. э.); 2 — медная игла из могилы № 2 Западно-Зеленского некрополя; 3 — бронзовый перстень из могилы № 2 того же некрополя.

у статуэтки утрачена), пробка из известняка, в форме усеченного конуса (диаметр — 0,08 м), галька, приспособленная в качестве зернотерки, бронзовый псалий с остатками прикипевшего железного кольца и обломки костей домашних животных.

Над описанным слоем местами залежали скопления рваного плитняка. У юго-восточного угла I отсека на глубине 0,4 м (подошва) они наблюдались на протяжении 1,25 м в длину и 0,3 м в ширину. На трех остальных отсеках — камни, по большей части средних размеров, плитняковые, изредка встречался и известняк. Камни потревожены плугом. Обнаружено много и отдельных камней. Без сомнения, эти скопления являлись остатками древних сооружений; на VIII отсеке скорее всего остатки вымостки, а на III и VII отсеках — цоколи стен.

Время возникновения сооружений — ранее III в. до н. э. (рис. 16).

В лежавшем выше гумусном слое обнаружено много рваных известняковых камней, обломков остродонных амфор VI в. до н. э. (хиосские пухлогорлые), V, IV вв. до н. э., эллинистического времени, и в небольшом числе — III—IV вв. н. э. Среди амфор были синопские и с азиатского Боспора. Найдены фрагменты простой тонкостенной и сероглиняной посуды, чернолаковых киликов IV в. до н. э. и лепных сосудов из черной или серой глины, а также кости домашних животных.

Могила № 1 обнаружена на глубине 0,4 м. Судя по расположению части костей ног, покойник лежал головой на запад-юго-запад. Череп и другие кости сильно потревожены плугом. Найдена медная монета очень плохой сохранности, по всей вероятности — пантикапейская, первой половины III в. до н. э.

Могила № 2 открыта на глубине 0,4—0,5 м. Ориентированный головой на юг-юго-восток скелет лежал на спине, лицо обращено на север; руки — вдоль туловища; ноги вытянуты и немного сближены в ступнях. Длина костяка — 1,4 м.

Рис. 16. Западно-Зеленское поселение. Развалины построек на III отсеке.

В головах стоял сильно фрагментированный тонкостенный кувшин с горлом, близким по форме горлу лекифа. Под головой лежала изогнутая крючком медная игла длиной около 0,07 м (рис. 15 — 2). Примерно в 0,55 м к северу от правой руки обнаружена часть смещенных костей ее кисти; среди них — бронзовый перстень с большим овальным щитком, служившим печатью; на нем изображена стоящая фигура (рис. 15 — 3).

Могила № 3. Сильно потревоженный костяк лежал на глубине 0,85—0,93 м и, судя по уцелевшим костям, был ориентирован — головой на восток. Кости имели красноватую окраску; среди них обнаружены пантикапейская медная монета первой половины III в. до н. э.³, обломок железного ножа (?), на конце которого был виден отпечаток ткани, и два глиняных флакона: один целый, другой фрагментированный.

Могила № 4. На глубине 0,48—0,59 м лежал плохо сохранившийся детский костяк, ориентированный головой на северо-восток; длина уцелевшей части — около 0,8 м. У левой стороны черепа найдена раковина с просверленным отверстием.

Могила № 5. На глубине 0,20—0,36 м лежала раздавленная гераклейская амфора, обращенная горлом к востоку; в ней был костяк

³ А. Г. Зограф. Античные монеты. МИА № 16, 1951, стр. 137, табл. XLI, 5.

младенца, ориентированный головой на запад. В могильной земле найден обломок простой тонкостенной чашки.

Могила № 6 настолько потревожена, что ориентация покойника не установлена. Череп лежал среди группы других костей; в нем обнаружена пантикапейская медная монета первой половины III в. до н. э.⁴ Другая, также пантикапейская медная монета⁵ начала того же столетия лежала поблизости.

В юго-западной четверти IV отсека вскрыто скопление рваного известняка камня, а под ним, на глубине 0,25—0,40 м, человеческие кости, среди которых семь железных обломков меча и ножа, пять мелких белых и синих бус и одна побольше, округлой формы, желтоватого цвета, с узором. Восточнее, на глубине 0,68 м, лежала в беспорядке другая группа человеческих костей, а среди них — десять обломков железного ножа, одна мелкая синяя буса и несколько черепков простой и лепной посуды.

В итоге работ можно признать, что Западно-Зеленское поселение возникло в VI в. до н. э., наиболее интенсивна жизнь в нем была в IV—III вв. до н. э.; во II в. до н. э., она замерла и немного оживилась в III—IV вв. н. э.

Северо-Зеленское. В 900 м к востоку от Западно-Зеленского поселения, на распаханном поле на протяжении около 800 м встречаются обломки античной посуды, а местами — черепицы и рваные камни. Западная часть района находок отвечает городищу XV карты В. В. Соколова, а восточная — № 14 карты А. А. Миллера.

Здесь заложено четыре отсека (по 4 × 4 м). Отсек I — у западной окраины, II — около восточной, III и IV — в западной половине поселения.

На I отсеке над материком (серовато-оливковой глине-белоглазке, обнаруженной на глубине около 0,8 м) лежал пласт глины толщиной около 0,4 м, заключавшей много черепков остродонных амфор V—III вв. до н. э., простой тонкостенной посуды, в том числе боспорской, куски обожженной глиняной обмазки и кости рыб.

Выше, на глубине от 0,13—0,25 м до 0,29—0,40 м, залегал развал, возможно, цоколя, сооруженного, вероятно, в III в. до н. э., он состоял из небольших и средних по величине известняковых и плитняковых рваных камней. Длина развала — 1,05 м, ширина — 0,9 м.

Над развалом лежали пласты черной, сильно гумированной глины и перепаханного гумуса, общей мощностью до 0,4 м. В них обнаружены черепки остродонных амфор классического и эллинистического времени (среди них фасосские), простых тонкостенных сосудов и обломок лутерия.

Таким образом, нижний и верхний слои в основном близки аналогичным напластованиям на Западно-Зеленском поселении.

Несколько иную картину дали раскопки двух отсеков западной половины поселения. Около IV отсека собран обильный подъемный материал: обломки остродонных амфор, среди них были и рифленые, куски черепицы, лепной посуды — краснолаковой и чернолаковой, в том числе конца VI—начала IV вв. до н. э., и обломок чернофигурного сосуда конца VI—начала V вв. до н. э.

На IV отсеке выявлено два культурных напластования без остатков сооружений. Нижнее, на глубине от 0,57—0,72 м до 1,12 м (материк), в основном состояло из серо-оливковой глины. Слой датируется керамикой III—I вв. до н. э., но содержит довольно много предметов VI—V вв. до н. э. Найденны черепки остродонных амфор, в том числе украшенных полосами и пухлогорлых VI—V вв. до н. э. классического и эллинистиче-

⁴ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 137, табл. XLI, 3—4.

⁵ Там же, табл. XLI, 3.

ского времени, обломки простой тонкостенной и сероглиняной посуды, чернолаковых сосудов VI—V вв. до н. э., расписного — IV в. до н. э. и краснолаковых — эллинистического времени. Следует отметить находку керамического шлака и костей животных.

Выше лежал второй слой, в среднем 0,35 м толщиной, состоявший из темно-коричневого гумированного суглинка. Слой датируется керамикой I—III вв. н. э., но содержит довольно много находок более раннего времени: черепки остродонных амфор, в том числе хиосских пухлогорлых и полосатых VI—V вв. до н. э. и эллинистического времени (среди них синопские), обломки простой тонкостенной и сероглиняной и лепной посуды, фрагменты чернолаковой керамики, в том числе килика V в. до н. э., краснолаковой римского времени и куски глиняной обмазки.

Над вторым слоем залегал пласт перепаханного гумуса 0,22—0,34 м толщиной. В нем обнаружены обломки керамики позднеантичного и средневекового времени.

На III отсеке собран подъемный материал, относящийся ко времени от периода эллинизма до IV в. н. э. Он состоял из черепков остродонных амфор, в том числе рифленых, обломков лепной, сероглиняной и чернолаковой посуды.

Здесь на материке (глина-белоглазка, глубина 0,90—0,95 м) лежал слой I—III вв. н. э. около 0,15 м толщиной, заключавший немного обломков остродонных амфор, сероглиняной и лепной посуды, один фрагмент краснолаковой чашки римского времени и кусок глиняной обмазки.

Выше лежал пласт сильно гумированного суглинка (около 0,6 м толщиной), заключающий примерно такие же находки, как и находившийся над ним слой перепаханного гумуса (толщиной 0,15—0,19 м). Это было одно напластование, заключающее находки в основном античного времени (от III в. до н. э. до III—IV вв. н. э.), перекопанное в период Средневековья.

В северо-западном углу отсека обнаружен развал вымостки (1,6 × 1,3 м) из камня-плитняка. Толщина плиток по большей части 0,03—0,04 м. Глубина поверхности вымостки 0,54—0,75 м.

В слое найдены обломки черепиц, в том числе боспорских, фрагменты остродонных амфор, среди которых V—I вв. до н. э., с профилированными ручками (синопские), реберчатые и рифленые; черепки посуды из серой и коричневой глины, лепной, краснолаковых сосудов, керамическая пробка и отдельные обломки средневековой керамики (в частности плоскодонного сосуда), куски обожженной глиняной обмазки, кости животных и рыб.

Результаты работ на I, IV и III отсеках показывают, что их территория была занята в древности поселением. На восточном отсеке II собрано несколько обломков остродонных амфор III—I вв. до н. э. Видимо, этот участок в античное время находился за пределами поселка.

Северо-Зеленское поселение существовало, вероятно, непрерывно на протяжении всей античной эпохи с VI в. до н. э. до IV в. н. э. и даже в средневековое время. Весьма оживленной здесь была жизнь в VI—V вв. до н. э. Видное место занимают находки периода Спартокидов и несколько меньше — времени сарматизации Боспора.

Строительное дело на Северо-Зеленском поселении, во всяком случае в спартокидское время, стояло на довольно высоком уровне; можно отметить наличие построек с каменными цоколями стен и каменными вымостками (вероятно, дворов), с черепичными кровлями и, вероятно, глиняными печами или очагами, от которых уцелели куски жженой глиняной обмазки.

Земледельческий характер поселения, не получил подтверждения в находках. Длительное существование поселка без каких-либо катастроф, возможно, было причиной того, что до нас не дошло орудий труда. Скотоводство засвидетельствовано находками костей домашних

животных, потребление рыбы в пищу — костями рыб. Отметим отсутствие грузил, которые встречаются в прибрежных синдских поселениях. Обнаруженный в слое, относящемся к спартокидскому времени керамический брак, позволяет думать о наличии в поселке гончарного производства. Наконец, следует указать, что как и в других одновременных синдских поселениях, керамика античного типа явно преобладает над немногочисленными изделиями местного характера. Античная керамика употреблялась не только боспорского производства, но и хиосская, аттическая, фасосская, родосская и синопская.

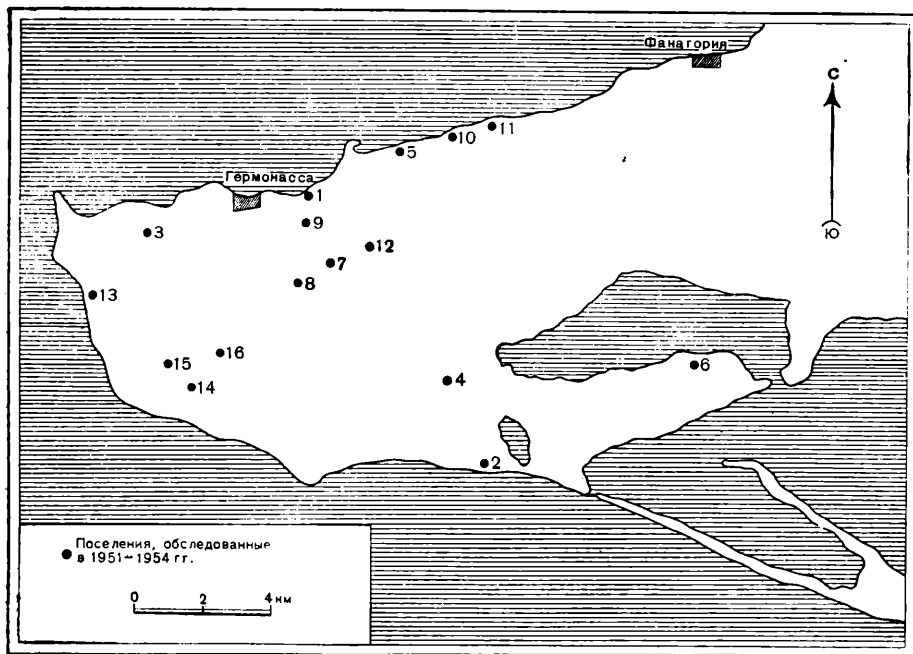

Рис. 17. Схемагическая карта северо-западной части Синдики. (Наименования поселений 1—16 — см. в тексте статьи).

Подведем кратко итоги исследованиям северо-западной части Синдики в 1950—1954 гг.

За это пятилетие проведены раскопки на шестнадцати поселениях античного времени⁶. (Рис. 17)

⁶ В. Д. Блаватский. Первый год работ Синдской экспедиции. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 71 и сл.; его же. Синдская археологическая экспедиция 1951 г. Вестник АН СССР, 1951, № 10, стр. 67 и сл.; его же. Второй год работ Синдской экспедиции. КСИИМК, 51, 1953, стр. 149 и сл.; Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, 51, 1953, стр. 159 и сл.; В. Д. Блаватский. Третий год работ в Синдике. КСИИМК, 58, 1955, стр. 88 и сл.; его же. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, 70, 1957, стр. 118. Помимо перечисленных поселений и могильников в 1951 г. раскапывался некрополь около мыса Тузлы (И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, 51, 1953, стр. 156 и сл.).

Кроме того, разведками, производившимися в 1950—1953 гг., было обследовано еще восемь пунктов, на которых были обнаружены обломки античной керамики, и один пункт, где встречались находки средневекового времени.

Отметим, что в 1953 г. разведкой к востоку от Васюринской горы, на полупути до курганов Близицы, примерно на месте поселения № 32 по карте А. А. Миллера, на глубоко вспаханном поле колхоза «Победа» обнаружены обломки античной керамики: амфор эллинистических и I—IV вв. н. э. (в том числе фасосских и с азиатского Боспора),

- 1) Суворовское (1950—1951 гг.; могильник 1952—1953 гг.)
- 2) Бугазское (с могильником, 1951 г.)
- 3) Западно-Лысово (1951 г.)⁷
- 4) Западно-Цукурское (1951—1952 гг.)
- 5) «Седьмой километр» (1952 г.)
- 6) Яхново (1952 г.)
- 7) Верхне-Карabetово (1952 г.)
- 8) Нижне-Карabetово (1952 г.)
- 9) Кукурузное (1952 г.)
- 10) «Десятый километр» (1953 г.)
- 11) «Двенадцатый километр» (1953 г.)
- 12) Восточно-Карabetово (1953 г.)
- 13) Пятиколодезное (с могильником, 1953 г.)
- 14) «Макитра» (1954 г.)
- 15) Западно-Зеленское (с могильником, 1954 г.)
- 16) Северно-Зеленское (1954 г.).

На поселениях не обнаружено культурных напластований, предшествующих античной эпохе; однако на некоторые из них (№ 1, 4), встречались единичные находки до-греческого времени. Находки до-античного времени обнаружены в окрестностях Фанагории (к востоку и западу) и около мыса Тузлы. Кроме того, в исследуемом районе такие находки наблюдались экспедицией А. А. Миллера примерно в семи пунктах. Вероятно, северо-западная часть Синдики была довольно густо заселена в до-греческое время.

Перечисленные шестнадцать поселений античной эпохи можно разделить на два типа: 1) обычные поселки земледельцев и 2) вероятно временные стоянки пастухов (коши).

К первым относятся № 1, 2, 4, 5, 6, 10, 11, 13, 15 и 16. Обычно поселки располагались на берегу моря или лимана, в устье ручьев (высохших теперь) или протоков и реже — в некотором отдалении от моря.

Большая часть этих поселений (№ 1, 2, 4, 5, 13, 15 и 16) возникла в VI в. до н. э., другие в IV в. до н. э. (№ 6), в III в. до н. э. (№ 11) и примерно в III в. н. э. (№ 10). Существовали они, иногда с временными перерывами, до средневекового или — реже — позднеантичного периода. Временем расцвета некоторых из них были VI—II вв. до н. э. (№ 1 и 16), других — только IV—III вв. до н. э. (№ 15), третьих — I—IV вв. н. э. (№ 2, 6, 11) или только в III—IV вв. н. э. (№ 10); в одном (№ 5) наиболее интенсивна жизнь была в конце VI—V и III—II вв. до н. э., а в иных, по всей видимости, — на всем протяжении античной эпохи (№ 4, 13).

В поселениях обнаружены развалины нередко монументальных построек с каменными стенами или цоколями, хотя бы частично крытые черепицей. Очаги или печи делались из глины. Дворики иногда вымощены камнем.

Занятием населения в основном, конечно, было сельское хозяйство. О хлебопашестве и дальнейшей обработке зерна говорят пашенные ямы, жернова, остатки очага для хлебопечения, обнаруженные в большинстве

пифоса, также с азиатского Боспора, соленов, краснолаковой посуды I в. до н. э. и сосудов, покрытых красно-коричневым лаком.

Тогда же на вершине горы Костенка, у западной подошвы Западного кургана, найдены обломки античной керамики и среди них горло пухлогорлой хиосской амфоры.

Около берега Керченского пролива, к северу от Холодной балки, на месте бывш. хут. Корецкого (примерно отвечающем XIII городищу и 4-му могильнику карты В. В. Соколова), обнаружены обломки античных остродонных амфор.

⁷ Западно-Лысово, вероятно, идентично с VIII городищем на карте В. В. Соколова.

описываемых поселений (№ 1, 2, 4, 5, 6, 11, 13). Виноделие, а следовательно, виноградарство засвидетельствовано в одном из поселений (№ 13), где открыта винодельня конца II—III вв. н. э. Кроме того, можно предположить виноделие еще в одном поселении (№ 5).

О развитии скотоводства можно заключить по находкам многочисленных костей домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей, а также собак), встречавшихся во всех поселениях. Рыбная ловля, судя по находкам грузил, играла также некоторую роль в хозяйстве прибрежных поселений (№ 1, 6, 11, 13). Грузил не было найдено лишь в двух более отдаленных от моря пунктах (№ 15 и 16). Ткачество известно по глиняным пряслицам, обнаруженным на некоторых поселениях (№ 1, 2, 5, 11, 13); оно, видимо, являлось женским домашним рукоделием.

В пяти поселениях (№ 4, 5, 11, 13 и 16) можно считать достаточно надежно установленным наличие ремесленного производства — гончарного и кузнечного.

Общий характер находок мало чем отличается от находок в боспорских городах. Изделия античного типа и их обломки явно преобладают над предметами местной работы. Отличие от городских напластований заключается только в более или менее значительной бедности напластований в поселениях, что относится к количеству и особенно к качеству находок. Так, например, сравнительно редко встречаются обломки расписной или украшенной рельефами посуды. Особо следует отметить почти полное отсутствие графитты.

Еще большей бедностью отличаются напластования в населенных пунктах второго типа, в которых следует видеть стоянки пастухов (№ 7, 8, 12 и 14, а, вероятно, также № 3 и — менее определенно — № 9). Обычно они располагались сравнительно далеко от берега и нередко в горах, на значительной высоте.

Поселения этого типа возникали в различное время: два (№ 3 и 7) — в VI в. до н. э., два (№ 8 и 12) — в IV в. до н. э., два — примерно в III в. до н. э. (№ 9 и 14). Существовали они иногда длительно, возможно с перерывами (№ 14), иногда же в течение двух—трех столетий (№ 7 и 8). Время прекращения их существования для двух (№ 7 и 8) — II в. до н. э., для других — позднеантичное (№ 9 и 12) или средневековое (№ 3 и 14) время. В этих пунктах не обнаружено остатков каких-либо монументальных сооружений; обычно встречались только обломки керамики и кости домашних животных.

В заключение отметим, что в 1954 г., по сообщению работников Темрюкского музея краеведения, на северо-западной окраине г. Темрюка, около Моторно-рыболовной станции при сооружении водопровода обнаружена древняя могила. Были найдены кости, сосуд и медная пантикапейская монета (аверс — голова «Пана» в профиль, влево, на голове венчик; реверс — лук, стрела; легенда: ΠΑΝΤΙ).

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

РАСКОПКИ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОКОЛО СТАНИЦЫ ТАМАНСКОЙ

В 1955 г. отрядом¹ Таманской археологической экспедиции ИИМК АН СССР обнаружено и частично раскопано поселение IV—II вв. до н. э. на крутом южном берегу Таманского залива, примерно в 1,5 км к западу от станицы Таманской и в 650 м к северо-западу от северной вершины так называемой Лысой Горы. Культурный слой мощностью от 0,70 до 1,35 м прослеживался в свежем обвале берегового обрыва на протяжении около 200 м с запада на восток. Подъемный материал составляли фрагменты керамики IV—III вв. до н. э. Угроза быстрого разрушения памятника определила необходимость раскопок.

Поселение располагалось на небольшом (200 × 270 м), покрытом редкой травой плато, на 24 м возвышавшемся над уровнем залива (рис. 18). С востока и юго-востока плато ограничено глубокой балкой, на юго-западе и западе оно плавно переходит в большую пологую возвышенность; конфигурация плато неправильная, оно несколько вытянуто к югу. На севере, у самого края обрыва, плато повышается. В западной части городища короткий, но глубокий овраг прорезает культурный слой на расстоянии до 40 м с юга на север. В откосе оврага в культурном слое найдена половина четырехугольного каменного жернова.

В результате работ установлено, что поселение занимало территорию с запада на восток до 200 м, с юга на север — более 100 м. Северная часть его, возможно несколько десятков метров, погибла с разрушением берега.

На городище было разбито 4 раскопа: 1) Центральный (69 м²) у обрыва над выходом камней; 2) Западный (32 м²) над кусками обожженной глины, видными в профиле обрыва, в 24 м от Центрального; 3) Южный (18 м²) в 65 м к югу от Центрального и 4) Восточный (15 м²) в 90 м к востоку от Центрального.

На Центральном раскопе выделяется три слоя². Толщина слоя I не превышает 0,05—0,15 м, причем сохранился он не по всей площади раскопа; местами сооружения последующего слоя лежат непосредственно на материке (глубина 0,7—0,9 м). Грунт — темно-серый суглинок. Находки малочисленны; это фрагменты амфор, простой и чернолаковой керамики. Последняя датирует слой первой половиной IV в. до н. э. Слой II,

¹ В состав отряда входили: Н. И. Сокольский (руководитель). Ю. Я. Власов, И. К. Гасиев, Е. Г. Жернова, А. А. Зайцев (художник, ГИМ); фотограф Ю. С. Пянтунин.

² Счет слоев ведется в хронологической последовательности, т. е. снизу вверх.

толщиною 0,45—0,50 м, относится ко времени от середины IV до второй половины III в. до н. э. и так же как и соответствующие слои на других раскопах является основным для поселения; в нем найдена подавляющая часть находок и все строительные остатки. Грунт второго слоя — темно-серый, зернистый, сильно известкованный суглинок, прорезанный корневищами растений. Заметны включения небольших зольных прослоек. По мере приближения к поверхности грунт постепенно становится более темным, гуммированным. На всех глубинах встречены отдельные куски

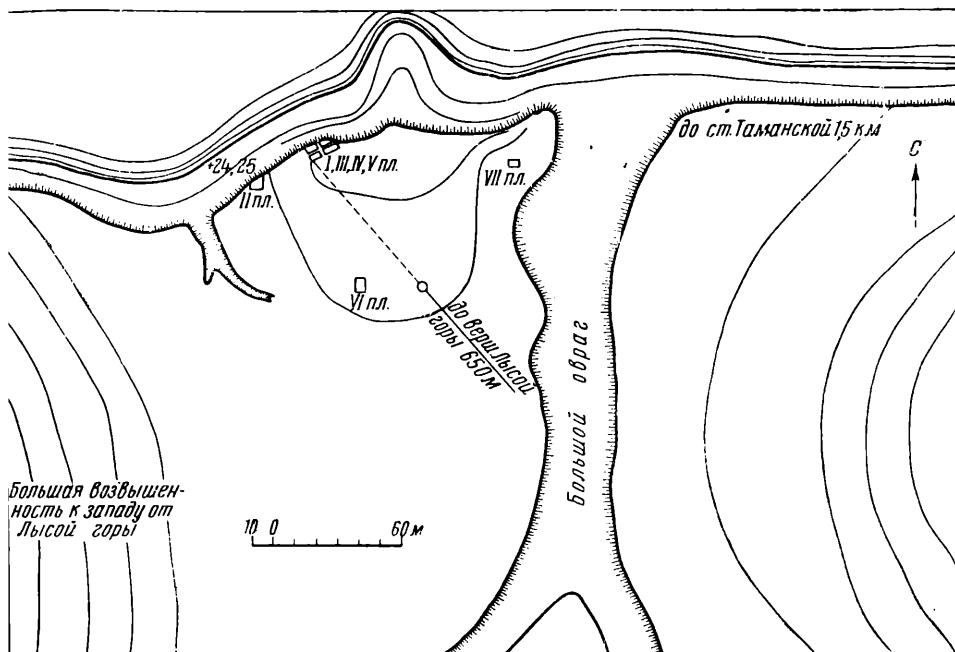

Рис. 18. Месторасположение поселения под Лысой Горой. (I—VII — площади раскопов).

известняка (средних размеров и мелкие) и группы их — остатки сооружений поселения. Отдельные камни и небольшие скопления их попадались и на других раскопах.

Слой III достигает толщины 0,2—0,3 м, включая дерновую (гумусную) прослойку. Слой перекопан; архитектурных остатков нет. Основную массу находок составляют фрагменты керамики тех же типов, что и в предыдущем. Слой датируется небольшим количеством керамики концом III—II вв. до н. э. (фрагменты красноглиняного флакончика, сосудов с поздним черно-коричневым лаком).

Во II слое на Центральном раскопе вскрыты остатки хозяйственно-жилого комплекса, лежащего в одном горизонте и относящегося к одному времени; однако комплекс сильно разрушен, отчасти вследствие сдвигов грунта на краю обрыва. Здесь открыты остатки дворовой вымостки, фундаментов дома с полом, водостока и хозяйственной постройки (рис. 19).

Дворовая вымостка I из камней-известняков средней величины (0,20 × 0,14 × 0,13 м и более мелких), положенных довольно плотно в один ряд по высоте, занимала северо-западный сектор раскопа, и в большей части разрушена береговым обрывом; сохранившаяся часть ее неправильной формы, близкой к треугольнику. Посредине, к западу от водо-

стока, вымостка разрушена, причем западная сторона лучшей сохранности. Кроме известняка использовано несколько камней-плитняков и фрагментов боспорских черепиц. Подошва вымостки, как и других сооружений Центрального раскопа, лежит на глубине 0,6—0,8 м от дневной поверхности, несколько наклонной в этом месте. Дворовая вымостка на юго-востоке впритык примыкает к фундаменту дома II, ориентированному с юга-юго-запада на северо-северо-восток. Фундамент сохранился на длину 4 м, с разрывом в середине шириною 0,5 м. Лучше уцелела западная часть длиной 2,1 м и шириною 0,6 м; восточная (1,4 м) сильно разрушена. Фундамент сложен из необработанных кусков известняка

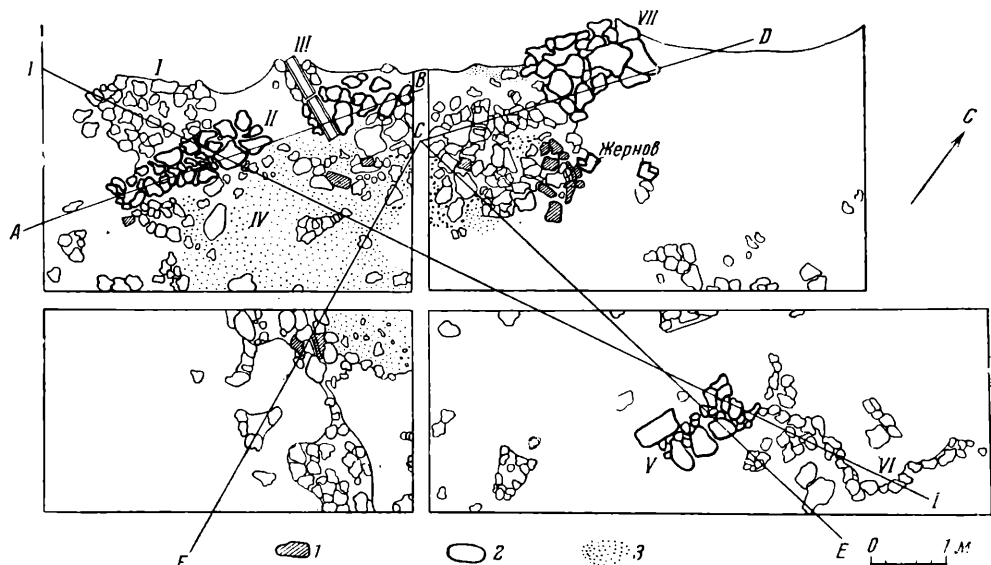

Рис. 19. План архитектурных остатков на Центральном раскопе.

1 — фрагменты керамики и черепицы; 2 — камень; 3 — вымостка из битого известняка. I — дворовая вымостка; II — фундамент; III — водосток; IV — пол; V — фундамент; VI — пристройка; VII — вымостка.

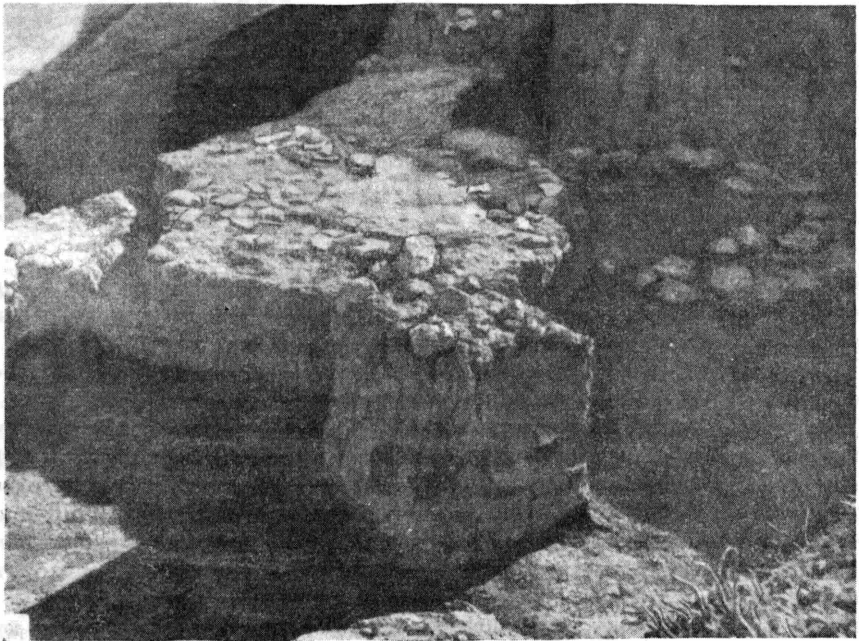
(0,36×0,30×0,22; 0,40×0,20×0,18 м и т. д.), составляющих два панциря в один ряд камней каждый; между ними уложена на земляном растворе забутовка из мелких обломков известняка.

Фундамент и вымостку перпендикулярно линии стены пререзает водосток (рис. 20 — 1) из окрашенных боспорских граненых калиптеров, лежащих торец в торец, коньками книзу. Сохранились только два калиптера (длина 0,535 м, ширина 0,14 м, высота 0,08 м); один был вложен в фундамент дома, поперек его, а другой — в вымостку двора, так что края калиптеров не выступали выше ее поверхности. По-видимому, водосток служил для сбора дождевой воды. В нем обнаружено несколько фрагментов керамики, в том числе два обломка красноглиняного сосуда типа друшлага.

Далее к юго-востоку расчищен большой неправильной формы кусок пола IV размером 6 м с запада на восток и 3,6 м с севера на юг; края его оборваны. Основа сделана из мелкого рыхлого светлого известняка, выходы и небольшие разработки которого находятся вблизи поселения. Известняковая основа была утрамбована и покрыта тонким плитняком, а иногда крупными фрагментами черепиц, как об этом можно судить по сохранившемуся восточному участку. Возможно, что выкладка плитняком была результатом ремонта помещения. Общая толщина пола составляет

1

2

Рис. 20. Вымостка, фундамент, водосток и пол дома на Центральном раскопе, площадь 1 (1) и основания печей на Западном раскопе (2).

0,15—0,20 м, подошва его лежит на одном уровне с подошвой фундамента дома. На полу в разных местах найдены несколько обломков окрашенной боспорской черепицы, среди них один с клеймом ΛΕΩ, не однажды засвидетельствованным на Боспоре³ (рис. 21—2), фрагменты амфор IV—III вв. до н. э., доньшко чернолакового килика IV в. до н. э. с процарапанной монограммой Α на нижней стороне (рис. 21—1), черепки

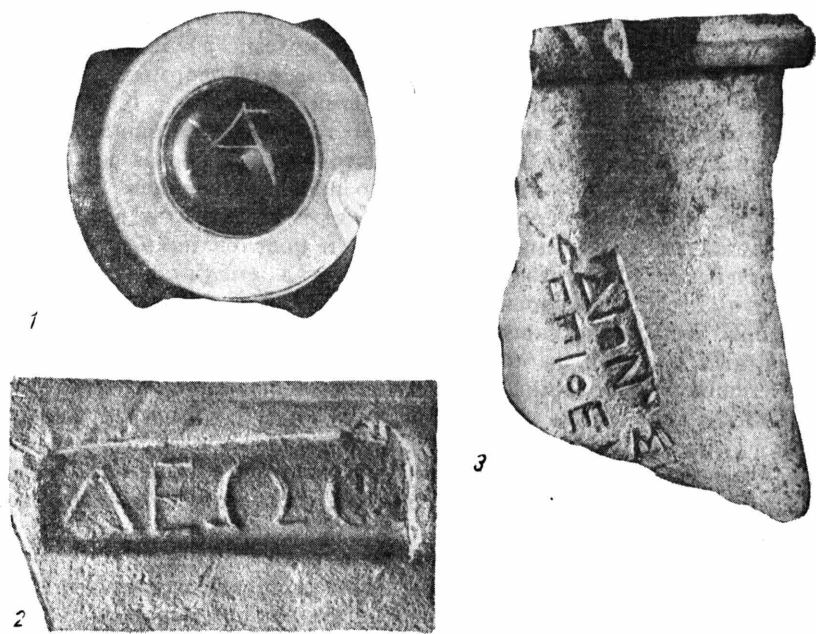

Рис. 21. Клейма на керамических изделиях.

1 — дно чернолакового килика с процарапанной монограммой; клейма: 2 — на боспорской черепице; 3 — на горле гераклейской амфоры.

простой красноглиняной посуды, на восточном краю пола — два куса четырехугольного каменного жернова и свинцовая пластинка. Находки черепиц на полу и в культурном слое свидетельствуют о том, что здание было крыто черепичной крышей.

В 5,4 м к юго-востоку от фундамента обнаружен другой сильно разрушенный фундамент V длиной 1,4 м и шириною 0,6 м. Судя по направлению, уровню залегания и характеру кладки, этот отрезок является частью юго-восточного фундамента того же дома, к которому принадлежала и часть, описанная выше. Рядом с фундаментом найдена боспорская медная монета конца IV в. до н. э.⁴ С юго-востока к нему примыкает угол хозяйственной пристройки (кладка VI) из одного ряда камней-известняка; стороны пристройки имеют длину 1,6 м и 1,8 м.

У края обрыва, к востоку от дворовой вымостки сохранился кусок (1,8 × 1,3 м) другой вымостки VII, сложенной из крупных (например

³ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 306—307, № 46—48.

⁴ На одной стороне монеты — голова быка и легенда ΠΑΝ, на другой — голова Пана. А. Н. Зограф (Античные монеты, МИА, № 16, 1951, табл. ХLI, 7) такой тип монет датирует временем 300—250 гг. до н. э. Д. Б. Шелов считает данную монету несколько более ранней (конец IV в. до н. э.). Другая монета, найденная на этой же площади, но в третьем (верхнем) слое относится к тому же типу, но датируется Д. Б. Шеловым началом III в. до н. э.

0,55 × 0,50 × 0,05 м) плоских кусков известняка и плитняков. Эта вымостка принадлежала другому соседнему помещению, хотя и близко подходит к полу дома.

Среди находок из второго слоя (рис. 22) преобладает красноглиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, очень распространенная в боспорских городах в IV—III вв. до н. э.⁵: а) кастрюли с круглыми горизонтальными небольшими ручками, характерно отогнутыми наружу венчиками и закраинами для крышки, имевшей сверху пуговку; б) миски различной глубины с загнутым внутрь утолщенным краем; в) плоские тарелки с наибольшей закраиной; г) рыбные блюда обычной формы; д) кувшины с круглыми, плоскими и профилированными ручками. К этой группе близко примыкает менее многочисленная гончарная коричневоглиняная и сероглиняная керамика, в основном повторяющая формы красноглиняной. Среди сероглиняной — несколько черепков с лошением.

Вторую по количеству группу составляют фрагменты амфор, среди которых главное место занимают синопские и красноглиняные боспорские, затем гераклейские и раннеэллинистического времени других центров. Особо отметить ножку амфоры типа херсонесской и фрагмент отогнутого венца амфоры типа, известного из кургана Солоха. Найдены обломки красноглиняных пифосов, небольших лутериев, нескольких лепных сероглиняных горшков, небольших красноглиняных флаконов и чернолаковой посуды. Обнаружена ручка синопской амфоры с клеймом, относящимся ко второй группе по Б. Н. Гракову⁶, куски жерновов, половинка каменного ядра от пращи (диаметр = 4,9 см), половинка серомамфорной прямоугольной подставки с выемкой для статуэтки, небольшое количество костей домашних животных.

Западный раскоп по рельефу местности лежит на 1,14 м ниже Центрального; культурный слой здесь более мощный и материк обнаружен на глубине 1,20—1,35 м. Слоя, соответствующего первому слою Центрального раскопа (первая половина IV в. до н. э.), не сохранилось. Выявленные два соответствуют II и III слоям Центрального раскопа. Слои середины IV—III вв. до н. э., начинаясь непосредственно от материка, имеют толщину 0,7—0,9 м. Здесь открыты три расположенные рядом, но на разных уровнях, гончарные печи. Грунт до уровня залегания пода верхней печи аналогичен грунту Центрального раскопа с той разницей, что в нем встречаются кусочки желтой и обожженной глины и зольные небольшие прослойки. Ниже грунт становится сильно золистым, переходя в мощные зольные прослойки, высотой до 0,5 м, сменяющие одна другую; они группируются в три пласта, в основном связанные с тремя печами (рис. 20—2).

От печей сохранились только основания, имевшие форму правильного круга. Наиболее ранняя, относящаяся, по-видимому, к третьей четверти IV в. до н. э., обнаруженная у восточного борта, отличается от остальных тем, что ее основанием служит кольцо из двух рядов камней-известняка средней величины (0,40 × 0,25 × 0,18; 0,30 × 0,21 × 0,17 м и др.). Внешний диаметр кольца 2,12 м, ширина в среднем 0,5 м. Камни положены на выровненную на материке площадку на глубине 1,3 м от современной поверхности. Судя по лучше сохранившимся краям печи, можно видеть, что на каменное кольцо был положен слой глины, заполнявшей и внутреннее пространство кольца; основание состояло из положенных выпуклыми сторонами кверху обломков амфор IV в. до н. э., которые, в свою очередь,

⁵ Сравни: Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г., ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 148—152, рис. 41 и 42.

⁶ Б. Н. Граков. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. ТГИМ, вып. I, 1926, стр. 165 сл.

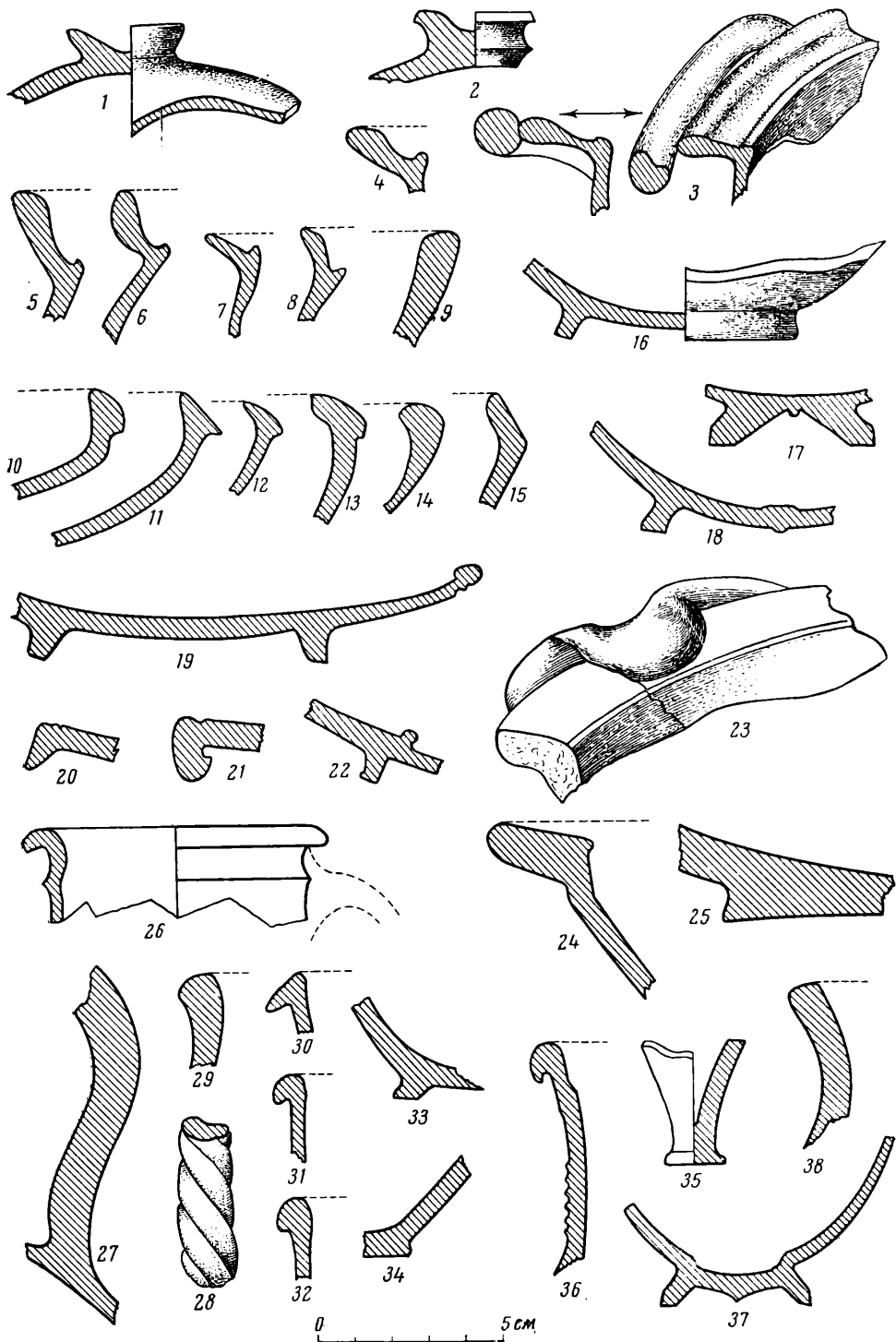

Рис. 22. Образцы фрагментов керамики.

1, 2 — крышки кастрюль; 3—8 — края кастрюль; 9—15 — края мисок; 16—18 — доньшки кастрюль и мисок; 19 — тарелка; 20—22 — края и дно рыбных блюдец; 23—25 — края и дно небольших тазиков (лутериев); 26—34 — венчики, ручки и днища кувшинов; 35 — дно флакона; 36—37 — венчик и нижняя часть сероглиняного кувшина; 38 — край сероглиняного горшка.

были покрыты слоем глины в 3—5 см толщиной, составлявшем собственно под печи. Стенки сделаны из желтой глины: в профиле восточного борта хорошо прослежены расплывшиеся их остатки вышиною до 0,5 м и толщиной 0,6—0,7 м. Здесь же встречены обожженные куски завалившихся верхних частей. В районе печи обнаружено много амфорных черепков, сходных с теми, которые устилают основание; среди них горло гераклейской амфоры с вдавленным клеймом $\Delta\iota\omicron\upsilon\upsilon\sigma\iota[\omicron\nu]\pi\tau\iota\ \theta\epsilon\nu$. . . (рис. 21—3), по форме букв относящимся ко второй группе по Б. Н. Гракову⁷, и датирующейся, по определению М. И. Максимовой, временем начала второй половины IV в. до н. э. При расчистке печи обнаружены фрагменты раннеэллинистических амфор и чернолаковой посуды второй половины IV в. до н. э.

Вторая по времени печь, относящаяся, видимо, к концу IV в. до н. э., обнаружена в северо-западной части раскопа; она разрушена обрывом. Сохранился южный полукруг основания диаметром 2,05 м. Под второй печи лежит на 0,12 м выше пода первой, т. е. на глубине 1,03 м от поверхности. Каменного кольца в основании нет, в остальном же его устройство аналогично первому: глиняная, прокалившаяся от нагревания подушка выложена сверху амфорными черепками и покрыта глиняным подом толщиной 3—5 см, на котором сохранилась зола. Поверх основания лежало несколько камней в виде вымостки, возможно, появившейся в результате выравнивания площади при устройстве третьей печи.

Круг основания третьей печи, относящейся к первой половине III в. до н. э., (диаметр 2,1 м) располагался между двумя предыдущими, однако под ее лежал на 0,18 м выше уровня пода второй, т. е. на глубине 0,85 м от поверхности. Восточный край налегал на западный край первой печи с земляной прослойкой между ними толщиной около 0,3 м. Устройство основания третьей и второй печей идентично. По краям круга основания сохранились куски желтой глины от стенок.

Все три печи не имели внутренних центральных столбов, характерных для керамических обжигательных печей, и в этом отношении находят аналогию в прикубанских кухонных печах.⁸ Однако печи поселения под Лысой горою по размерам превосходят прикубанские. Учитывая, что на поселении преобладает простая кухонная посуда, обжиг которой удобен в печах подобных размеров, и находку бракованного края каструли, можно высказать предположение о том, что вскрытые нами печи служили для обжига посуды небольших размеров.

Находки из первого слоя Западного раскопа представлены теми же группами керамики, как и на Центральном раскопе в слое середины IV—III вв. до н. э. Особенность размещения находок заключается в том, что выше горизонта второй печи преобладают фрагменты кухонной посуды, а ниже — амфор, что видимо, связано с применением амфорных черепков в устройстве основания печей. Из отдельных находок упомянем биконическое керамическое пряслице, фрагмент известнякового лутерия, обломок отогнутого венца светлоглиняной амфоры типа амфоры из кургана Сслова. Найдено около 100 костей домашних животных, в том числе в зольной яме нераздробленные кости ног лошади.

Второй слой Западного раскопа (конец III—II вв. до н. э.), толщиной 0,30—0,55, перекопан; по грунту и находкам идентичен третьему слою Центрального раскопа.

Южный раскоп разбит на ровном месте близко к центру плато. Здесь обнаружен культурный слой толщиной 0,60—0,75 м. Грунт сходен с грун-

⁷ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 165 и сл.

⁸ Н. В. Анфимов. Раскопки Семибратнего городища. КСИМК, XXXVII, 1951, стр. 241.

том первых двух раскопов, архитектурных остатков нет, однако насыщенность находками керамики значительна. Слои первой половины IV и II в. до н. э. не прослеживаются. Все находки входят в рамки времени от середины IV до второй половины III в. до н. э. — это фрагменты боспорской черепицы, гераклеийских и синопских амфор, красноглиняной кухонной посуды (кастрюли, миски, кувшины, тарелки, рыбные блюда), несколько осколков сероглиняной и чернолаковой посуды. Отдельно упомянем фрагмент лощенного красноглиняного сосуда, сосуда с красным ангобом, два небольших пирамидальных грузика, ручку синопской амфоры с клеймом, относящимся ко второй группе по Б. Н. Гракову. Раскоп показал, что территория поселения продолжается далее к югу.

Восточный раскоп, расположенный рядом с началом откоса восточной балки, позволил выявить, что территория поселения доходила до балки, хотя, видимо, эта часть была незастроенной. Культурный слой здесь тоньше (0,4—0,5 м), архитектурных остатков нет, количество находок керамики небольшое, причем все они сходны с находками других раскопов.

Вновь открытое поселение на территории древней Синдики возникло в первой половине IV в. до н. э., но интенсивная жизнь на исследованном участке и, по-видимому, на поселении в целом, относится ко времени от середины IV до второй половины III в. до н. э. Жизнь прекратилась здесь не позднее II в. до н. э., т. к. никаких остатков более поздних эпох не обнаружено. По характеру материальной культуры поселение очень близко крупным боспорским городам, однако утверждать, что жителями его были греки, нельзя. Небольшие сельскохозяйственные поселения, очень многочисленные на территории Таманского полуострова, могли в основном принадлежать только местному населению. Исследования последних лет подтвердили большую степень эллинизации культуры синдов.

Жители поселения занимались сельским хозяйством, возможно, производством керамики, а также рыболовством и домашним ткачеством. Следует подчеркнуть тесную связь с рынком, на что указывают находки монет, привозная черепица, амфорная тара и более дорогие виды посуды; это объясняется близостью к морю и особенно к крупному городу — Гермонассе. По-видимому, через боспорские города в поселение проникали товары из далеких южно-черноморских (Синопа, Гераклея) и даже средиземноморских (Фазос, Родос, Кос и др.) центров.

И. Б. ЗЕЕСТ

РАСКОПКИ ГЕРМОНАССЫ

В 1955 г. античный отряд Таманской экспедиции продолжил раскопки Гермонассы. Начатые в 1952 г. разведочные работы позволили выяснить стратиграфию античных слоев на одном из участков городища и дали общее представление о мощности культурных напластований античного времени, глубина которых доходит до 10 м, а толщина — до 6,5 м¹. Остатки античного города перекрыты слоями раннесредневекового, тмутараканского и позднейшего времени.

В 1955 г. проводились раскопки городища, могильника² и одного из загородных участков. В городе работы велись на одном из восточных участков (XXVII—XXVIII), где изучение тмутараканских слоев было завершено в предшествующий год³. Здесь вскрыты слои раннесредневекового времени и слои античной Гермонассы I—IV вв. н. э. Наиболее ранние архитектурные остатки, относящиеся к I—II вв. н. э., встречены на глубине 5,1—5,2 м от современной поверхности. Открыта часть улицы и остатки домов, расположенных вдоль ее восточной стороны.

В юго-восточной части раскопа открыто здание, от которого уцелела фасадная часть с дверным проемом и выходом на улицу, оформленным двумя выступами стены. Основание наружной стены выложено из хорошо отесанных каменных блоков, использованных в постройке повторно. Кладки других стен выложены из рваного камня со слегка отесанной боковой поверхностью. Сохранившиеся кладки представляют собой цокольную часть здания, над которой возвышались стены из сырцовых кирпичей, о чем свидетельствует слой светло-желтого грунта, образовавшийся в результате развала сырцовых стен и покрывающий каменное основание. С северной стороны к зданию примыкала небольшая пристройка, на земляном полу которой найдены обломки амфор и кости животных. В углу лежал человеческий череп, прижатый лицевой стороной к стене.

На расстоянии 6—7 м к северу от здания обнаружены остатки другого помещения, где находилась печь. Сохранился ее под, состоящий из нескольких плоских камней и слоя обожженной глиняной обмазки. Остатки каменной обкладки позволяют восстановить квадратную в плане форму

¹ И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, 58, 1955, стр. 114 и сл.

² Результаты работ отряда по изучению некрополя будут сообщены особо автором раскопок Н. П. Сорокиной.

³ Б. А. Рыбаков. Отчет Таманской археологической экспедиции за 1954 г. Архив ИИМК АН СССР, № 1051.

печи, размерами $1,7 \times 1,7$ м с топочным отверстием с северо-восточной стороны.

Поверхность улицы перед домом с печью была вымощена мелким камнем, а перед выходом из дома, в южной части раскопа, покрыта черепяной вымосткой. Остальная поверхность улицы на этом участке оставалась не замощенной, представляя собой плотно утрамбованную поверхность мусорного темного грунта.

В конце II и в III в. н. э. в этой части города не было жилых построек: здесь находились только хозяйственные ямы для хранения зерна и других продуктов. На открытой площади обнаружено шесть ям грушевидной формы, до двух метров в диаметре. Ни одна из них не сохранилась полностью; верхние части их оказались разрушенными позднейшим строительством домов.

Строительные остатки IV в. н. э. обнаружены на глубине 4,2 м (рис. 23). В это время здесь проходила улица, шириной около 5 м, вымощенная обломками черепков и щебнем (вымостка 63). По обеим сторонам улицы расположены жилые дома; остатки одного из них раскопаны полностью (кладки: 61, 62, 67, 68, 65). Сохранилось прямоугольное в плане помещение, вытянутое по фасаду. Невысокие каменные цоколи стен выложены из мелкого рваного камня. Углы здания укреплены большими камнями, заложенными глубже основания цоколя, благодаря чему угловые части несколько выступают перед фасадом. Стены были сложены из сырцовых кирпичей, размытые остатки которых покрывают каменные кладки. С восточной стороны к помещению примыкает вымостка двора, где обнаружено несколько обломков зернотерок.

К югу от дома находилось другое здание, отделенное от него узким переулком, а у входа в переулок, перед углами обоих зданий уложены большие камни-валуны, предохранявшие углы от возможных повреждений.

Остатки городского строительства более позднего времени относятся к периоду раннего средневековья. В течение V—VII вв. здесь прослеживается та же планировка квартала. Улица проходила в том же направлении и ее поверхность неоднократно выравнивалась и подправлялась слоями утрамбованных и измельченных обломков керамики и щебня.

Архитектурные остатки V—VI вв. в плохой сохранности. Вероятно, дома часто подвергались разрушению, судя по неоднократному и быстрому наслоению остатков этих построек.

Лучше сохранились находящиеся на глубине 3,2—3,3 м остатки четырех домов и каменные вымостки дворов VI—VII вв. Как и в античное время, стены возводились из сырцовых кирпичей на цоколях, сложенных из мелкого камня, и только углы укреплялись более массивными камнями.

Толщина всех культурных напластований на этом участке очень большая, что объясняется главным образом нарастанием массы развалившегося сырца, служившего основным строительным материалом городских построек.

Среди многочисленных находок преобладающее место занимают обломки амфор, простой и толстостенной посуды типа пифосов, кувшинов и мисок. Много встречено лепной кухонной посуды и других лепных изделий: светильников, прясел, курильниц, чаш на высоких цилиндрических подставках и пр. Во всех слоях встречались обломки краснолаковой и стеклянной посуды. На раскопанном участке, преимущественно в районе улицы, найдено более ста монет. Часть из них обнаружена в слоях V—VII вв., но все монеты античного времени и наиболее поздние из них относятся к IV в. н. э.⁴

Остатки черепицы немногочисленны и относятся преимущественно к эллинистическому времени.

⁴ Все монеты 1955 г. просмотрены и определены Л. Н. Казамазовой.

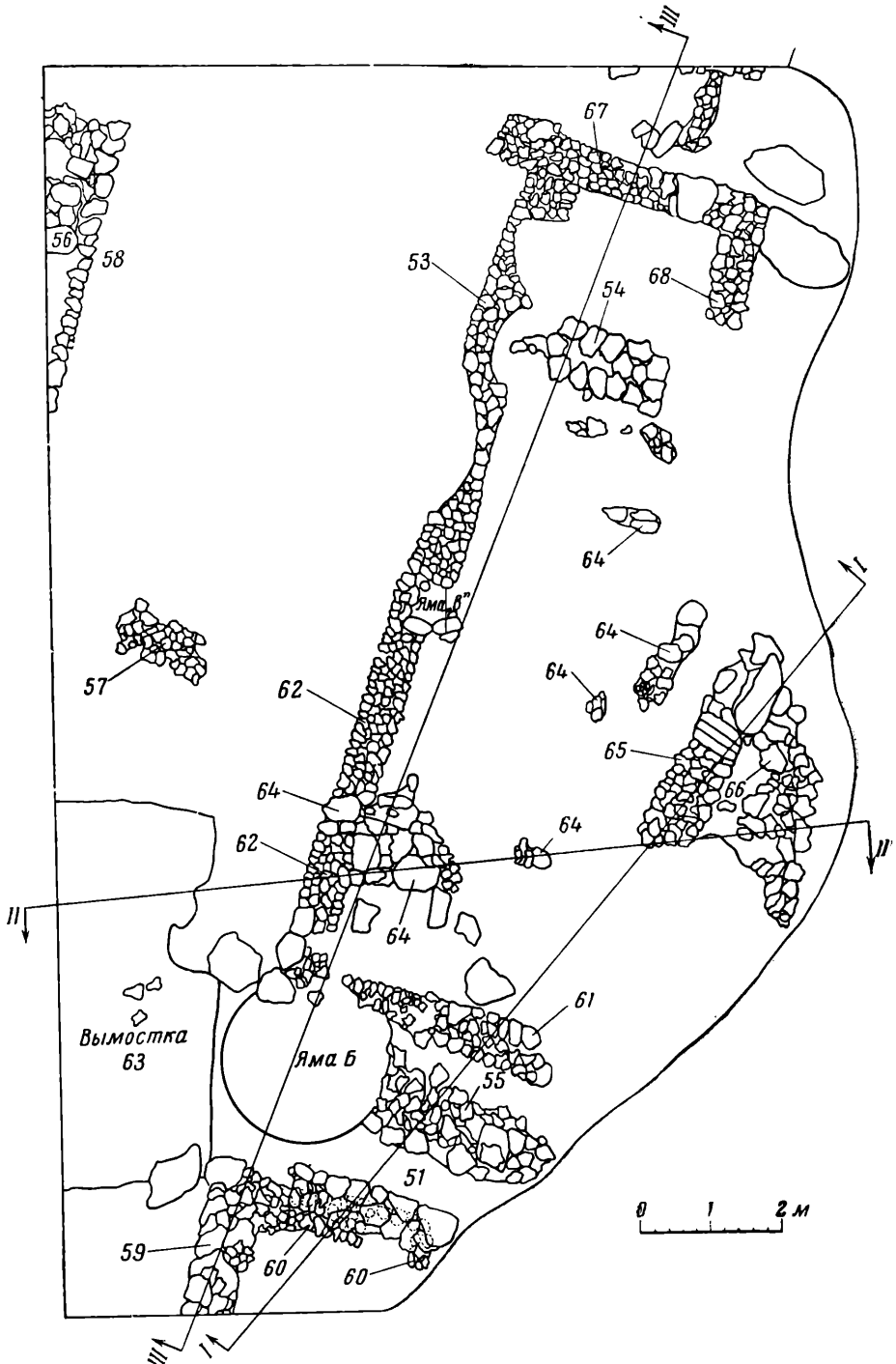

Рис. 23. Раскопки Гермонассы. Остатки городских построек IV в. н. э.

Следует особо упомянуть о находке торса небольшой статуи (высота 0,65 м) — женской задрапированной фигуры, сделанной из местного керченского известняка. (рис. 24). Удлиненные пропорции торса и технические приемы обработки позволяют отнести ее к позднеэллинистическому времени. Интересна находка части триглифа, пропорции которого дают возможность восстановить высоту дорийского фриза, равную 0,72 м. Триглиф высечен из местного известняка. Из того же материала выполнен двускатный калиптер, повторяющий форму мраморных калиптеров. Можно отметить также бронзовый перстень, на щитке которого изображен Дионис, опирающийся на тирс⁵ (рис. 25).

Исследование этого участка города еще не закончено⁶. Раскопки 1955 г. дали сведения об истории городского строительства I—VII вв. и новый материал для изучения истории, экономики и культуры Гермо-насы сарматского времени и раннесредневековой Таматархи.

Второй раскоп находился за пределами южной границы городища, на западном берегу сухого озера (раскоп XXXV). В обрыве берега здесь обнаружен выход черепяной прослойки толщиной до 1 м и длиной около 16 м. Черепяный слой почти на всей площади раскопа оказался разрушенным позднейшими ямами, служившими для выборки материковой глины. По мере использования, ямы засыпались землей, содержащей обломки керамики из разрушенного слоя. Об этом свидетельствует однородный характер основной массы находок, обнаруженных в ямах и в уцелевших частях черепяной прослойки.

подавляющее большинство находок составляют обломки остродонных амфор (более 242 000 обломков). Найдено несколько монет⁷ и небольшое количество фрагментов расписной, чернолаковой и тонкостенной посуды. Совершенно отсутствуют остатки кухонных отбросов и черепицы. Весь материал, в основном, относится к IV—III вв. до н. э. и лишь единичные находки датируются V и II вв. до н. э., а в ямах средневекового времени встречено несколько черепков поливной посуды.

Среди обломков амфор обнаружено около 170 клейм, преобладающее место среди которых занимают синопские, гераклейские и фасосские.

Рис. 24. Торс женской статуи из раскопок Гермо-насы.

⁵ По определению М. И. Максимовой, перстень может быть датирован I в. до н. э.—I в. н. э.

⁶ Раскопки на участке продолжались в 1956—1957 гг.

⁷ Наиболее поздние монеты относятся к III в. до н. э.

В массовом материале тоже выделяются группы синопских, гераклейских и фасосских амфор и, кроме того, амфор с колпачковыми ножками, хиосские IV в. до н. э., красноглиняные боспорские IV—III вв. до н. э., амфоры с рюмкообразными ножками. Кроме того встречались единичные обломки родосских, косских и других типов эллинистических амфор.

Изучению этого интересного комплекса будет уделено особое место в общей работе, посвященной раскопкам Гермонассы. В настоящем, предварительном, сообщении мы остановимся подробнее только на группе амфор с рюмкообразными ножками в связи с находками клейм.

Корпус амфор широкий и округлый в плечах, укреплен на высокой стройной ножке, сильно расширенной внизу, наподобие ножки рюмки⁸.

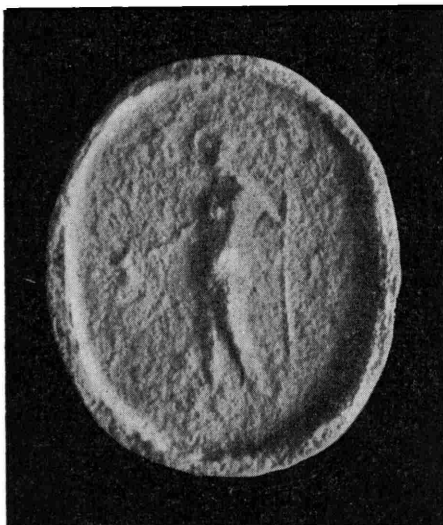

Рис. 25. Щиток бронзового перстня из раскопок Гермонассы.

Подобная форма керамической тары в IV—III вв. до н. э. производилась, вероятно, в ряде греческих центров, о чем свидетельствуют близкие по форме, но несколько различные по деталям профилей и по характеру глины обломки амфор этого типа. Среди них наиболее четко выделяются сосуды из светло-коричневой, пористой глины, содержащей значительное количество слюды и включения белого кварцевого песка. Венцы этих амфор представляют собой как бы расплюснутый и слегка отогнутый в стороны край горла, подчеркнутый снизу бороздкой, обозначающей высоту венца, который с внутренней стороны горла всегда округлен. Верхняя часть ручки несколько уплощенной формы, благодаря чему ручка в этой части несколько шире, чем в изгибе. Нижний конец ее укреплен на плече сосуда и отмечен ямкой, выдавленной пальцем в мягкой глине. Подобные углуб-

ления, однако, встречаются не только на амфорах с рюмкообразными ножками, но и на многих других.

Высокая, цилиндрическая ножка, расширенная внизу, напоминает по профилировке форму ножек фасосских амфор, но значительно шире последних; их диаметр, равный обычно 7 см, достигает у некоторых экземпляров 8—10 см. Подошва ножки имеет волнообразную вогнуто-выпуклую поверхность с небольшим углублением в центре. Наиболее широкая часть ножки слегка округлена или подрезана вертикально, образуя узкий пояс. По профилировке ножек и венцов и уплощенной, расширенной форме верхней части ручек эти амфоры сходны с фасосскими. Период, в течение которого они ввозились в города Северного Причерноморья, совпадает с периодом наибольшего расцвета фасосского импорта, а прекращение ввоза — с периодом его сокращения. Нам представляется вероятным, что амфоры с рюмкообразными ножками изготовлялись в одном из центров Эгейского моря, тесно связанным с Фасосом, через посредничество которого этот импорт и проникал в города Северного Причерноморья.

⁸ И. Б. Зеест. К вопросу о торговых связях Пантикапея с Нижним Придономем. МИА, № 19, стр. 111, табл. 2, б.

Штемпеля амфор с рюмкообразными ножками наносились обычно на верхнюю часть одной из ручек, но клеймились эти сосуды вероятно спорадически.

Среди клейменных ручек, найденных при раскопках черепяного слоя, обнаружены две с сохранившимися частями горла и венца. Форма венцов и ручек, как и характер глины, свидетельствует о том, что эти ручки принадлежали амфорам с рюмкообразными ножками описанного типа.

На одной из ручек имеется клеймо в виде углубленного колечка (№ оп. 442, рис. 26—3), на другой — клеймо с изображением одноручного сосуда, окруженного точечным орнаментом (№ оп. 465, рис. 26—1).

К той же группе следует отнести клеймо (на ручке) без венца с буквой «Ф» в ромбовидном углубленном поле (№ оп. 446, рис. 26—2). Клейма на амфорах с рюмкообразными ножками следует отнести к так называемой «группе А», выделенной Д. Б. Шеловым из клейм, найденных в Панتيкапее и Фанагории⁹.

Раскопанный черепяной слой IV—III вв. до н. э., содержащий большое количество совместных находок, интересен, как новый археологический комплекс, на который могут опираться исследования по античной керамике.

Относительно происхождения и назначения черепяного слоя можно высказать следующее соображение. Несомненно, что прослойка не является мусорным выкидом, потому что в ней не содержатся характерные включения, всегда присутствующие в слоях мусорных свалок. Черепки не просто насыпаны, а выложены более или менее регулярными пластами, состоящими из плотно уложенных один на другой черепков. Поверхность слоя выровнена. Такая структура напоминает черепяные вымостки, применение которых засвидетельствовано на Азиатском Боспоре. Однако, вряд ли правильно истолковать этот объект, как вымостку. Толщина слоя неравномерна: по краям она незначительна, а в средней части достигает, как уже сказано, одного метра. Не характерно для вымостки и состояние черепков: большая часть из них острореберная, нет окатанных черепков на поверхности, и несколько крупных обломков выдаются над ней. По всей вероятности, слой был выложен с целью укрепления грунта для сооружения какой-то постройки, может быть, здания, и в таком случае служил черепяной субструкцией.

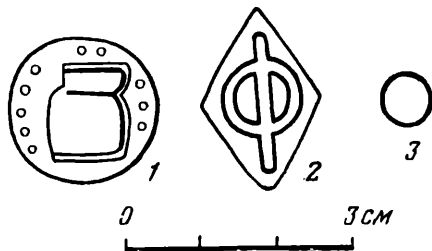

Рис. 26. Клейма на ручках рюмкообразных амфор

⁹ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, стр. 151.

И. Т. КРУГЛИКОВА

РАЗВЕДКИ В СТАРО-КРЫМСКОМ РАЙОНЕ
В 1956 ГОДУ

В 1956 г. Восточно-Крымский отряд начал археологическое исследование района, расположенного к северо-западу от Феодосии. Район этот до настоящего времени оставался вне поля зрения археологов, несмотря на то, что он представляет большой интерес и с точки зрения уточнений границ Боспора и для изучения сельской территории, снабжавшей хлебом боспорские города. Ведь, по словам Страбона, Феодосия «была прежде границей владений боспорцев и тавров», а вся страна от Феодосии до Пантикапея богата хлебом и имеет деревни¹. Еще в XIX в. исследователи полагали, что на месте Старого Крыма было античное поселение. Там в 1895 г. найден каменный четырехгранный постамент с греческой надписью, относящейся к 222 г. н. э., воздвигнутый первым архонтом вифинского города Пруссы в честь боспорского царя Тиберия Юлия Рискупорида, сына царя Савромата «друга кесарей и друга римлян». Надпись свидетельствует, что в III в. район Старого Крыма находился под властью боспорских царей и, по-видимому, играл большую роль в экономической жизни Боспора, в частности, в его внешней торговле. Надпись, как пишет Ю. А. Кулаковский, позволяет отодвинуть западную границу Боспорского царства «настолько, чтобы она захватила территорию Старого Крыма»². В античное поселение, находившееся здесь в III в. н. э. приезжали купцы из далеких, торговавших с Боспором греческих центров. Интересно, что подобная же надпись в честь Рискупорида, также поставленная послами пруссийцев на следующий год, т. е. в 223 г. н. э., найдена в самой столице Боспорского царства³. В. В. Латышев, публикуя надпись из Старого Крыма, вслед за Ю. А. Кулаковским высказывает предположение о локализации здесь «Биона, или, вернее, Тазоса», названных Птолемеем среди городов внутренней части Таврического Херсонеса⁴. Муравьев-Апостол локализовал здесь Киммерий, Кеппен — Кримны⁵ и т. д. Кроме указанной надписи, в Старом Крыму находили различные античные монеты (родосские, пантикапейские, римские и др.)⁶. Большая населенность в настоящее

¹ Страбон, VII, 4, 4 (ВДИ, 1947, № 4, стр. 204).² Ю. А. Кулаковский. Новые данные для истории Старого Крыма. ЗРАО, т. X, ч. 3, стр. 12.³ IOSPE, II, 43.⁴ IOSPE, IV, стр. 111.⁵ Ю. А. Кулаковский. Указ. соч., стр. 1—8.⁶ Там же, стр. 11.

время прилежащего к Старому Крыму района, связанная с наличием источников хорошей пресной воды и удобных для обработки земель, заставляет предполагать, что и в древности этот район был интенсивно заселен, и слова Страбона о находящейся за Феодосией плодородной равнине относятся также и к нему. Вероятно от местного населения поступала значительная часть хлеба, вывозимого из Феодосийской гавани. Разведки, проведенные в 1956 г. на сравнительно небольшой территории к северу от Старого Крыма, полностью подтвердили предположение о наличии здесь в античное время сельских поселений.

На территории самого города Старый Крым пока не удалось обнаружить культурного слоя античного времени. Но отдельные находки (обломки эллинистических амфор), свидетельствуют о том, что поселение здесь было, хотя, может быть, остатки его уничтожены современным строительством. Разведки в окрестностях города показали, что поселения существовали там с эпохи поздней бронзы вплоть до средневековья.

№ 1 — в 1 км к северу от западной окраины города, в бортах глиняного карьера обнаружены следы поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа. Найдены отщепы кремня, обломки лепной посуды с грубой неорнаментированной поверхностью, со слегка отгибающимся венчиком, а также крупных чернолощенных сосудов, украшенных по плечикам резным орнаментом в виде треугольников с опускающимися концами, характерным для керамики так называемого «кизил-кобинского» типа⁷. Наиболее близкие образцы керамики с подобным орнаментом есть в коллекции из раскопок Бонч-Осмоловского 1923 и 1924 г. стоянок у селений Нейзац (совр. Красногорское) и Кипчак (в долине р. Зуи, около 27 км к востоку от Симферополя)⁸.

№ 2 — на восточной окраине города, к северу от шоссе в песчаном карьере обнаружены следы раннесредневекового культурного слоя. Найдены обломки сосудов с реберчатыми стенками и с поливой.

Наиболее интенсивная разведка проводилась к северу от города в окрестностях деревень Айвазовская, Романовка, Донское и т. д.

№ 3 — у северной окраины дер. Романовка, на вспаханном поле, к востоку от дороги, ведущей в Айвазовскую, найдена керамика раннесредневекового времени.

№ 4 — на расстоянии около 200—500 м к юго-востоку от дер. Романовка и около 100—200 м к востоку от дороги, ведущей из Романовки в Айвазовскую, на территории молодого колхозного фруктового сада и далее на юго-восток до границ старого сада встречено большое количество обломков лепной посуды эпохи поздней бронзы, обломки эллинистических остродонных амфор (в том числе синопских), светлоглиняных узкогорлых амфор римского времени и рельефной краснолаковой миски, а также средневековых поливных и простых сосудов. По-видимому здесь находилось поселение, существовавшее длительное время, возможно, с эпохи бронзы до средневековья. Особенно интересно, что здесь обнаружен слой I в. до н. э.—I в. н. э., который чаще всего отсутствует в сельских поселениях, удаленных от моря. В исследуемом районе поселений I в. до н. э.—I в. н. э., кроме данного, пока не обнаружено.

№ 5 — к северо-западу от совхоза «Каштановка», между деревнями Гоголевка и Куликовка, примерно в 300 м к северо-востоку от центра Куликовки на поле выявлены следы поселения эллинистического времени.

⁷ О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 113, рис. 33, 4.

⁸ Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. «Крым», № 2, М., 1926, стр. 74 сл.; его же. Рукописные отчеты о раскопках 1923 и 1924 гг. Архив ИИМК, дело 1923 г., № 94, стр. 10; дело 1924 г., № 123, стр. 15. Коллекции хранятся в Государственном Эрмитаже.

На поверхности найдены обломки синопских и гераклейских амфор (среди них клейменные), обломки чернолакового канфара III в. до н. э., каменная зернотерка овальной формы, обломки лепных сосудов, в том числе лощеных горшков и мисок, и чернолощенных сосудов с резным орнаментом типа так называемой керамики «кизил-кобинской» культуры.

№ 6 — около 200 м к юго-западу от южной окраины дер. Донская на поле, к югу от развалин старой деревни встречены фрагменты эллинистических остродонных амфор (синопских и гераклейских). Северо-западнее, вблизи кургана, обнаружено еще одно скопление эллинистической посуды.

№ 7 — около 250 м к западу от окраины дер. Донская и около 300 м к западу от ее северного края, на пахоте встречаются скопления обломков эллинистических амфор (боспорских, синопских, гераклейских и фасосских), обломки лепных сосудов и отщепы кремня.

№ 8 — на восточной окраине совхоза «Каштановка», у опушки парка бывшей усадьбы Айвазовского, в траншее обнаружен выход культурного слоя эпохи средневековья: скопление обломков реберчатых амфор и черепицы.

№ 9 — около 800 м западнее дер. Айвазовская, на поле встречаются скопления керамики средневекового времени.

№ 10 — около 900 м юго-западнее дер. Абрикосовки и около 250 м к востоку от дороги, ведущей в Старый Крым, к северу от глиняного карьера, на пологом откосе, обращенном в южную сторону, найдено большое количество фрагментов эллинистической и средневековой керамики, в том числе обломки гераклейских, синопских и фасосских амфор, лепных лощеных горшков, а также поливной посуды с разноцветным растительным орнаментом.

№ 11 — около 400 м к западу от средней части дер. Золотой Ключ, между деревней и ручьем, на поле встречаются скопления раннесредневековой керамики.

№ 12 — около 2,2 км к югу от дер. Абрикосовки, возле небольшого пруда, на холме, на восточном берегу ручья найдены остатки средневекового поселения.

№ 13 — поселение находится на западной окраине дер. Айвазовская (бывш. Шейх-Мамай), в районе колхозных силосных ям. Оно обнаружено в 1954 г. работниками Феодосийского краеведческого музея.

Раскоп I (5 × 5 м) был заложен к юго-западу от деревни, на пустыре, около силосной ямы, в стенках которой в 1954 г. обнаружили зольные ямы грушевидной формы. В них найдены бронзовые боспорские монеты IV в. до н. э. и чернолощенные черепки с резным орнаментом. Культурный слой достигал толщины 0,6 м. В этом темном, рыхлом гумированном суглинке найдены стенки чернолощенных сосудов с резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников и других линейных узоров, а также обломки остродонных амфор, гераклейских и синопских. На глубине 0,6 м залегает светлый суглинок без находок, на глубине 0,8 м — глина-белоглазка (материк).

Раскоп II, площадью 280 м², разбит к востоку-юго-востоку (рис. 27) на расстоянии 46 м от юго-восточного угла раскопа I. Толщина культурного слоя здесь от 0,8 до 1 м.

На отдельных участках культурный слой состоит из темного гумированного суглинка, но местами он серого цвета, золистый, иногда же желтого цвета, рыхлый со включением щебня. На всех этих участках от поверхности до основания слоя состав находок одинаков, встречаются обломки остродонных эллинистических амфор: синопских, гераклейских, боспорских и др. (рис. 28), сравнительно небольшое количество обломков чернолаковых сосудов, много лепных неорнаментированных сосудов, глав-

ным образом горшков, а также лепных лощеных мисок и горшков и лощеных сосудов с резным орнаментом. Все черепки, найденные в слое, довольно сильно измельчены, только в ямах встречаются иногда целые амфоры или крупные их обломки и раздавленные лепные неорнаментированные горшки; некоторые из них удалось склеить. Среди находок

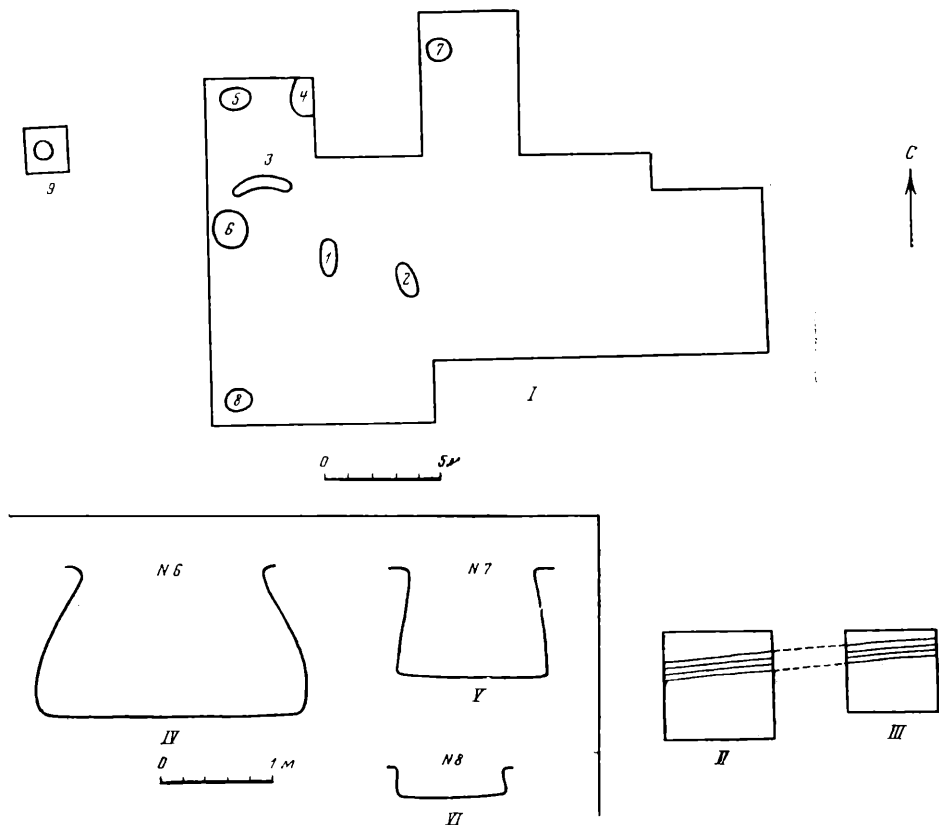

Рис. 27. Раскопки у дер. Айвазовская.

I — план раскопа II; II—III — план раскопа III; IV—VI — разрезы ям № 6, 7 и 8; 1—9 — различные ямы, вскрытые при раскопках.

в слое несколько обломков простой посуды, сделанной на гончарном круге — кастрюль, кувшинов и т. д., железный нож (рис. 29—1), пряслище, грузило пирамидальное, бронзовые наконечники трехгранных втульчатых стрел IV в. до н. э. (рис. 29—2), колечко с заходящими концами, два браслета, один из которых с насечками и узором в виде змеиной головы, бронзовый перстень со щитком (рис. 29—3), близкий перстню, найденному в 1953 г. на поселении IV—III вв. до н. э. «Золотой Рожок»⁹. Найдено много костей домашних животных: лошади, крупного и мелкого рогатого скота. В выкиде из раскопа обнаружен кусок зернотерки из плотного зеленого камня.

На раскопе расчищено девять ям различной формы, заполненных золой, землей, керамикой. В них обнаружены две целые гераклейские амфоры с английскими клеймами на горлах, обломки амфор других

⁹ И. Т. Кругликова. Новые данные по исторической географии крымского побережья Меотиды. СА, XXVIII, стр. 226, рис. 5, 3.

центров, простая лепная и лощеная керамика, в том числе с резным орнаментом.

Яма № 1: овальная, глубиной 0,6 м, диаметром 1,8 м с севера на юг и 0,69 м с востока на запад, дно на глубине 1,2 м от современной поверхности. Яма заполнена золой. В ней попадались куски глиняной

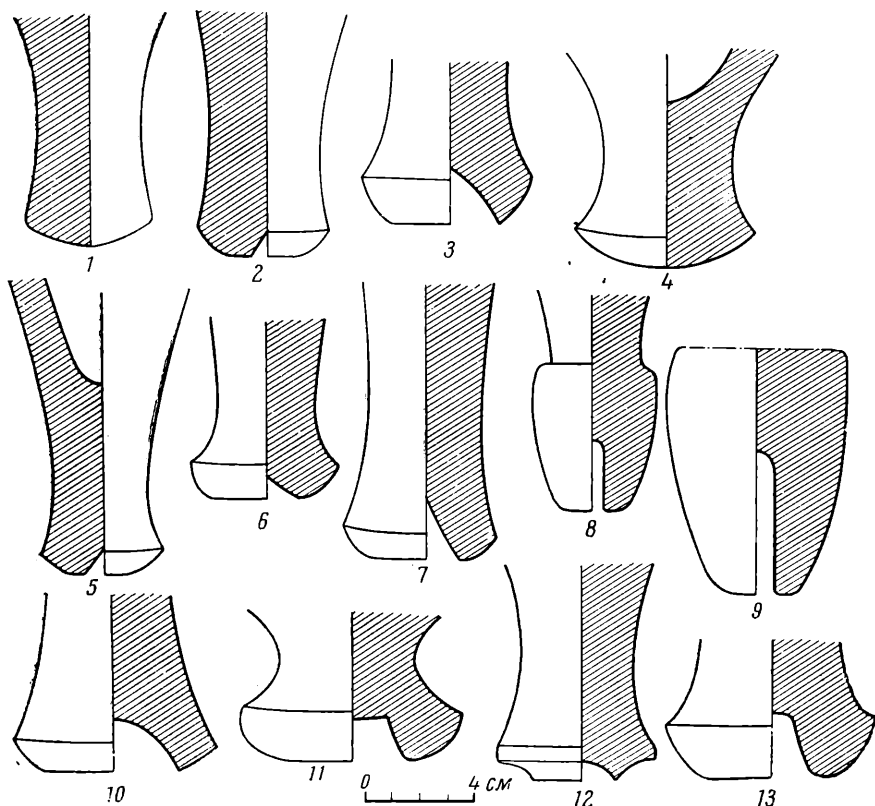

Рис. 28. Типы профилей амфорных ножек.

1, 4 — из синопской глины; 2, 6, 7, 10 — из гераклейской глины; 3, 11, 13 — из глины неизвестных центров производства; 5, 8, 9, 12 — из боспорской глины.

обмазки, стенки амфор, стенки и края лепных сосудов, в том числе лощеных, и кости животных. Найдена целая гераклейская амфора с клеймом и горло клейменной гераклейской амфоры.

Яма № 2 — овальная, глубиной 0,35 м, диаметром 1,6 м с северо-запада на юго-восток и 0,6 м с северо-востока на юго-запад. Дно на глубине 1,05 м от современной поверхности. Яма заполнена золой с прослойками саж. В ней найдены куски глиняной обмазки, обломки амфор (гераклейских, боспорских, синопских) и лепных сосудов, глиняное пряслице.

Яма № 3 — неправильной удлиненной формы. Глубина — 0,3 м, наибольший диаметр — 3 м, наименьший — 1,5 м (с севера на юг). Яма заполнена мягким золыстым грунтом с небольшим количеством обломков амфор и простых лепных сосудов.

Яма № 4 — грушевидная в разрезе, уходит в южный и восточный борта раскопа. Полностью не расчищена, форма и размеры в плане невыяснены. Глубина ее — 1 м, дно плоское, на глубине 1,75 м от

современной поверхности. Яма заполнена мягким грунтом с большим количеством обломков амфор и лепных сосудов, среди которых были лощенные.

Яма № 5 — овальная в плане, глубиной 0,94 м, диаметр устья — 1,34 м с востока на запад и 0,9 м с севера на юг. Глубина дна от современной поверхности — 1,7 м, а глубина устья — 0,76 м. Яма вырыта в слое щебня и в скале, книзу несколько расширяется и приобретает грушевидную форму. Дно плоское, диаметр 1,4 м с востока на запад и 1,2 м с севера на юг. Среди находок были стенки и ручки амфор, черепки лепных сосудов и кости козы.

Яма № 6 — округлая в плане, глубиной 1,3 м, диаметр устья — 1,7 м с севера на юг и 1,6 м с востока на запад. Стенки книзу расширяются и

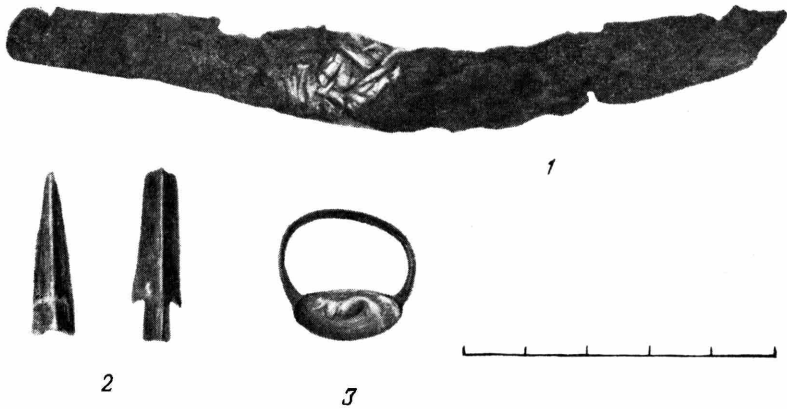

Рис. 29. Находки из раскопок у дер. Айвазовская

1 — железный нож; 2 — бронзовые наконечники стрел; 3 — бронзовый перстень.

яма приобретает грушевидную форму (рис. 27 — IV). Дно плоское, глубина его от современной поверхности — 2,05 м, диаметр — 2,35 м. Яма заполнена золистым грунтом с включениями глины, саж и с обломками керамики, среди которых стенки амфор, черепки лепных сосудов с неорнаментированной и с лощеной поверхностью, а также несколько фрагментов чернолощеных сосудов, поверхность которых покрыта резным орнаментом.

Яма № 7 — округлая в плане, глубиной 0,95 м, диаметр устья — 1,1 м. Глубина дна от современной поверхности — 1,6 м. Книзу стенки ямы расширяются, придавая ей конусовидную форму. Диаметр дна 1,32 м (рис. 27 — V). Яма вырезана в слое щебня и в скале, заполнена мягким грунтом с обломками сосудов (амфор, лепных сосудов, в том числе стенки с лощеной поверхностью), встречаются куски глиняной обмазки.

Яма № 8 — округлой формы. Глубина ее — 0,3 м, диаметр — 1 м (рис. 27 — VI). Дно находится на глубине 0,98 м от современной поверхности. Яма вырыта в слое щебня и заполнена золой, черепками и костями животных.

Яма № 9 — в плане округлая, глубиной 1 м, диаметр устья — 0,8 м. Книзу яма расширяется, приобретая конусовидную форму. Диаметр дна — 1,3 м, глубина от современной поверхности — 1,6 м. В яме найдены обломки амфор, лепных сосудов, иногда — с чернолощеной поверхностью, и куски глиняной обмазки.

Для всех ям характерно плоское дно, некоторые из них грушевидной формы (№ 4—6), другие конусовидной (№ 7, 9) или просто цилиндрические (№ 1, 2, 8). В плане часть ям овальной формы (№ 1, 2, 5), часть — круглой (№ 6—9). Во всех ямах найдены обломки керамики IV—III вв. до н. э. По-видимому все они были засыпаны в течение III и в начале II вв. до н. э. Назначение ям могло быть различным. Ямы грушевидной и конусовидной формы, имевшие примерно одинаковую глубину, служили, вероятно зернохранилищами. Из них выделяется своими крупными размерами яма № 6. Остальные (№ 1, 2, 8), сравнительно неглубокие, цилиндрические, использовались, вероятно, для каких-то других хозяйственных надобностей. Судя по находкам, все ямы служили еще в IV—III вв. до н. э. Интересно, что во всех ямах найдены обломки амфор, лепных неорнаментированных сосудов, главным образом горшков с отгибающимися краями, только в пяти встречены обломки сосудов с залощенной поверхностью (ямы № 4, 6, 7, 8, 9) и лишь в трех — фрагменты лощеных сосудов с резным орнаментом (№ 6, 7, 8). Это заставляет предположить, что в период использования ям и особенно ко времени их засыпки лощеная керамика с резным орнаментом уже была мало распространена. Последнее предположение подтверждается и находками на раскопе III.

Раскоп III особо интересен (рис. 27—II, III). Он был разбит в 12 м к югу от восточного квадрата раскопа I и состоял из двух площадей: первой (5 × 5 м) и расположенной в 3 м к востоку от нее второй (4 × 4 м). На обеих прослежен один культурный слой толщиной 0,4 м, полностью соответствующий слою на раскопах I и II. На глубине 0,4 м выделилась резко заметная разница в грунтах. По всей площади шел светлый слой предскальной известняковой крошки и только узкой полосой с востока на запад тянулся темный грунт с находками IV—III вв. до н. э. После удаления этого грунта обнаружился канал. Глубина канала 0,5 м, на 0,3 м он вырублен в скале и на 0,2 м в слое предскальной крошки. Глубина канала на первой площади — 0,5 м, ширина: 0,3 м по дну и 1 м по верху. На второй площади, специально заложеной в 3 м к востоку с целью выяснения продолжения канала, обнаружен такого же типа канал, слегка отклоняющийся к северо-востоку. Глубина его на этом участке — 0,48—0,5 м, ширина — 1,1 м по верху и 0,35 м по дну. Канал проведен с уклоном к востоку и на расстоянии 0,8 м от западного борта имеет уступ высотой 0,1 м. Такой же уступ имелся и на первой площади, на расстоянии 1 м от восточного борта.

Канал функционировал в период не позднее III в. до н. э., т. к. он был засыпан слоем с материалом III в. до н. э. Учитывая наличие в районе Айвазовской и в настоящее время источника, питающего водой Феодосию, можно предположить, что и в древности из него брали воду жители окрестных селений, проведя специальные водоотводные каналы. Позднее, в средние века, для этой цели использовали глиняные водопроводные трубы, в большом количестве находимые в окрестностях.

Интересно отметить, что среди находок, заполнявших канал на обеих площадях, найдено большое количество обломков амфор (синопских, гераклейских, боспорских) и лепных сосудов, из которых лишь один черепок имел залощенную поверхность. Обломки сосудов с резным орнаментом отсутствовали. Это позволяет предположить, что канал был вырыт и функционировал в IV—III вв. до н. э., поселение же более раннего времени, с которым связывается основная масса лощеной керамики с резным орнаментом, находилось северо-западнее, где-то в районе хозяйственных ям.

Таврские поселения с хозяйственными ямами встречались в Крыму неоднократно. В Инкермане на раннетаврском поселении вскрыты оваль-

ные ямы с суживающимися кверху стенками¹⁰ и округлые, бочкообразной формы¹¹. На Симферопольском поселении были ямы цилиндрические и в форме усеченного конуса¹². На поселении у пещеры Коуш-коба, к востоку от Симферополя, обнаружены круглые ямы диаметром от 0,5 до 0,8 м и глубиной до 0,35 м¹³. Эти поселения обычно относились к VII—VI вв. до н. э. Поселение же у дер. Айвазовская на основании имеющейся греческой керамики следует датировать V—III вв. до н. э. При этом к V в. до н. э. относился лишь один обломок горла пухлогорлой хиосской амфоры, а к концу III—началу II в. до н. э. — одна ручка косской амфоры. Основная масса импортной керамики датировается IV—III вв. до н. э. (фасосские, гераклеийские, синопские амфоры). К этому же времени относятся бронзовые наконечники стрел и перстень. Вместе с тем на поселении найдены отщеп кремня с ретушью и кремневый наконечник дротика, заставляющие несколько удревить время возникновения поселения. На некоторых площадях раскопа II, в слое, лежащем непосредственно на материке, находили только обломки лепных неорнаментированных сосудов и сосудов с лощеной поверхностью и с резным орнаментом, тогда как импортная керамика греческих типов там полностью отсутствовала. Все это позволяет предполагать, что поселение существовало и в период, предшествующий появлению греческого импорта. Большое количество лощеной керамики с резным орнаментом (рис. 30—1, 2, 4—10), обнаруженной на поселении Айвазовское, находит прямые аналогии в керамике из поселения близ Инкермана¹⁴, у селений Нейзац (совр. Красногорское)¹⁵, из Симферопольского поселения¹⁶, из слоев первой половины VI в. до н. э. в Нимфее¹⁷, а также в керамике из каменных ящиков Байдарской долины¹⁸.

Среди лощеных сосудов с резным орнаментом интересны обломки стенок с различного рода выступами: в виде «сосков» и горизонтальных налепов. Один из обломков чернолощеного сосуда с резным орнаментом имел выступ в виде массивного загнутого крючка (рис. 30—7).

Близкое сходство с инвентарем из каменных ящиков Байдарской долины наблюдается и в типах бронзовых браслетов¹⁹, оселков из сланца²⁰, наконечников стрел²¹.

Примерно в 100 м к северо-западу от раскопа II при рытье силосной ямы были обнаружены еще две ямы грушевидной формы. В одной из них, круглой в плане, найдено несколько обломков лепных горшков и стенок амфор, в другой, овальной в плане, было погребение. Костяк лежал на правом боку на глубине 1,7 м от современной поверхности, головой на

¹⁰ С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, 1947, стр. 284 сл.

¹¹ Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, 58, 1955, стр. 41.

¹² О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 112 и 114.

¹³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Отчет о раскопках 1923 г. Архив ЛОИИМК, дело № 94, стр. 10.

¹⁴ Х. И. Крис. Указ. соч., стр. 39, рис. 9, 5, 11.

¹⁵ Коллекция Гос. Эрмитажа. Стоянка Нейзац, ямка 111, инв. 4248-36, 53; ямка IV, инв. 4248-80.

¹⁶ О. Д. Дашевская. Указ. соч., стр. 113, рис. 33, 2, 46, в, е.

¹⁷ В. М. Скудная. Скифские памятники из Нимфея. СА, XXI, 1954, стр. 314, рис. 5; стр. 317, табл. I, 2, 3, 5.

¹⁸ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, стр. 149, рис. 29, 3.

¹⁹ Там же, стр. 149, рис. 29, 7.

²⁰ Там же, стр. 147, рис. 28, 33.

²¹ Там же, стр. 147, рис. 28, 23—26.

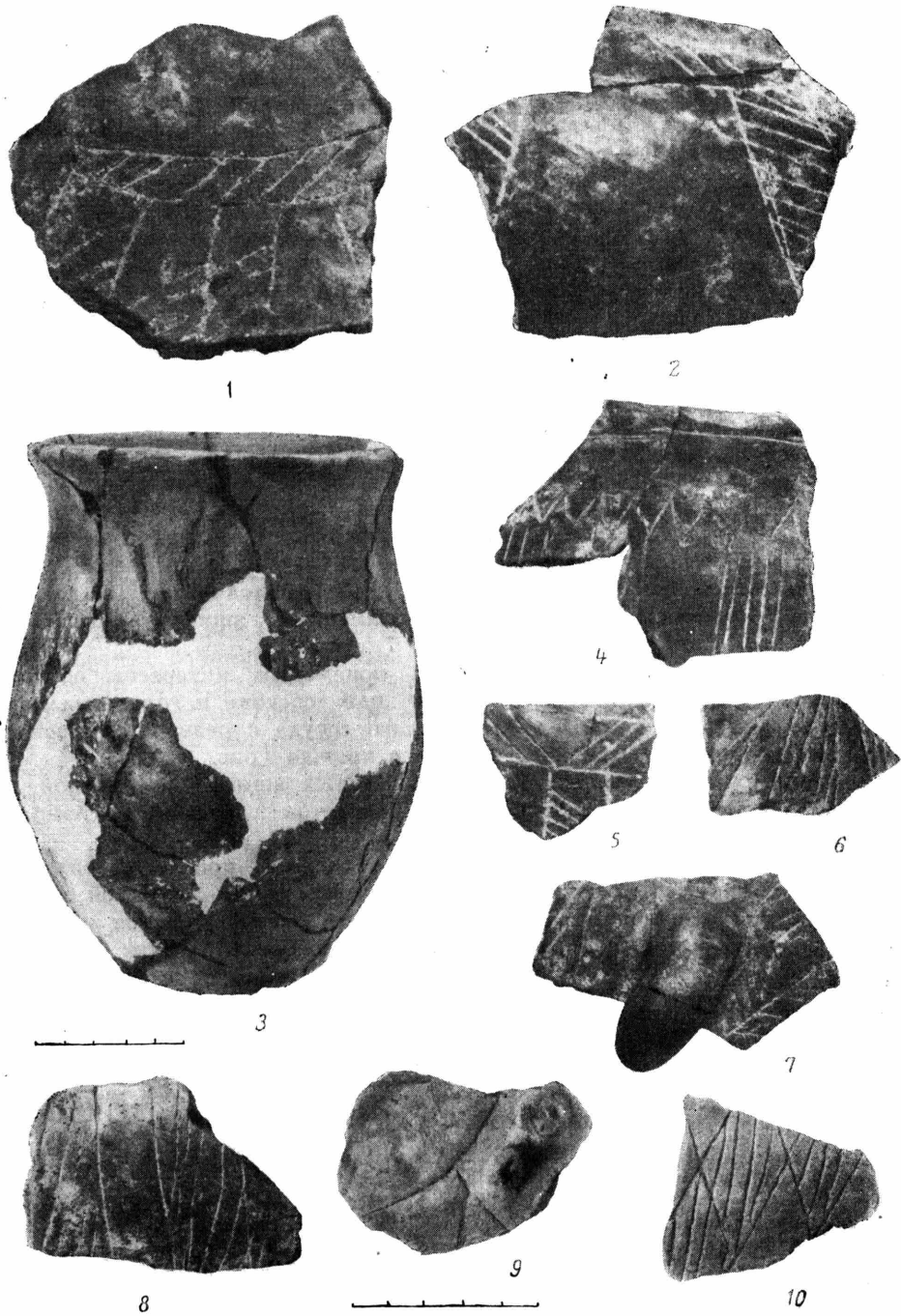

Рис. 30. Керамика из раскопок у дер. Айвазовская

1, 2, 4-10 — стенки лощеных сосудов с разным орнаментом; 3 — лепной сосуд из ямы № 6.

юго-восток. Ноги в коленях были согнуты и бедренные кости лежали почти под прямым углом к позвоночнику. Южная часть могилы была повреждена, руки сдвинуты, голова оказалась на 20 см ниже костяка. Рядом с костяком лежали две кости крупного животного, возможно остатки жертвенной пищи, куски раздавленного лепного горшка, по форме приближающегося к баночным, и обломок лощеного сосуда с углублениями в виде ямок, здесь же было пятно древесных угольков. Возможно, в этом районе был некрополь наиболее раннего таврского поселения.

На раскопе II обнаружено погребение IV—V вв. н. э.²², свидетельствующее о существовании поблизости поселения и в период раннего средневековья.

²² И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское. СА, № 2. 1957, стр. 253—257.

Д. Б. ШЕЛОВ

РАСКОПКИ ТАНАИСА В 1955 ГОДУ

Летом 1955 г. экспедицией ИИМК были начаты раскопки древнего Танаиса у современного хут. Недвиговки на правом берегу Мертвого Донца¹. В задачу экспедиции входило выяснение состояния культурного слоя и сохранности строительных остатков на городище, сильно поврежденном в новейшее время, определение целесообразности широких раскопок его и проверка некоторых топографических данных. Были заложены два раскопа (I и II) на городище и один раскоп (III) — за его границами, на территории загородных мусорных свалок (рис. 31).

Первый раскоп разбит в северо-западной части городища, вблизи старой раскопной траншеи М. П. Леонтьева. Здесь вскрыта площадь в 116 кв. м. Общая толщина культурного слоя, покоящегося на материке — глине, достигает 3,2 м. Непосредственно на материке залегает наиболее ранний на участке слой II—I вв. до н. э. Он открыт на очень ограниченном пространстве между остатками двух кладок и хорошо характеризуется обломками позднеэллинистических амфор, в том числе родосских, синопских и косских (имеются ручки с клеймами), «мегарских» чашек, ранней краснолаковой посуды и т. п. В других местах раскопа ранний слой не обнаружен, хотя отдельные находки, восходящие к этому времени и даже к III в. до н. э. (черный лак) неоднократно встречались в более поздних слоях. С ранним слоем могут быть связаны некоторые строительные остатки, лежащие на материке: несколько стен, сложенных из крупного и среднего камня, положенного плашмя. Камень или совсем не обработан, или лишь слегка подтесан; кладка без раствора или на глине. Стены сохранились очень плохо, обычно в высоту лишь одного ряда кладки, и не дают возможности определить характер и назначение помещений, которым они принадлежали. Ориентировка их почти правильная по странам света, соответствующая ориентировке сторон самого городища, представляющего в плане почти правильный квадрат.

Более поздние строительные остатки представлены несколькими разрушенными стенами, также не позволяющими восстановить общую планировку участка. Стены сложены из камней неправильной формы, меньших по размеру, чем камни кладок раннего слоя. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что расположение стен верхнего слоя не совпадает

¹ Состав экспедиции: начальник — Д. Б. Шелов, начальники раскопов — Т. М. Арсеньева, А. И. Болтунова, В. В. Кропоткин, практиканты — В. Братченко, Л. Волкова, Э. Волкова, С. Зайцева, В. Калинин, Е. Кузнецова, Т. Курская, Ли Зон Чор, И. Никонов, М. Сердюк, Н. Серегина, Сон У Ен. В экспедиции принял участие также научный сотрудник Таганрогского краеведческого музея И. С. Каменецкий. В финансировании экспедиции участвовал Ростовский областной краеведческий музей.

с расположением строительных остатков нижнего, но ориентировка стен в обоих слоях одинакова. Видимо, в городе существовала прочная традиция ориентировки построек, связанная, вероятно, с формой городища. Остатки сооружений верхнего слоя хорошо датируются II—III вв. н. э. сопровождающим их материалом: монетой Савромата II, обломками свет-

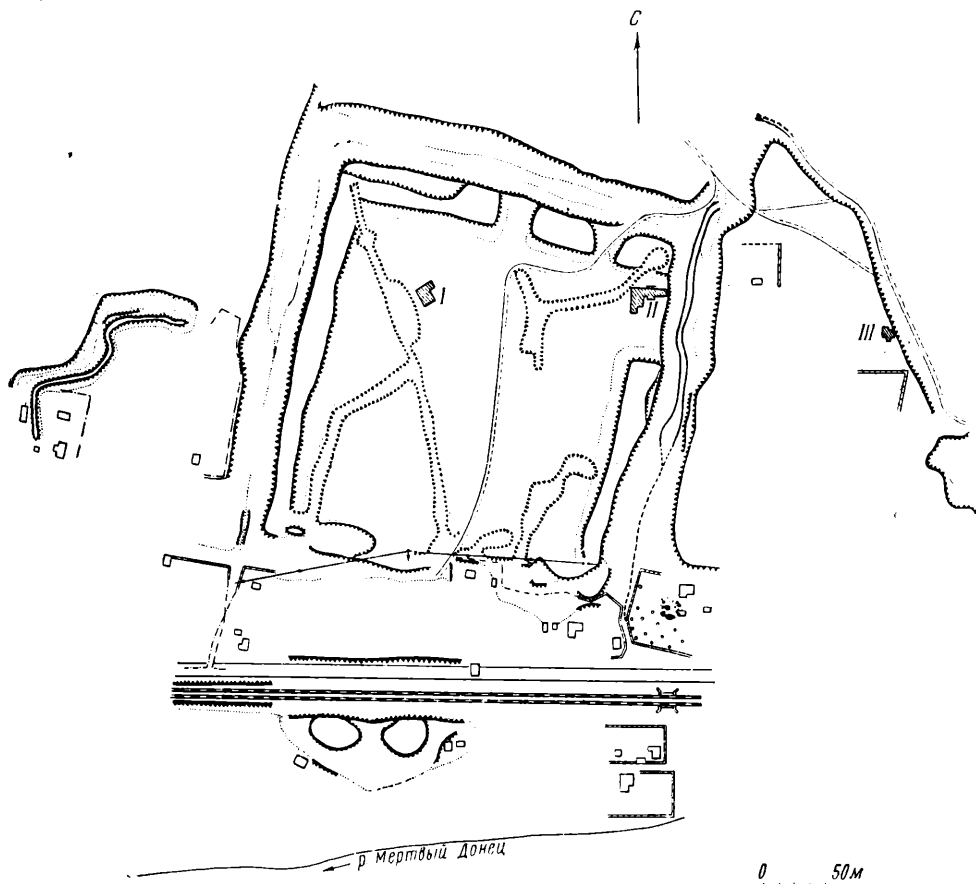

Рис. 31. План городища Танаис.
(Заштрихованы раскопы I, II, III 1955 г.).

логлиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками, краснолаковой керамикой и пр. Помимо стен, к верхнему слою относятся семь грунтовых ям. Ямы мусорные и заполнены золыстым грунтом с различным мусором. Они частично разрушили нижележащие кладки и в некоторых местах врезались в материк. Почти все ямы округлых очертаний, иногда цилиндрические, иногда бочкообразные, всегда с плоским дном. Устье одной из ям ограждено с двух сторон поставленными на ребро каменными плитами. Кроме золы в ямах встречались обломки керамики, кости животных и рыб, в одной из них найдены четыре целых лепных горшка, в другой — лепная мисочка и т. д.

При работах на первом раскопе получен обильный материал, большая часть которого датируется II—III вв. н. э. Но отдельные фрагменты керамики восходят и к более раннему времени, начиная с III в. до н. э. Можно отметить несколько черепков чернолаковой посуды III—II вв. до н. э., фрагменты «мегарских» чаш II—I вв. до н. э., обломки с корич-

невым эллинистическим лаком. Ранний амфорный материал представлен обломками родосских, косских, синопских амфор. Но количественно резко преобладают более поздние находки: узкогорлые светлоглиняные амфоры с профилированными ручками и реберчатым туловом, красноглиняные с массивным венцом и ручками, краснолаковая посуда разных типов, лощеные сарматские сосуды, в том числе и с зооморфными ручками; очень велико число фрагментов простой, сделанной на гончарном круге посуды кухонного назначения и лепных сосудов — горшков, мисок, кувшинов. В небольшом количестве найдены: черепица, куски сырца, каменные и глиняные грузила, пряслица, светильники, обломки стеклянных сосудов, монеты. Следует отметить железную косу-горбушу, каменную зернотерку и обгорелое зерно. Особенно большое количество находок встречено в северо-западном углу раскопа, где был разобран огромный завал камней, образовавшийся от разрушения какого-то здания во время пожара: здесь много обгоревшего камня и пережженной глины, угля, золы, многие предметы носят следы огня. Некоторое количество керамики может быть датировано временем более поздним, чем III в. н. э.: два-три обломка амфор относятся к IV в. н. э., а одна ручка принадлежит даже средневековой амфоре XI—XII вв.

Второй раскоп разбит в северо-восточном углу городища с таким расчетом, чтобы выявить остатки оборонительной стены. Здесь вскрыта площадь около 200 кв. м. Восточная оборонительная стена Танаиса на открытом участке (рис. 32—1), протяженностью 6 м, сохранилась в высоту до 2,2 м, толщина ее здесь — 2,29 м. Стена сложена из очень крупных, почти необработанных, лишь слегка подтесанных камней, уложенных без связующего раствора; щели между крупными камнями забиты и засыпаны мелким камнем и щебенкой. Фундамент, состоящий из ряда крупных каменных глыб и несколько выступающий и с наружной и с внутренней стороны за фасовую линию, лежит на материке.

К западу от городской стены, в основной части второго раскопа вскрыты городские слои. Культурный слой достигает здесь мощности 5 м, но верхняя часть его разрушена многочисленными ямами и выборкой камня на глубину 1,5—2,0 м. От построек этого слоя сохранились только обширные завалы рваного камня и незначительные остатки очень плохо и небрежно сложенных стен. Верхний разрушенный слой датируется находками поздних амфор и монетой Флацилы IV в. н. э., но большая часть находок относится к более раннему времени, главным образом ко II—III вв. н. э.

II—III вв. н. э. датируется нижний слой на раскопе II, представленный многочисленными и хорошо сохранившимися сооружениями. Открыт целый комплекс помещений этого времени, группирующийся вокруг небольшого мощеного дворика. Стены наземных помещений сохранились довольно плохо, лишь в нижней части, а иногда и совсем не уцелели. Хорошо сохранились подвальные помещения. Все стены наземных сооружений и подвалов сложены из почти необработанного рваного камня средней величины, без связующего раствора. Дворик был вымощен каменными плитами. Во дворе находилась глубокая и узкая цистерна для собирания дождевой воды, стены которой также были выложены камнем. Цистерна в поперечнике квадратная, с очень узкой горловиной, расширяется книзу; глубина ее — 3 м. Цистерна заброшена еще в древности: горловина ее была закрыта каменной плитой и замазана глиной; в глиняной обмазке найдена профилированная ручка светлоглиняной амфоры II—III вв. н. э. На дне цистерны обнаружены обломки светлоглиняных узкогорлых амфор, плоскодонных сосудов, керамические пробки, железное кузнечное зубило.

К северу от дворика было расположено небольшое помещение (помещение «Г»), имевшее только три стены и четвертой стороной открывав-

шею во дворик. Под ним находился подвал, содержащий большое количество разных предметов, часть которых, видимо, там хранилась, часть же попала, провалившись из верхнего помещения во время пожара. Здесь найдены многочисленные обломки керамики и целые сосуды: фрагменты

Рис. 32. Остатки сооружений Танаиса

- 1 — оборонительная стена с внутренней стороны (вид с северо-запада);
2 — подвальное помещение Б (вид с запада).

светлоглиняных узкогорлых амфор, лепной и лощеной посуды, краснолаковых тарелок и мисок, лепные горшки и чашечки, тонкостенные горшочки и энохоя, сделанные на гончарном круге, пирамидальные грузила, многочисленные пряслица, точильные бруски, светильники, обломки стеклянных сосудов. Следует отметить предметы, связанные с культом — известняко-

вый кубовидный алтарь, семь глиняных штампов (рис. 33—1) со своеобразным орнаментом, несколько сосудиков со сквозными дырочками. С другой стороны к дворику примыкало более обширное помещение, под которым также прекрасно сохранился большой подвал (помещение «Б») площадью 24 кв. м (рис. 32—2). Весь подвал «Б» был завален камнем от разрушенных стен верхнего помещения. При разборе завала

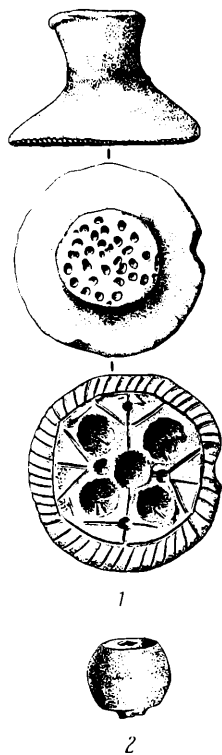

Рис. 33. Глиняный штамп из помещения Г (1) пряслице из погребения № 13 (2)

собраны многочисленные находки. В отличие от подвала «Г» здесь почти не оказалось краснолаковой керамики, лепной посуды, светильников, но обнаружено огромное число фрагментов небольших узкогорлых светлоглиняных амфор с реберчатым туловом, стандартных размеров и форм. Судя по находкам горл и венчиков, амфор в подвале было более сотни. На большей части их сделаны надписи или знаки, нанесенные красной краской, на некоторых — английские клейма. В меньшем числе встречаются обломки широкогорлых красноглиняных амфор, среди них также есть с надписями красной краской. В числе других находок отметим обломки прекрасного стеклянного кубка в виде канфара со шлифованными кругами и насечкой, две четырехугольные глиняные курильницы на подставках, пять железных, пропаянных для благозвучия медью колокольцев для скота и т. д.

Кроме двух указанных подвалов, в этом же комплексе открыто еще одно подвальное помещение «В», но оно не было полностью доследовано в 1955 г. В углу помещения найдена большая почти целая пустая остродонная амфора. Раскопки комплекса еще не закончены; принадлежащие ему сооружения уходят под южный и западный борты раскопа.

Весь этот комплекс построек погиб во время сильного пожара. Об этом говорит и большое количество целых вещей, найденных в помещениях, и слои пожара, очень ясно прослеживаемые на всех участках. При раскопках дворика обнаружено целое превратившееся в уголь бревно, рухнувшее на плиты дворика и составлявшее, вероятно, часть перекрытия помещения «Г». Дата катастрофы — около середины III в. н. э. — определяется всем комплексом находок в помещениях и

в частности монетой Рискупорида III, найденной в слое пожара в подвале «Б». Поскольку с середины III в. прекращаются все известия о Та-наисе в эпиграфических источниках, можно предполагать, что пожар этот связан с разгромом города во время походов готов.

К востоку от оборонительной стены на том же втором раскопе, на пространстве между стеной и рвом обнаружено несколько вырытых в материке мусорных ям разной величины, а также восемь погребений. Все они — младенческие, без всяких вещей, большая часть из них — в амфорах. Судя по остаткам амфор, в которых находились погребения, все они относятся ко II—III вв. н. э.

Третий раскоп заложен вне центрального четырехугольника городища, на восток от него, в пределах так называемого «восточного крыла» древнего города. Еще во время разведок 1950 г. нами было высказано предположение, что на территории пологого всхолмления к востоку от ограниченного рвами четырехугольника городища находились в древности мусорные свалки и некрополь, а не жилые районы, как предполагалось раньше. Для проверки этой гипотезы и был заложен раскоп.

На раскопе III вскрыто около 45 кв. м. Раскопки подтвердили наши предположения. Хотя культурный слой достигает мощности 3,5 м, здесь не открыто никаких остатков строений, если не считать отдельных немногочисленных камней или кусков глиняной обмазки, несомненно попавших сюда вместе с остальным городским мусором. Культурный слой очень сильно перекопан и в древнее и в новое время; в древности производились захоронения, а в более близкие нам времена — рытье ям различного хозяйственного и иного назначения. Поэтому вещи поздние (например, современные кнопка, гвоздь, ложка) оказались на значительной глубине, а более древние — в верхних слоях. Разнообразный материал датируется периодом с III в. до н. э. до III—IV вв. н. э.; преобладают обломки амфор первых веков н. э. Но встречались фрагменты амфор и других типов, в том числе эллинистических. Представлены и другие категории керамики, встречающиеся на городище — простая посуда, сделанная на гончарном круге и лепная, лощеная керамика, краснолаковая, чернолаковая III—II вв., фрагменты «мегарских» чашек, стеклянных сосудов и пр. Наиболее интересны среди находок формочка для отливки серьги, сделанная из родосской амфорной ручки, и обломок сосуда с процарапанным сарматским знаком. Найдено также несколько мелких металлических изделий (гвозди, обломки фибул), кости животных и рыб, обугленное зерно и пр.

Рис. 34. Чернолаковая пелика из погребения № 13.

Ввиду очень большой перекопанности участка, многие погребения оказались нарушенными или полностью разрушенными; человеческие кости и вещи из могильного инвентаря нередко встречались, вне погребений.

На исследуемом участке открыто 20 погребений. Наиболее интересно из них погребение № 13 — трупосожжение на материке, состоявшее из обломков обгоревших костей, угольков, золы, обуглившихся кусков дерева, разбросанных на пространстве около 1 кв. м. Инвентарь погребения состоял из чернолаковой пелики с белой росписью (рис. 34), двух глиняных флаконов, пастовых и золотых бус, золотого перстня, нескольких золотых пронизок (рис. 35), бронзового зеркальца, пряслица (рис. 33—2). Может быть, этому же комплексу принадлежала найденная непосредственно над ним разбитая на три куса известняковая антропоморфная стела. Погребение датируется концом III или началом II в. до н. э.

Остальные погребения — все трупоположения, обычно на спине, реже на боку, ориентированные головой на восток, юго-восток или северо-восток. Из-за сильной перекопанности грунта очертания могильных ям прослеживаются далеко не всегда. Некоторые могилы были перекрыты деревянными плахами или каменными плитами. Инвентарь обычно довольно

бедный — отдельные сосуды, редкие украшения, часто вещей совсем нет. Погребения, содержащие инвентарь, датируются последними двумя веками до н. э. и первыми веками н. э.

Исследование Танаиса в 1955 г. показало, что несмотря на значительные разрушения городища в новое время, в глубине его слоев находятся

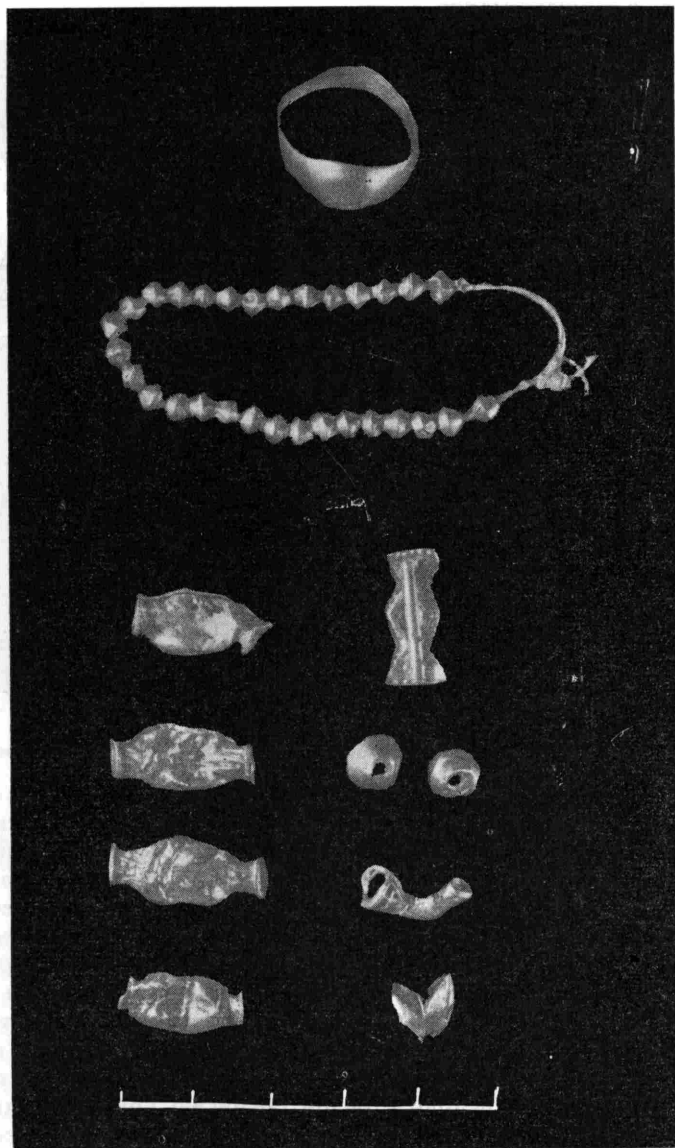

Рис. 35. Золотые украшения из погребения № 13.

хорошо сохранившиеся строительные остатки, которые могут дать ясное представление о планировке, характере застройки, архитектуре города, о быте и хозяйстве его населения. Целесообразность широких раскопок этого памятника несомненна. Уже первый раскопочный сезон дает возможность по новому осветить историческую жизнь Нижнего Подонья в сарматскую эпоху.

И. И. ЛЯПУШКИН

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ДЕСНЫ

В 1956 г. Днепровский Левобережный отряд возобновил работу по поискам памятников славянской культуры V—VII вв., прерванную в последние годы раскопками Новотроицкого городища.

Работы послевоенных лет в области Днепровского Левобережья (в областях Черниговской, Полтавской, Сумской, Харьковской и Курской) показали, что достоверно славянских памятников V—VII вв. в этом районе не прослеживается. В то же время, судя по некоторым данным¹, славянские памятники этого времени — поселения и курганные могильники (так называемые дороменные) — были обнаружены в более северных районах в бассейне р. Десны. П. Н. Третьяковым указаны четыре пункта, заслуживающие внимания: поселения (неукрепленные) — у с. Овстуг Жуковского района Брянской обл., дер. Хотылево Брянского района и обл., с. Выгоничи Выгоничского района Брянской обл. и поселение с прилегающим к нему курганным могильником у с. Полужья. Все эти пункты осмотрены отрядом. В результате изучения собранных материалов, а также ряда других причин, в частности занятости территории памятников поселениями, было решено подвергнуть исследованию поселение близ с. Выгоничи и поселение с прилегающим к нему курганным могильником у с. Полужья.

Первое расположено на юго-восточной окраине с. Выгоничи, близ мельницы, на склоне надпойменной террасы левого берега р. Шанки, правого притока р. Десны, там, где скрещиваются их коренные берега и русло р. Шанки врезается в долину р. Десны.

Большая часть площадки древнего поселка занята картофельным полем. Лишь небольшой участок оказался свободным от посева, хотя все же распаханным (восточная часть поселения). Здесь был заложен раскоп размером около 650 м² и разобран культурный слой. Мощность его — за исключением мест построек, углубленных в землю — незначительная, в пределах 0,25—0,50 м, причем на большей части территории культурный слой был перепахан на всю глубину, представляя аморфную массу. В слое обнаружены обломки глиняной лепной и гончарной посуды, кости животных (очень немного), куски железной руды и обожженной глины, кремневые

¹ См. П. Н. Третьяков. Спорные вопросы этнического развития восточных славян. Тезисы докладов на сессии Отд. исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956 г., стр. 6.

отщепы и единичные поделки из железа. Полевое изучение материалов позволило установить четыре культурно-хронологических керамически

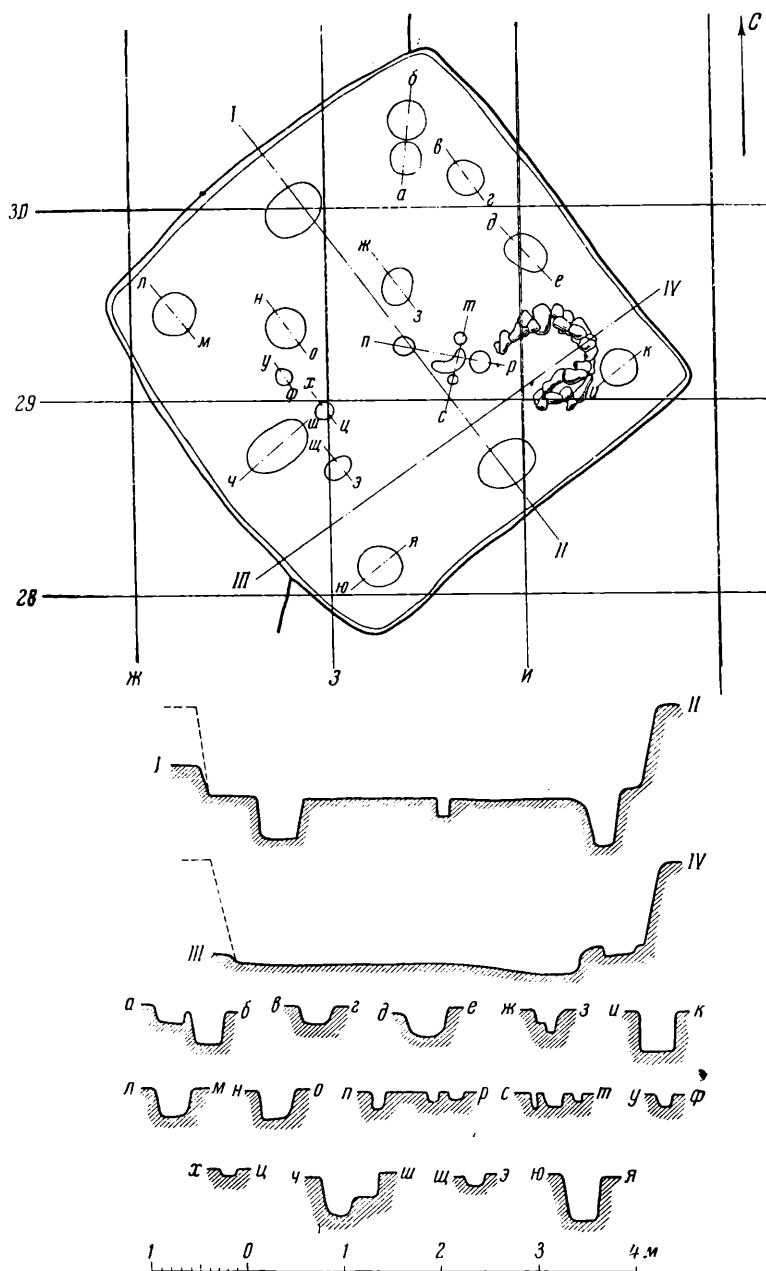

Рис. 36. Поселение у с. Выгоничи. Жилище № 1. План и разрезы.

комплекса: 1) эпохи бронзы; 2) первых веков нашей эры; 3) второй половины первого тысячелетия (так называемый раннеславянский, близкий роменско-боршевскому комплексу) и 4) великокняжеской поры. Наиболее отчетливо (по количеству) выступают остатки третьей (раннеславянской) группы.

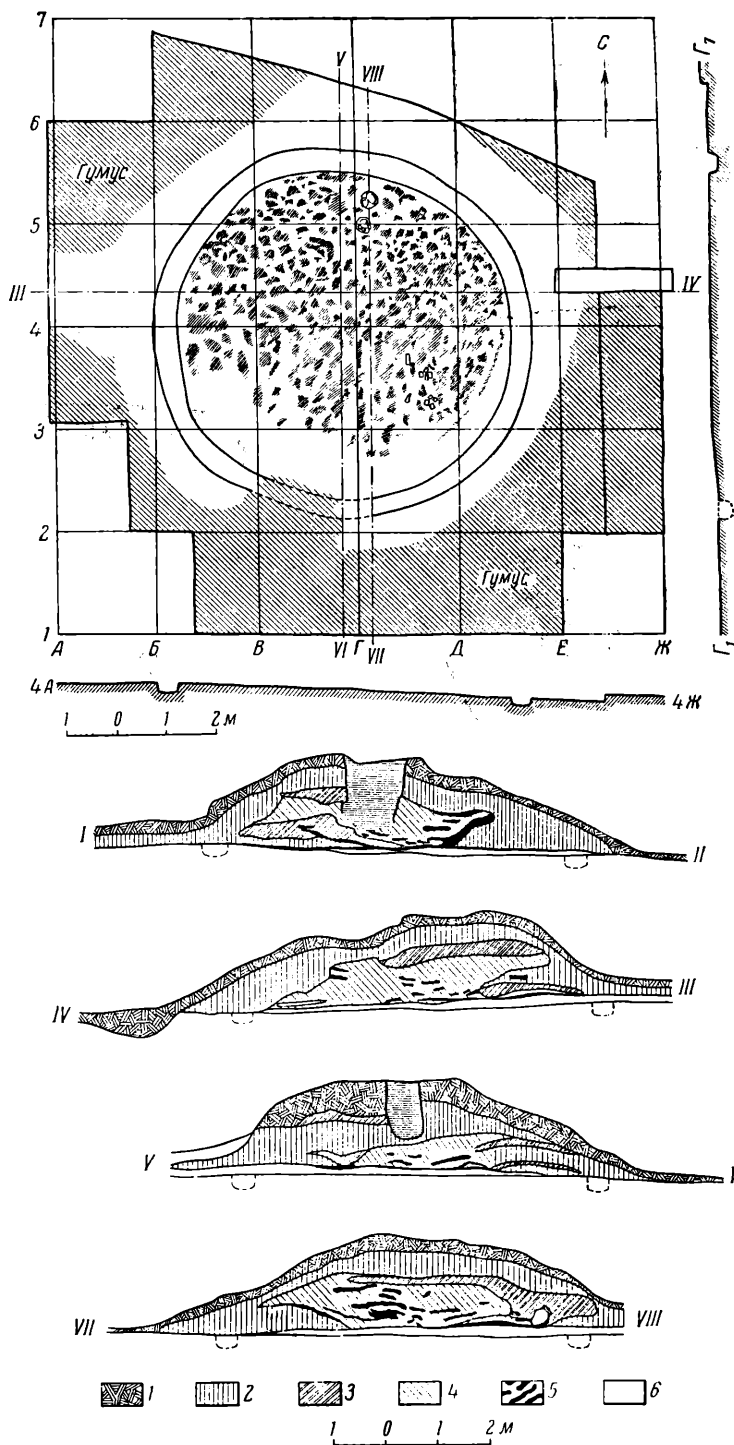

Рис. 37. Курганный могильник у с. Полужье. Курган № 1. План на горизонте материка и разрезы.

1 — гумусированный слой; 2 — супесь; 3 — суганок; 4 — мешанный слой; 5 — золисто-углистые прослойки; 6 — материк.

Ниже культурного слоя прослежены остатки четырех жилых и нескольких хозяйственных построек, углубленных в материк (светлый песок). Жилые постройки (рис. 36) и большая часть хозяйственных относятся ко второй половине I тысячелетия н. э., т. е. раннеславянскому слою. Средние размеры жилищ около 4×4 м, при глубине от 0,6 до 1 м. По углам, а также вдоль стен, в средней их части, небольшие столбовые ямы. В некоторых жилищах общее число ямок достигает до десятка и более. В одном из углов жилища размещалась печь-каменка. Термин «каменка» здесь условен, ибо печь складывалась не из обычных камней, а из кусков железной руды.

Рис. 38. Курганный могильник у с. Полужье. Погребальные урны из кургана № 1.

Как видно из изложенного, по общему облику исследованные полуземлянки не отличаются от жилищ второй половины I тысячелетия Среднего Поднепровья (роменско-боршевского и аналогичного им типа). Несколько необычны лишь сооруженные из кусков железной руды печи, хотя планировка и местоположение их в постройке совершенно одинаковы с печами жилищ Среднего Поднепровья. Объяснение этому следует искать, по-видимому, в том, что полуземлянки сооружались не в глинистом материковом слое, как в Среднем Поднепровье, а в песке, в котором вырезать печь было невозможно. На десятки километров в окружности нет камней, из которых славяне часто клали печи, но берега рек изобилуют железной рудой. Ее-то и использовали в качестве строительного материала.

В районе с. Полужье основное внимание было сосредоточено на изучении курганного могильника, расположенного на склоне надпойменной террасы р. Десны и впадающей в нее р. Рудки, слева от шоссе на дорогу Брянск—Трубчевск, при выезде из села. Большая часть территории могильника находится под полем картофеля. Лишь незначительная узкая полоса, прилегающая с юга, оказалась не обработанной, хотя в недалеком прошлом и она подвергалась распашке. Почти все курганы оказались разрушенными до основания. На вспаханном поле их местоположение определялось лишь по светлой окраске почвы, более бедной растительности зеленовато-желтого тона и присутствию углей, пережженных костей, обломков глиняной посуды, а также единичных вещей из металла. В результате работ выявлено 20 точек, которые следует признать за остатки курганов — (14 на поле и 6 к югу от него). Из этого числа хорошо сохранился

лишь один курган (№ 1). Высота его — около 1,7 м, диаметр — около 8 м. Четыре кургана (№ 10; 15, 16 и 18), расположенные за границей картофельного поля, возвышались над окружающей поверхностью в пределах 0,35—0,40 м, причем курган № 16 — был наполовину разрушен. Исследовались три кургана — № 1, 15 и 18. Во всех трех захоронения совершены по обряду трупосожжения, причем в кургане № 15 захоронение было

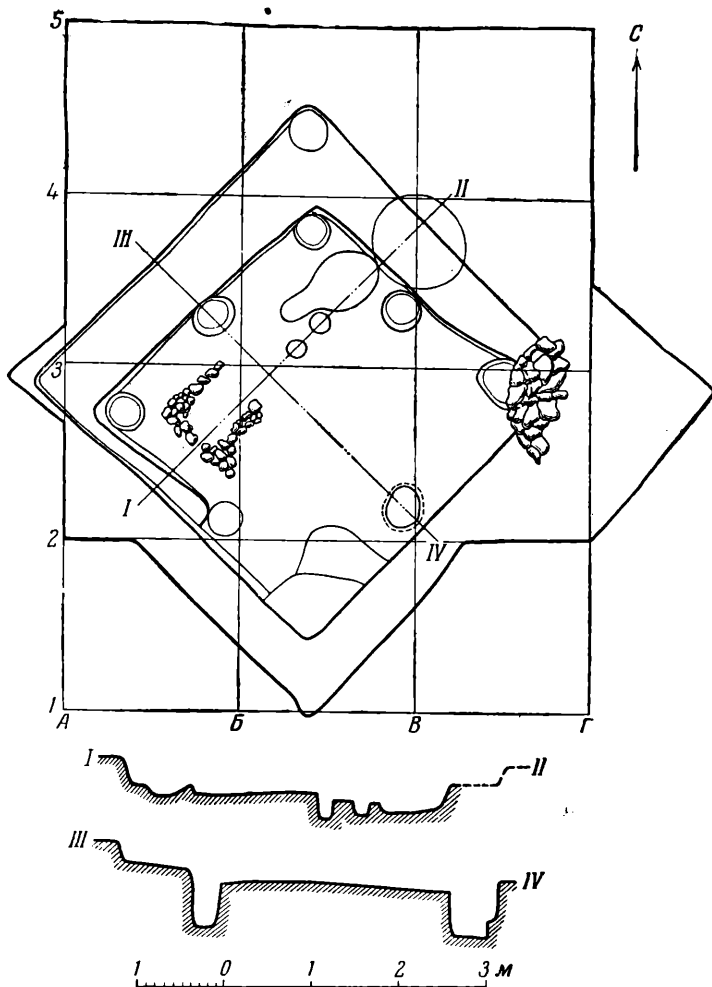

Рис. 39. Поселение у с. Полужье. Жилище. План и разрезы.

разрушено пахотой, а в кургане № 1 в центре насыпи обнаружена яма позднего времени диаметром около 1,2 м, почти на всю высоту кургана. Несмотря на разрушения, в этих курганах сохранились детали довольно любопытных погребальных сооружений и керамика. В кургане № 1 в основании насыпи (в материке) обнаружена кольцевая канавка глубиной около 0,25—0,30 м, при ширине до 0,4 м (рис. 37). Диаметр кольца около 6,5 м. Заполнение канавки состояло из сравнительно рыхлого темного слоя со следами золы и угольков. В слое, лежащем над канавкой, в ряде мест прослежены куски обгорелого дерева (углистые линзы), залегавшие вертикально. Площадка внутри кольца на горизонте материка была покрыта горелым слоем. На этом горизонте в северной части стояли два глиняных

лепных сосуда, заполненных золистым слоем с включением пережженных костей (рис. 38). В юго-восточной полё насыпи найдены обломки двух небольших лепных горшков, кости животных и поясная железная пряжка. Обломки небольшого лепного сосуда обнаружены в верху насыпи. Общий облик кургана близок курганам у с. Боршево, раскопанным П. П. Ефименко².

В курганах № 15 и 18 погребальные сооружения были прямоугольными, в виде частокола со столбами по углам. Керамика в них вся лепная; формы ее и характер теста одинаковы с керамикой второй половины I тысячелетия н. э. района Среднего Поднепровья (роменско-боршевского и близких ей типов). Обломки такой же керамики обнаружены при внешнем осмотре территории древнего поселения, расположенного на мысу надпойменной террасы в 200—250 м к юго-востоку от могильника.

С целью выяснения культурно-хронологического облика поселка и его отношения к могильнику, на его территории заложен небольшой раскоп. Культурный слой содержал отложения различного времени: 1) эпохи бронзы, 2) юхновской культуры, 3) начала нашей эры, 4) второй половины I тысячелетия (раннеславянской культуры) и 5) великокняжеской поры. Как и в поселении у с. Выгоничи, наиболее ярко выраженными оказались материалы второй половины I тысячелетия (раннеславянские), т. е. того периода, к которому относится и курганный могильник.

Раскопками вскрыта полуземлянка (рис. 39) этой же поры, совершенно одинаковая с полуземлянками поселения у с. Выгоничи. Интересно, что печь здесь, как и в Выгоничах, была сложена из железной руды. Следует заметить, что выходы железной руды по берегам р. Десны и впадающей в нее р. Рудки в районе с. Полужье еще более богаты, чем в районе с. Выгоничи.

Собранные при полевых работах материалы дают основание считать, что славянский период в жизни поселков близ сел Выгоничи и Полужье относится к одному и тому же времени. В широких рамках этот период можно датировать второй половиной I тысячелетия н. э. Более узкая дата может быть определена лишь после всестороннего изучения материалов. К этому же времени относится и курганный могильник близ с. Полужья.

В отношении общего облика культуры (характера жилищно-хозяйственных построек, массового керамического материала, обряда захоронения и т. п.) можно сказать лишь одно — он мало чем отличается от облика культуры славян второй половины I тысячелетия н. э. Среднего Поднепровья, наиболее хорошо известной по памятникам роменско-боршевского типа.

² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, МИА, № 8, 1948, стр. 79—91.

П. А. РАППОРТ

ИЗУЧЕНИЕ КРЕПОСТЕЙ, ПРОВЕДЕННОЕ ОТРЯДОМ
СРЕДНЕРУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1956 ГОДА

В 1956 г. отряд проводил работу в г. Калуге и в пределах Великолукской области.

В г. Калуге изучены оборонительные сооружения Симеонова городища, представляющего собой остатки первоначального укрепления Калуги и относящегося примерно к середине XIV в. Был прорезан оборонительный вал, что дало возможность исследовать его своеобразную и сложную деревянную конструкцию. Результаты работ очень интересны, поскольку сложные внутренние конструкции в русских оборонительных валах XIV в. до сих пор исследованы еще очень плохо.

В Великолукской области изучались оборонительные сооружения в городах Торопце, Холме и с. Красногородском, а также в с. Велье Псковской области.

Кроме того обследованы городища в г. Опочке и у оз. Коложе.

В г. Торопце были прорезаны валы «Малого городища» и кремля («Красный вал»), что дало возможность восстановить, хотя бы в основных чертах, историю оборонительной системы древнего Торопца и конструкцию его укреплений. Особенно интересен материал, полученный при закладке шурфов на «Малом городище». Выяснилось, что под дерном здесь залегает слой темной земли с керамикой и костями животных. За исключением нескольких современных черепков, найденных в самом верхнем слое, вся керамика по-видимому не моложе XIV—XV вв. На глубине 0,8—1,1 м начали встречаться остатки жилых и хозяйственных деревянных срубных сооружений, залегающих в несколько ярусов. В самом верхнем ярусе встречаются обгоревшие бревна, ниже следов пожара нет. Начиная с глубины 1,15—1,20 м, культурный слой городища насыщен водой и благодаря этому сохранность органических остатков здесь исключительно хорошая. Остатки деревянных сооружений залегают до материка (крупный моренный песок), до глубины около 2,7 м. В шурфе найдены различные деревянные изделия (лопата, днище от бочки, кудельники и пр.), значительное количество обрезков кожи и кусков кожаной обуви (рис. 40), железный нож, синяя стеклянная бусина. Среди найденной в шурфе керамики черепки лепных сосудов единичны; почти вся посуда сделана на гончарном круге и имеет, как правило, линейную и волнистую орнаментацию. Глиняное тесто с примесью дресвы. Керамика большей частью представлена черепками горшков с сильно отогнутыми прямыми венчиками. Кера-

мика нижнего слоя «Малого городища» может быть датирована первой половиной XI или даже второй половиной X в. В шурфе встречено также горелое зерно, навоз, куски бересты.

Несомненно, что «Малое городище» в г. Торопце является исключительно важным объектом для археологических работ большого объема.

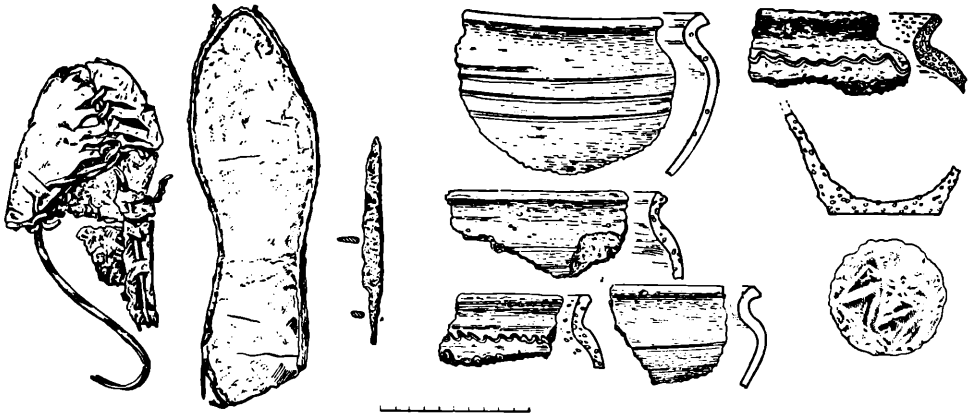

Рис. 40. «Малое городище» в г. Торопце. Вещи, найденные в культурном слое.

Прорезка валов городищ в Холме, Красногородском и Велье дала материал для изучения устройства оборонительных валов Новгородских и Псковских крепостей XIV—XV вв. На городище в с. Велье обнаружены, кроме того, остатки существовавшей здесь ранее каменной оборонительной стены.

Интересна также находка на городище в с. Велье культурного слоя городищ дьякова типа.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

РАБОТЫ СЛАВЯНО-ЛИТОВСКОГО ОТРЯДА ПРИБАЛТИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1956 ГОДУ

В 1956 г. работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции производились в Гродненской обл. БССР и в Калининградской обл. РСФСР.

1. ГРОДНЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Разведочные работы по Гродненской обл., начатые в 1955 г., были сосредоточены в междуречье Немана и его левого притока Молчади. Обследовано 25 археологических памятников. Вдоль берега Немана открыто несколько селищ, расположенных на первой надпойменной террасе. Наиболее интересное из них у д. Черешля, Любчанского района. У слияния р. Белоножки с Неманом, в уроч. «Замок», на небольшой (около 200 м длины и 20—25 м ширины) возвышенности обнаружен культурный слой до 0,4 м мощности. Среди находок обломки лепной толстостенной керамики с примесью крупных зерен дресвы и посуды гончарной выделки с линейно-волнистым орнаментом. На остальных поселениях керамика преимущественно гончарная.

В Ляховичах того же района на селище найдены обломки горшка, венчик его отогнутый, утолщенный, орнамент линейный, выполненный довольно небрежно; в тесте примесь мелкой дресвы.

На селище у д. Руда, Дятловского района обнаружено скопление железных шлаков.

Однако, наибольшее количество памятников наблюдается в окрестностях г. Новогрудка в 25—30 км от левого берега Немана. В 3 км от города, близ д. Городиловка, на берегу безымянной реки открыто селище, занимающее мыс первой надпойменной террасы. При раскопках на площади свыше 130 кв. м обнаружены скопления обожженной глиняной обмазки, очаг со следами ямок от столбов и несколько ям диаметром до 1,5 м, глубина которых достигает свыше 1 м. Мощность культурного слоя до 0,5 м. На селище собрано довольно много находок. Керамика представлена единичными обломками толстостенных лепных сосудов, в тесте их примесь крупных зерен дресвы. Подавляющая часть посуды — гончарной выработки. Это горшки с отогнутым венчиком, иногда с желобком с внутренней стороны. Преобладает линейный орнамент, реже волнистый, иногда встречаются сосуды, украшенные насечкой.

Обращает внимание численно небольшая группа толстостенных сосудов с цилиндрическим или слегка отогнутым венчиком и валиком под шейкой, украшенным грубой насечкой.

На селище найдено довольно много обломков стеклянных браслетов, обнаружены обломки удила, нож, ложкорез, шлаки и несколько поделок из бронзы. Много костей животных, причем больше всего свиньи; найдены также кости козы, лошади, быка, благородного оленя и лося.

Близ селища сохранился курганный могильник. Здесь раскопаны три кургана, в двух открыты погребения по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости лежали в насыпи, в центре ее, на глубине до 0,4 м. Найдены обломки гончарных сосудов, сходных с керамикой селища, ножи и ряд женских украшений (обломок височного кольца со спиральным завитком, подкововидные фибулы, ливовидная пряжка, шиферное пряслице, сердоликовая призматическая буса и др.). В третьем кургане, на грунте сохранился костяк, обложенный камнями. Вещей при нем не было.

Материалы селища Городиловка и курганов следует датировать X—XII вв.

В деревнях Бретянка, Коростово, Сулятичи и Ладенники Новогрудского района раскопано десять курганов. В восьми из них открыты погребения по обряду трупосожжения; встречены обломки раннегончарной керамики и поделки из железа. В двух курганах сохранились костяки, в Бретянке скелет был слегка обожжен. В Коростове при погребенном лежали: нож, железный ключ, кольцо и поделка из бронзы.

Весьма интересны древности в самом г. Новогрудке, в котором летопись под 1274 г. упоминает детинец и окольный город¹. На Замковой горе (детинце) при зачистке стенки ямы на глубине более 3 м прослеживается культурный слой XIII—XV вв. Далее показались следы деревянных сооружений, видимо относящихся к русскому городу XI—XIII вв.

На прилегающем к детинцу городище (окольном городе), а также на участке, где находится церковь Бориса и Глеба (XVI в.) обнаружен культурный слой, насыщенный находками, среди которых — характерная древнерусская посуда XI—XII вв., широколезвийный топор, двушипный наконечник стрелы, пряслица и др. В верхних слоях Замковой горы найдены каменные ядра, монета, шлаки и т. д.

На всех трех участках, где были проведены исследования, встречено много костей животных: свиньи, козы, лошади, быка, кабана, лося, зайца, бобра, косули, волка и, возможно, зубра.

В итоге работ 1956 г. выявляется, что на этой ранее необследованной территории было несколько поселений и курганных могильников X—XII вв., плотно окружавших Новогрудок в радиусе от 1,5 до 5 км.

Наиболее близкие аналогии собранному материалу можно найти в древностях дреговичей, лучше изученных в центральной и южной Белоруссии².

Что касается материалов, собранных в собственно Новогрудке, то они весьма близки находкам из Гродно³.

II. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Возобновленные после длительного перерыва раскопки в Калининградской области были сосредоточены на городище Логвиново I Приморского района (начаты в 1949 г.)⁴. Вскрыта площадь около 130 кв. м. Наряду с ранее известными каменными «завалинками», открыто жилище овальной формы со следами столбовых ям. Внутри жилища сохранился камен-

¹ ПСРА, т. II, СПб., 1843, стр. 206.

² В. Э. Завитневич. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губ. Труды IX АС, т. I, М., 1895, стр. 221—235; А. В. Успенская. Курганы южной Белоруссии X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 104, 105.

³ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 40, рис. 22, б.

⁴ Ф. Д. Гуревич. Древние поселения Калининградской области. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 93—95.

ный очаг. На территории городища обнаружены ямы, в одной из них обломки керамики со следами нагара. Находок сравнительно немного. Это керамика гончарной выделки, украшенная линейно волнистым орнаментом, каменное и глиняное орнаментированные пряслица, небольшие куски янтаря и железные поделки, позволяющие отнести находки к XI—XII вв. На городище обнаружены также обломки грубой лепной, с большим количеством примесей в тесте посуды, относящейся, по-видимому, к более раннему поселению.

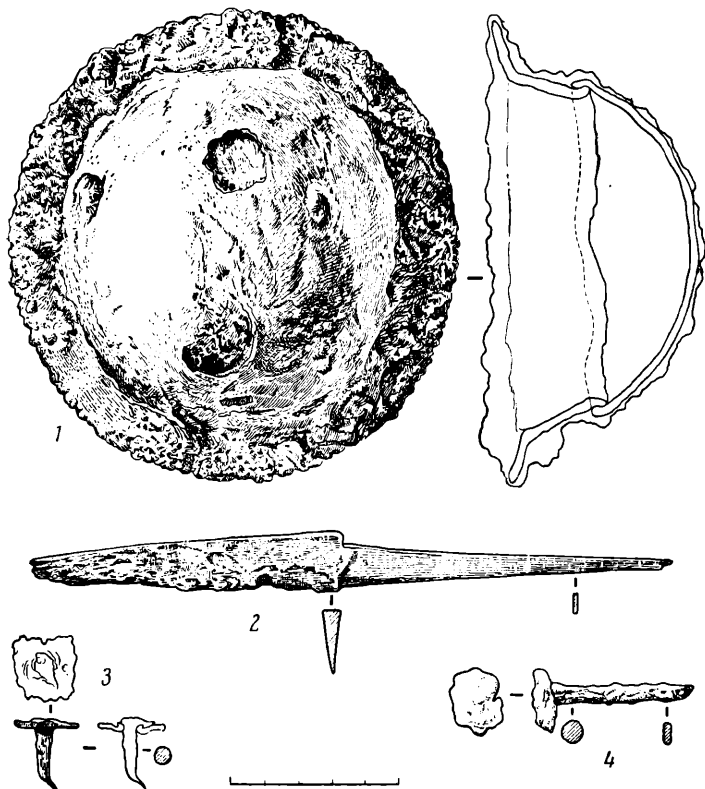

Рис. 41. Находки из могильника близ дер. Вишнево.
1 — умбон; 2 — нож (курган 2); 3 — заклепка; 4 — гвоздь (курган 3).

Производились раскопки единственного на этой территории норманнского могильника, известного по материалам длительных работ немецких археологов⁵.

Могильник находится в лесу вблизи дер. Вишнево Приморского района. В настоящее время сохранилось около 30 низких полушарых курганов, на вершине каждого из них довольно большой камень.

Раскопаны три кургана. Погребения совершены по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости лежали на грунте или в насыпи, иногда над ними залегал плотный слой обожженной глины. Инвентарь состоит из обломков лепной и гончарной керамики. Найдены также умбон щита, боевой нож, гвозди и заклепки (рис. 41). Встречены кости животных.

Могильник относится к IX—XI вв. и, по-видимому, связан с существовавшей на побережье Балтийского моря норманнской колонией.

⁵ J. Heydeck. Die Wikingergräber der Kaup bei Wiskiauten. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft. Prussia, H. 21, 1900, стр. 60—72.

В. Ф. ГЕНИНГ

УДМУРТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1954 г. начала работы Удмуртская археологическая экспедиция, организованная Удмуртским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы и Республиканским краеведческим музеем. Перед экспедицией поставлена задача исследования ранних памятников истории удмуртского народа.

Вопросы происхождения удмуртского народа и его ранней истории далеко еще нельзя считать решенными, поскольку на территории Удмуртии проведено еще очень мало археологических исследований. Более изучены памятники северных районов (бассейн р. Чепцы — исследования А. А. Спицына¹, Н. Г. Первухина², С. Г. Матвеева³ и А. П. Смирнова⁴). Но здесь изучение ограничилось преимущественно памятниками эпохи позднего железа (IX—XIV вв.); более ранние даже не выявлены.

Южные районы республики — Прикамская Удмуртия — в археологическом отношении изучены крайне слабо. Многочисленные памятники здесь лишь зафиксированы, но не исследованы (материалы А. А. Спицына, Л. А. Беркутова⁵ и А. П. Смирнова⁶). Исключение составляют раскопки, проведенные А. А. Спицыным на могильниках ананьинского времени у дер. Зуево-Ключи и пьяноборского времени у дер. Ныргында⁷.

Основным районом работ экспедиции 1954 г. была Прикамская Удмуртия, где намечено провести сплошное разведочное обследование и раскопки на ряде памятников I тысячелетия. В составе экспедиции работало восемь разведочных отрядов⁸, которые обследовали правобережье Камы от пристани Сайгатка Пермской обл. до с. Красный Бор Татарской АССР и сред-

¹ А. А. Спицын. Приуральский край. МАВГР, вып. I, М., 1893.

² Н. Г. Первухин. Опыт археологических исследований Глазовского уезда Вятской губ. и др. статьи в МАВГР т. II, М., 1896.

³ С. Г. Матвеев. Городище Сабанчи-Кар; его же. Могильник Чемшай. Труды научного общества по изучению Вотского края, т. IV, М., 1929.

⁴ А. П. Смирнов. Очерки по древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА № 28, 1952.

⁵ Л. А. Беркутов. Разведки и раскопки, произведенные Беркутовым. Известия Сарапульского земского музея, вып. IV, 1914.

⁶ А. П. Смирнов. Обследование р. Валы (Удмуртская АССР). Археол. исслед. в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941; его же. Памятники феодального строя среди удмуртов (IX—XIII вв.). Зап. Удмуртск. научн.-иссл. ин-та, вып. VII, Ижевск, 1937.

⁷ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Материалы ГАИМК, вып. 2, Л., 1933.

⁸ Разведочными отрядами руководили студенты-археологи Пермского и Московского университетов: М. Ланько, Э. Медникова, Г. Карпова, Б. Кадиков, С. Ошибкина, М. Бухтеева и Г. Матвеева.

Материалы, собранные экспедицией, поступили в Удмуртский республиканский музей в г. Ижевске.

нее течение р. Иж. Разведками охвачено 75 археологических памятников, из них 24 вновь открытых. Обследованные местонахождения относятся в большинстве к различным культурам эпохи железа.

Особенно много пунктов зафиксировано по правобережью Камы в районе устья р. Белой. Здесь на участке около 40 км сосредоточено до 40 памятников.

Наиболее ранний памятник в этом районе — Нырғындинская стоянка (на площади могильника Нырғында II) — относится к эпохе поздней бронзы и, судя по керамике, принадлежит к стоянкам типа приказанских и Луговской II. Сосуды часто делались из глины с примесью толченой раковины, днища округлые или плоские. Узоры аналогичны орнаментации керамики с указанных памятников. Кремневых орудий в 1954 г. не найдено, но они известны из раскопок 1898 г. А. А. Спицына, который относил кремневый инвентарь к погребениям, поскольку стоянка и могильник находятся на одной площади. Стоянке принадлежат и другие материалы, упомянутые А. А. Спицыным, писавшим, что «довольно часто в земле, засыпанной могильную яму, встречаются черепки разбитой посуды, битая галька, раздробленные кости крупных животных, иногда сожженные (зубы лошадей, бабки коров)...»⁹. Среди находок имелись обломок ножевидной пластины, два нуклеуса и крупный кремневый топор¹⁰. В материалах 1954 г. следует отметить кости домашних животных — лошади и коровы. Из остатков сооружений зафиксирована овальная яма, заполненная жжеными косточками, углем и золой.

Подобная же стоянка, по сообщению А. В. Збруевой, обнаружена вблизи дер. Бурғында, расположенной всего в 3—4 км от Нырғынды. Очевидно, остатками стоянки следует считать и многочисленные находки кремня на площади раскопок Зуевского могильника¹¹.

Кроме перечисленных памятников эпохи бронзы, укажем несколько отдельных находок по правобережью Камы¹²: медный вислобушный топор из Гремячего круча (бывш. Арзамасцевская волость) и второй подобный же топор из неизвестного местонахождения. Также не известны точные данные о месте находки двух каменных шлифованных топоров-тесел. Один из них небольшого размера, из плотного зеленоватого камня, второй крупнее, из белого слоистого известняка.

Таким образом, в районе работ экспедиции на правобережье Камы наиболее ранние памятники относятся к эпохе бронзы и, судя по керамике, к культуре, близкой и к позднеприказанской и Луговской II стоянки.

Экспедиция провела обширные исследования на пьяноборских памятниках; в том числе на могильнике Нырғында II, где А. А. Спицын в 1898 г. открыл 36 погребений в юго-восточном углу площадки. В раскопе 1954 г. шириной 6—9 м, заложенном вдоль южного края площадки, у склона террасы, обнаружено 34 погребения.

Более широкие раскопки (50 погребений) проведены на вновь открытом могильнике Чеганда II, материал которого совершенно аналогичен находкам на могильнике Нырғында II.

Оба могильника дают прекрасный материал периода расцвета пьяноборской культуры.

В расположении могил на площади могильника нет строгого порядка. С трудом удается иногда уловить некоторую закономерность в расположении могил друг за другом, вдоль продольной оси, но этот принцип очень

⁹ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., стр. 15.

¹⁰ Там же, табл. IX—25, 27, 38; X—10.

¹¹ Древности Камы... табл. V—13, 14, 15, 16; II—10; VII—1; возможно, к этому же периоду принадлежат два медных ножа (табл. VII—31, 39), купленных у местных жителей. Кроме того, А. А. Спицын пишет о находке дна горшка, очевидно плоского, и отдельных камней, почти всегда со следами пребывания на огне.

¹² Хранятся в Сарапульском музее.

часто нарушается. В ананьинских могильниках обычно положение погребенного ногами к реке. В пьяноборских — захоронения ориентированы довольно устойчиво — головой на восток с очень незначительным отклонением к северу в погребениях могильника Ныргында II и с большим отклонением (до положения СВ) на могильнике Чеганда II, где изредка встречаются скелеты, лежащие головой на северо-запад. На могильнике Ныргында II захоронения расположены параллельно течению реки, а в Чеганде II, где река образует петлю, они чаще обращены головой к реке. Могильные ямы очень неглубокие, обычная глубина — 0,4—0,5 м; наибольшая глубина — 0,95 и 0,80 м — встречается в двух погребениях Ныргынды II. Костяки лежат всегда вытянуто на спине.

Большинство погребений сопровождается очень богатым инвентарем, состоящим в основном из украшений костюма. Чрезвычайно редко встречаются орудия труда или оружие; чаще всего — железные ножи, вместе с ними иногда медные или железные обкладки — наконечники ножен. Последние ранее трактовались как рукоятки ножей¹³. Ножны украшались также медными бляшками, пришивавшимися к коже, покрывавшей деревянные пластинки. Весьма оригинальны найденные в могильнике Чеганда II два железных меча (рис. 42—15). Клинок у них небольшой (55 и 70 см), у одного одностороннее, у другого двустороннее лезвие. На рукояти сверху надеты медные набалдашники, один из которых оформлен в виде стоящих друг против друга змей. Перекрестия на одном мече из железа, на другом из меди. Мечи находились в деревянных ножнах, верхний конец которых окантован медной обкладкой, а на нижний надет наконечник. Найденные в могильнике костяные наконечники стрел в большинстве однотипные — небольшого размера, втульчатые (рис. 42—13), подражающие более древним медным трехгранным стрелам скифского типа.

Следует отметить находку в одном из погребений могильника Ныргында II железных удил и глиняного сосуда с уплощенным дном, который стоял с правой стороны головы.

Как уже указывалось, основную массу находок составляют украшения женского костюма.

Головные уборы состояли, очевидно, из платков, поверх которых повязывались налобные повязки с медной пластинкой или из кожаной полоски с нашитыми на нее круглыми бляшками-накладками. Обычай ношения налобных повязок до сих пор распространен в южноудмуртском женском народном костюме¹⁴.

Неотъемлемой частью инвентаря большинства женских погребений являются височные подвески в виде круглого несомкнутого кольца с конической трубкой. Трубка или согнута из медной пластинки или отлита в виде каплевидного грузика, конической трубки, или свернута из проволоки в виде конической спирали (рис. 42—1). Последний тип наиболее ранний и ведет свое начало еще от ананьинских форм подобных украшений.

Некоторые исследователи неправильно называют эти подвески серьгами. Для серег, которые носились в ушах, они слишком массивны и тяжелы и, кроме того, в погребениях они встречаются обычно по три-четыре, а иногда и шесть-семь экземпляров с каждой стороны черепа.

В набор с височными подвесками включаются иногда бусы и пронизки из спаренных полуцилиндриков и в виде «сапожков».

Шейные украшения состоят из различных бус (чаще мелких), медных подвесок, бляшек и круглых медных гривен. В одном из погребений

¹³ А. А. Спицын. Древности бассейнов Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. III—2, 3, 12, 13.

¹⁴ В. Н. Беллицер. Народная одежда удмуртов. М.—Л., 1951.

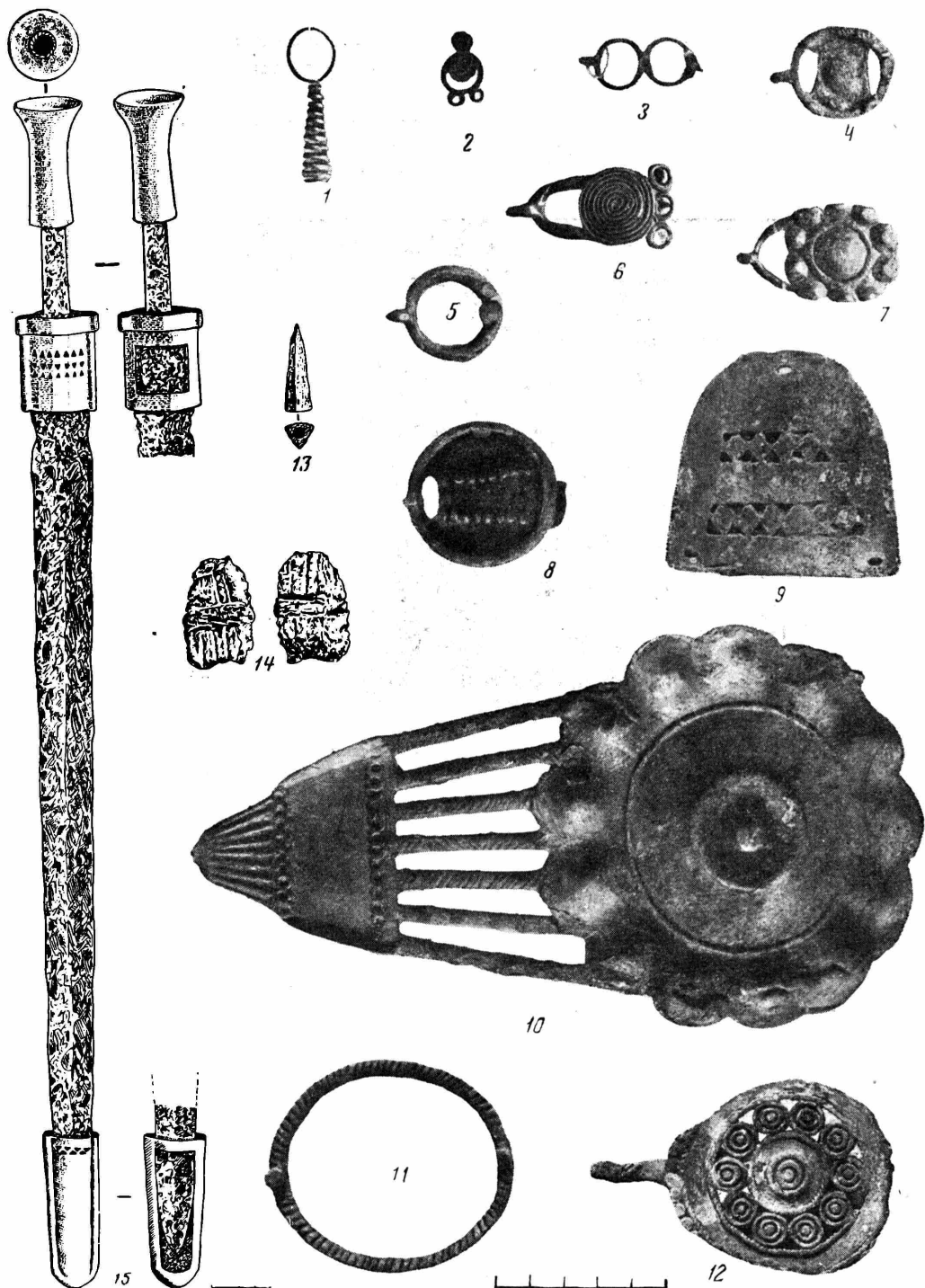

Рис. 42. Вещи, относящиеся к пьяноборскому времени.

1 — височная подвеска; 2 — подвеска; 3—8 — застёжки; 9 — нагрудная бляха; 10—12 — поясные застёжки; 13 — наконечник стрелы; 14 — фрагмент женской статуэтки; 15 — меч с остатками ножен. (1 — могильник Нырмында I; 2—11 — могильник Нырмында II; 12, 15 — могильник Чеганда II; 13, 14 — городище Чеганда I, 1—12 — медь; 13 — кость; 14 — глина; 15 — медь, железо).

(Чеганда II) в составе ожерелья найдены три фигурки льва, сделанные из голубой египетской пасты.

Среди нагрудных украшений встречаются также бусы, всевозможные бляшки, накладки и крупные слегка выпуклые бляхи, ажурные или гладкие, из меди или серебра.

Интересны находки эполетообразных застежек. Мнение А. А. Спицына, а вслед за ним и ряда других исследователей об употреблении их в качестве нагрудно-плечевых застежек следует считать неверным. Во

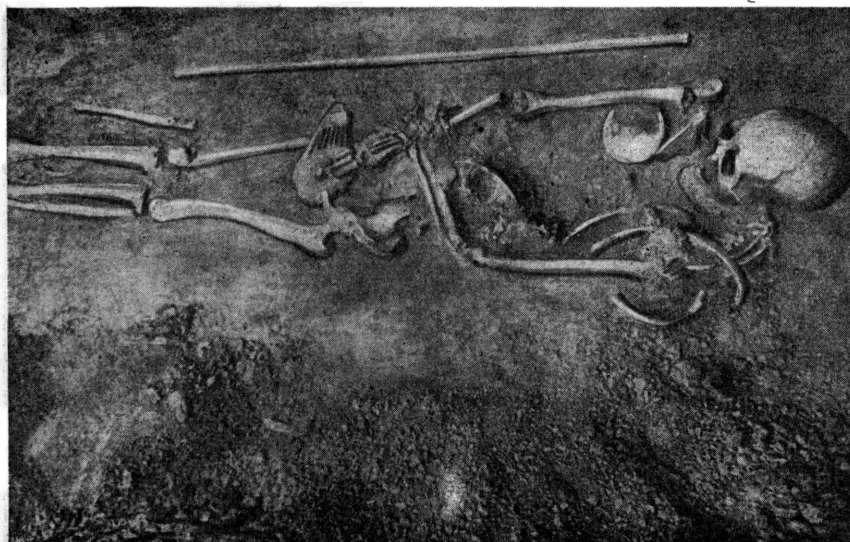

Рис. 43. Могильник Ныргында II. Погребение с медной поясной эполетообразной застежкой и нагрудной серебряной бляхой.

всех 15 случаях находок (на обоих могильниках) они служили только застежками женского поясного ремня, лежали или на тазовых костях или рядом с ними и ни разу не обнаружены у плеча (рис. 43).

На поясах были изредка крупные застежки с неподвижным крючком (рис. 42—11). Подобные же, но более мелкие и видоизмененной формы (рис. 42—3—8) зачастую употреблялись как обувные или какие-либо другие застежки. Однако по способу употребления их нельзя объединять с эполетообразными, как это делается некоторыми исследователями, трактуящими эти застежки как раннюю, неразвитую форму эполетообразных. Последние всегда употреблялись с широким ремнем-поясом, а застежки с неподвижным крючком — всегда с узким ремешком, а возможно и с веревочкой. Концы ремешка или веревочки связывались и ремешок складывался пополам. Один конец одевался намертво на шпенок или петлю, которые всегда имеются на левой стороне застежек, а второй, свободный конец в виде петли продевался в отверстие застежки и одевался на крючок. В нескольких случаях зафиксированы остатки ремешков на застежках этого типа именно в таком положении (рис. 42—8).

Украшения рук — браслеты и перстни — встречаются редко. Они обычно витые, в два—пять оборотов.

В особенно богатых погребениях женский костюм украшен на плечах и рукавах до локтей нашитыми бляшками. На локтях полукругом пришивались серебряные трапециевидные подвески. Обшлаги рукавов, а возможно и просто концы, также были обшиты медными бляшками.

Многие исследователи восстанавливают в пьяноборском женском костюме всевозможные накосные украшения. В материалах наших раскопок их нет, хотя число вскрытых погребений намного больше, чем все ранее достоверно зафиксированные погребения. В основном районе памятников пьяноборского типа (сарапульская или среднекамская группа) подобных украшений нет, что объясняется этнической особенностью данной племенной группы.

Датируются погребения обоих могильников (Нырғында II и Чеганда II) в основном I—II вв. н. э., хотя отклонения в ту или другую сторону вполне допустимы.

К позднему этапу пьяноборской культуры относится могильник Нырғында I, где А. А. Спицыным вскрыто девять, а нами шесть погребений и две пустые могильные ямы¹⁵.

Сохранность костяков очень плохая, поскольку могильник расположен на песчаной террасе. Погребения ориентированы на восток, как и в предыдущих могильниках. Материала собрано очень немного: серебряные нагрудные бляхи и бляхи-застежки, несколько спирально-витых височных подвесок и бляшек — все это обычных пьяноборских типов. Но кроме этих вещей, среди наших материалов, а еще больше в числе находок А. А. Спицына, есть предметы, чуждые пьяноборским памятникам типа Чеганда II и Нырғында II, но имеющие близкие аналогии в Мазунинском могильнике послепьяноборского времени. Это височные подвески с напускными бусами и с сомкнутыми колцдами из перевитой проволоки или обвитые тонкой проволокой, медные поясные накладки с боковыми насечками, круглые выпуклые нагрудные бляхи из раковин, и железные пряжки с утолщенным спереди кольцом¹⁶. Эти материалы не позволяют согласиться с датировкой А. П. Смирновым¹⁷ могильника тем же временем, что и Нырғында II, а дают возможность отнести его к позднепьяноборскому периоду II — начало IV в. н. э.

Экспедиция провела также широкие раскопки на поселении пьяноборского времени — городище Чеганда I.

В 1910 г. Л. Беркутов заложил на городище две траншеи, обнаружив культурные напластования толщиной до семи аршин и проследив 19 различных слоев¹⁸. Довольно многочисленный материал из этих раскопок хранится в Сарапульском музее.

В 1954 г. вскрыто 270 кв. м в юго-западном углу площадки. Замечателен на городище мощный (до 3—4 м) культурный слой, заполняющий небольшой овраг, который врезался в древности в площадку. Разборка культурного слоя по горизонтам (нами выделено шесть горизонтов, объединяющих 15—18 различных прослоек) дает возможность получить несколько хронологически последовательных комплексов вещей. Верхний горизонт Б содержит керамику совершенно иного облика, чем во всех остальных. Керамика здесь круглодонная, красно-оранжевого цвета, с примесью песка и мелких камешков в тесте, вся поверхность сосудов покрыта редкими ямочными вдавлениями. Изредка встречаются плоскодонные горшковидные сосуды красно-оранжевого или серого цвета, очень грубо обработанные. Этот комплекс керамики совершенно чужд району и несомненно является привнесенным. Первая группа сосудов полностью сходна с керамикой чандарско-бахмутинского типа из бассейна р. Белой¹⁹.

¹⁵ Могильник находится в густом лесу и широкие раскопки его, без уничтожения лесного массива, который представляет в этих краях большую ценность, невозможны.

¹⁶ Древности Камы... табл. IX—17, 20, X—11.

¹⁷ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, стр. 74—75.

¹⁸ Л. А. Беркутов. Указ. соч., стр. 36—41.

¹⁹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. «Хозяйство Башкирии», 1929, № 8—9.

Вторая же сближается с керамикой так называемых восточно-буртасских или позднеродецких поселений на территории Татарии²⁰.

Наиболее вероятная дата этого комплекса находок — V—VI вв.

Остальная масса находок состоит из типично пьяноборских вещей — керамика, наконечники стрел, пряслица. Отметим фрагмент небольшой глиняной статуэтки, изображающей женскую фигуру (рис. 42—14).

На самом городище мощность культурного слоя не превышает 0,4—0,7 м. Здесь на вскрытых участках обнаружено несколько ям хозяйственного назначения и остатки очагов-кострищ. На склоне городища обнаружены следы двух совершенно разрушенных железоплавильных горнов.

Городище находится всего в 2,5 км от могильника Чеганда II и, по-видимому, оба памятника принадлежали одному населению.

Очевидно, к этим же памятникам по времени примыкает Барановское селище, на котором экспедиция заложила небольшой раскоп. Селище очень невелико по площади; культурный слой, насыщенный золой, в некоторых местах достигает 0,6—0,7 м толщины. Раскоп не дал яркого датированного материала. В основном собрана керамика. Большая часть сосудов сделана из глиняного теста с примесью раковины (83%), исключительно высок процент орнаментированных сосудов (78 из общего количества — 91) и удивительно однообразен орнамент — исключительно ямочный с вариациями в форме ямки: ромбической, круглой и треугольной. Венчики не орнаментированы. По форме большинство сосудов принадлежит к высоким горшковидным, с округлым дном. Найдено всего два фрагмента от чашеобразных низких сосудов (керамика обработана Г. А. Карповой).

Очень небольшая площадь селища, однообразный орнамент керамики, но довольно мощный культурный слой, свидетельствуют о длительном обитании здесь небольшой группы людей, ближайших родственников, возможно, одной патриархальной семьи.

Второе подобное селище обнаружено километрах в двух ниже, по течению р. Камы, также на боровой террасе, вблизи старицы реки. На нем также довольно мощный золистый культурный слой, содержащий в основном керамику и кости животных.

Послепьяноборское время в Прикамской Удмуртии археологически не было выявлено. Небольшие раскопки, проведенные И. Н. Смирновым на Мазунинском могильнике²¹, никакого представления о этой эпохе не дали. Экспедиция провела раскопки послепьяноборских памятников — Мазунинского могильника и городища Нырғында II.

Площадка Мазунинского могильника сильно разрушена старыми карьерами и несмотря на значительную площадь (644 кв. м), которую мы вскрыли в 1954 г., удалось обнаружить всего 15 погребений, крайне бедных инвентарем, позволяющим, однако, хорошо датировать могильник. Здесь получают широкое распространение вещи, изредка встречавшиеся в Нырғынде I и описанные нами как чуждые основному комплексу пьяноборского периода. Это височные подвески с замкнутым кольцом из перевитой или обкрученной проволоки с напускной бусой, которые хорошо датируются V—VI вв. в Бахмутинском могильнике и находят аналогии в материалах из могильников неволинского типа, где хотя и нет подобных подвесок, но встречается тот же прием обматывания основания украшения тонкой медной проволокой. Столь же часты находки медных литых накладок с боковыми насечками, которые аналогичны накладкам из погребения № 75 Кошибеевского могильника²²; материал этого погребения (пряжки,

²⁰ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды Казанского филиала АН СССР, Казань, 1954.

²¹ ОАК за 1894 г. Отчет о раскопках И. Н. Смирнова. СПб., 1896 г.

²² А. А. Спицын. Древности Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901 г., стр. 67.

копья, меч) может быть отнесен к V—VI вв. Кроме указанных вещей, часто встречались мелкие биконические бусы оранжевого и синего стекла очень плохого качества, большие нагрудные бляхи из крупных раковин и ряд других предметов.

Могильные ямы узкие, вытянуты; костяки в большинстве ориентированы головой на северо-восток и север-северо-восток.

К послепьяноборскому периоду можно отнести еще два памятника. В фондах Сарапульского музея хранится нагрудная бляха из раковины, происходящая, согласно записи инвентарной книги, из могилы в устье р. Сайгатки. Вторая находка происходит из г. Сарапула, где при строительстве здания Окружного суда (сейчас здание Горсовета) были вырыты человеческие кости и вещи. В музее имеются фрагменты черепа, железный наконечник копья и обломок железного ножа. По наконечнику копья погребение может быть датировано тем же послепьяноборским временем²³. Однако вся площадка могильника застроена, и дальнейшее изучение его едва ли возможно.

Дальнейшая задача изучения этого периода состоит в выявлении и исследовании поселений, которые можно определить уже сейчас. В бассейне р. Иж нами обследовано Бобьеучанское городище; культурный слой его у южной окраины достигает в толщину более 1 м. В прослойках верхней части слоя обнаружены круглодонные сосуды из глиняной массы красно-оранжевого цвета, очень рыхлой и без примесей раковины. В нижних прослойках найдена керамика типично пьяноборского облика. Вероятно, керамика верхнего слоя относится к периоду, следующему за пьяноборским временем. В соседних районах Верхнего Прикамья в эту же эпоху — ломоватовскую, керамика была очень похожа на собранную не только на этом городище, но и на ряде других памятников. Общими признаками всех этих поселений является очень бедный и незначительный культурный слой и, возможно, распространение его за пределами вала, что прослежено на нескольких памятниках.

Из поздних памятников раскопки проведены на городище Ныргында II. Оно интересно по своему местоположению — вдали от реки, на стрелке среди невысокого плато, изрезанного оврагами. По одному из оврагов рядом с городищем протекает небольшой ключ. Жилая площадка занимала середину длинной узкой стрелки, огражденной с двух концов валами.

Культурный слой достигает в толщину 0,3—0,4 м. В небольшом раскопе (30 × 12 м), заложенном на юго-восточном конце в 20 м от вала, поперек всей площадки, вскрыты остатки 16 ям и 10 очагов-кострищ. Находок очень мало. Из них датирующие — железное плотничье тесло болгарского типа²⁴ и обломки крупного каменного жернова. Большинство находок составляет керамика и кости животных, преимущественно домашних. Сосуды чрезвычайно архаичного облика, во многом сближающего их с мазунинской посудой. Характерны наличие примеси толченой раковины в тесте и часто повторяющийся ямочный орнамент. Находки медной палочки-заготовки, нескольких кусков шлака и обломка глиняного сопла свидетельствуют о местном металлургическом производстве.

Интересно устройство одного из очагов. Вокруг прокаленного пятна диаметром в 0,8 м и толщиной до 0,1 м, по углам правильного квадрата со сторонами в 1 м были вкопаны по четыре-пять вертикально стоящих каменных плит. Очаги подобного устройства сходны с очагами, вскрытыми

²³ Аналогичные копья имеются в харинских погребениях Верхнего Прикамья и в могиле № 75 Кошибеевского могильника, о которой речь шла уже выше. Копье этого типа см. МАР, № 26, табл. XII—7.

²⁴ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 107, рис. 22.

при раскопках Чужьяловского городища²⁵ (в 15 км от г. Ижевска). С. Г. Матвеев, производивший раскопки, датирует городище XII—XIII вв. и отмечает в двух землянках круглые очаги, сложенные из больших плитняковых камней. Один очаг в поперечнике 1,42 м, другой — 1 м.

В заключение следует описать еще одну интересную находку. В дер. Чеганде нами был приобретен медный сосуд, найденный еще в начале 20-х годов Т. Е. Санниковым вблизи села. По сведениям находчика, в сосуде были какие-то беловатые (очевидно, серебряные) вещи и накрыт он был медным ковшом.

Общая высота сосуда — 30,3 см, наибольшая ширина — 30 см, диаметр дна — 19,3 и диаметр горловины — 17,3 см. Сосуд изготовлен из толстой чеканной меди и состоит из двух частей, скрепленных швом ниже расширенной части. Ушки сделаны из медного прута, концы которого расклепаны в треугольные пластинки и приклепаны тремя заклепками. Внутренняя поверхность луженая.

Форма сосуда близка некоторым болгарским сосудам²⁶, возможно, что и здесь мы имеем произведение болгарских ремесленников. Осмотр местности, проведенный нами, не дал никаких находок.

²⁵ Газета «Ижевская Правда», № 22, от 25 IX 1927 г.

²⁶ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 131, рис. 97, 98.

В. А. ОБОРИН

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1955 ГОДА

В 1955 г. Камская археологическая экспедиция Пермского университета завершила многолетние исследования в зоне затопления Камской ГЭС¹. Большая часть археологических памятников, изученных в предшествующие сезоны уже затоплена, и экспедиция сосредоточила свои усилия на завершении исследования тех памятников, которые еще подлежат затоплению.

В низовьях р. Чусовой закончены раскопки двух стоянок эпохи бронзы — Бор II и Бор III. Оба памятника были открыты О. Н. Бадером в 1947 г. и раскапывались им в течение 1949—1951 гг.²

Стоянка Бор II — стержневой памятник борского этапа турбинской культуры. В 1955 г. здесь вскрыто жилище — первое на стоянке. Это прямоугольная вытянутая полуземлянка, углубленная в грунт на 0,5 м. Длина ее — 16 м, ширина 5—6 м, ориентирована она по линии северо-запад — юго-восток и имеет два противоположно расположенных выхода. На дне жилища располагались три очага. Один из них находился около северного входа. Около него почти не было культурных остатков. Очевидно, очаг служил для отопления и препятствовал притоку холодного воздуха.

Другой очаг, помещенный против южного входа, в основном, очевидно, служил для той же цели.

В центре жилища вскрыт третий, главный очаг. Он отличался большей мощностью прокаленного песка (до 0,3—0,4 м). Вокруг него скопление керамики, кремневых отщепов, орудий и костей. Здесь обитатели жилища готовили пищу и занимались изготовлением каменных орудий.

По центральной линии жилища прослежены два параллельных ряда столбовых ям. Расстояние между рядами — 1—1,5 м. Вдоль стен прослежены углистые полосы от сгоревших бревен, укреплявших стенки.

По форме и размерам жилище аналогично жилищам конца борского этапа турбинской культуры, относящихся примерно к XII—X вв. до н. э.³ Материал из раскопок стоянки в 1955 г. аналогичен материалу предшествующих раскопок и подтверждает эту дату. Несколько неожиданной

¹ Экспедиция была создана в 1947 г. по инициативе О. Н. Бадера и работала под его руководством. В 1955 г. начальником экспедиции был В. А. Оборин, начальниками отрядов — В. П. Денисов и А. И. Чистин. В экспедиции принимали участие студенты Пермского университета.

² О. Н. Бадер и Э. П. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 100—103; О. Н. Бадер. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье. СА, XX, 1954, стр. 180—212.

³ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 100, рис. 31.

была находка в верхней части культурного слоя над жилищем медного втульчатого трехлопастного наконечника стрелы. Наконечник аналогичен некоторым типам наконечников из Зуевского могильника⁴ ананьинской культуры и датируется V—IV вв. до н. э.

На стоянке Бор III в 1955 г. раскопано еще одно жилище — полуземлянка вытянутой прямоугольной формы — третья на этой стоянке. Длина его — 13 м, ширина — 6 м, в жилище два выхода — на север и юг. Перед северным располагалась большой открытый очаг. Другой очаг вскрыт в центре жилища. Вокруг него найдено много керамики, отщепов и чешуек кремня и каменных орудий. В западной стенке находилась небольшая ниша, отделенная от дна основной части жилища земляной перемычкой. В нише, служившей для хранения продуктов, найдено несколько раздавленных крупных сосудов.

Материал со стоянки аналогичен собранному в течение предшествующих лет раскопок и датируется О. Н. Бадером X—IX вв. до н. э.⁵ Наиболее интересна среди находок сломанная женская статуэтка. Это уже вторая находка подобного рода на стоянке. Вне пределов жилища на раскопе 1955 г. найдены обломки сосуда с уплощенным венчиком и орнаментом, нанесенным «шагающей гребенкой», а также два кремневых наконечника стрел с усеченным основанием.

Эти находки относятся к раннему — гаринскому этапу турбинской культуры⁶ и свидетельствуют о том, что место стоянки посещалось людьми и в более древнее время.

Экспедицией проведены рекогносцировочные раскопки на строительной площадке Камской ГЭС на Подгремячинской горе, на месте, где в 1949 г. было найдено медное копье сейминского типа. Однако заложенные раскоп и траншея не обнаружили остатков ожидаемых древних погребений.

В 1955 г. закончены раскопки интереснейшего памятника древней культуры предков коми-пермяков — городища Анюшкар (Кыласово), расположенного на правом берегу р. Иньвы, в 5 км от впадения ее в Каму.

Раскопки велись в течение пяти лет — с 1951 по 1955 г. За это время вскрыта площадь в 3420 кв. м. Основные результаты раскопок предшествующих лет кратко опубликованы⁷. Остановимся на результатах раскопок Анюшкара в 1955 г.

Экспедиция продолжала раскопки у вала городища, непосредственно продолжая раскопы прошлых лет.

Разрезы стенок и «бровок» позволили уточнить стратиграфию культурных слоев этой части городища. Нижний серый плотный культурный слой X—XII вв. здесь был очень небольшой мощности (15—20 см), а в некоторых местах выклинивался, будучи скрыт при сооружении построек, относящихся к верхнему слою. В нем очень мало находок. Керамика нижнего слоя отличалась от керамики верхнего. Она представлена двумя типами сосудов — 1) толстостенные, крупные, с грубо обработанной поверхностью, с защипами по венчику, с примесью раковины в глиняном тесте и почти без орнамента, иногда с орнаментом крупным зубчатым штампом или паль-

⁴ А. В. Эбруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 89, табл. XIX, рис. 34.

⁵ О. Н. Бадер и Э. П. Соколова. Указ. соч., стр. 103.

⁶ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 45.

⁷ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, 51, 1953, стр. 88—90; его же. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 128; В. А. Оборин. Некоторые проблемы изучения родановской культуры, Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. XI, вып. 3, Харьков, 1956; его же. Костяная рукоятка из Анюшкара (Кыласово). КСИИМК, 57, 1955, стр. 133—134.

цевидными вдавлениями и 2) тонкостенные сосуды мелких и средних размеров, со значительной растительной примесью в глиняном тесте, выгоревшей при обжиге, с круглым или уплощенным дном, прямым или слегка отогнутым венчиком, украшенным зубчатым штампом, орнаментированные отпечатками шнура, коротким и мелким зубчатым штампом, мелким ямочным орнаментом.

Оба типа сосудов аналогичны керамическому комплексу Лаврятского городища IX—XI вв. и относятся к тому же времени⁸.

Для датировки нижнего слоя особенно важна находка в 1955 г. медной подвески с оттиском на ней штампа типа куфического диргема X—XI в. Остальные находки (спиралевидные пронизки, коньковые подвески, конусовидные тигли и др.) подтверждают общую дату слоя — X—XII вв.

Верхний темный рыхлый слой XII—XIV вв. в части городища, расположенной у вала, доходит до 1—1,5 м толщины, а в ямах и до 2,5 м. В некоторых местах он лежит непосредственно на подстилающем слое, так как нижний полностью снят при строительстве сооружений и рытье ям, и культурные остатки частью перемешались с остатками нижнего горизонта верхнего слоя.

Верхний слой очень насыщен остатками различных сооружений: глинобитных очагов, жилищ, производственных сооружений и ям хозяйственного и производственного назначения. Он довольно богат и находками. Основной тип керамики здесь составляют средних размеров сосуды в виде невысокой чаши с уплощенным дном, с гладко обработанной внутренней и внешней поверхностью. 60% сосудов орнаментированы; 30% без орнамента. Из элементов орнамента преобладают сложные узоры в виде «решетки», «арок», «птичьей лапы», нанесенные зубчатым штампом. Часто встречается кружковый узор — гладкий и зубчатый, и орнамент в виде фигурных налепов (рис. 44—6). Сосуды по форме и орнаменту часто подражают привозным болгарским и славянским. Некоторые из них имеют наклепанные ручки. Встречается и типичная славянская посуда с линейно-волнистым орнаментом (рис. 44—2, 3) и обломки красноглиняной лощеной болгарской посуды XII—XIV вв.⁹, с гребенчатым, линейным и волнистым орнаментом (рис. 44—1). Встречаются находки обломков желтой и зеленой поливной керамики золотоордынского типа.

Для датировки этого слоя большое значение имеет находка в 1955 г. в верхней его части медной монеты, чеканенной, по определению С. А. Яниной (ГИМ), в Хорезме по стандарту монет Золотой орды в конце XIV в.

В верхнем слое найдено очень много крупных бипирамидальных сердоликовых и хрустальных бус, есть шарообразные хрустальные бусы и довольно много стеклянных желтого, синего и зеленого цвета, округлой и биконической формы. Встречены большие овалы стеклянные бусы ромбические в сечении, датирующиеся XIII—XIV вв.¹⁰ К этому же времени относятся и цветные стеклянные бусы¹¹. К XIV в. относятся железные кресала в виде прямоугольной пластины с закругленными концами и с вырезом в центре¹² (рис. 45—8).

Из вещей местного происхождения характерны для этого слоя двяжкорьковые («роговидные», по А. П. Смирнову) подвески, крупные

⁸ В. А. Оборин. Памятники родановской культуры у с. Таборы. КСИИМК, 65, 1956.

⁹ А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, XIX, 1951, стр. 198—199; О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгара. МИА, № 42, 1954, стр. 348—368, рис. 15.

¹⁰ А. Е. Алихова. Куликовский могильник. СА, X, 1948, стр. 274, рис. 4—13.

¹¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 132.

¹² А. Е. Алихова. Муранский могильник и селище. МИА, № 42, 1954, стр. 292, рис. 10, 11, 23.

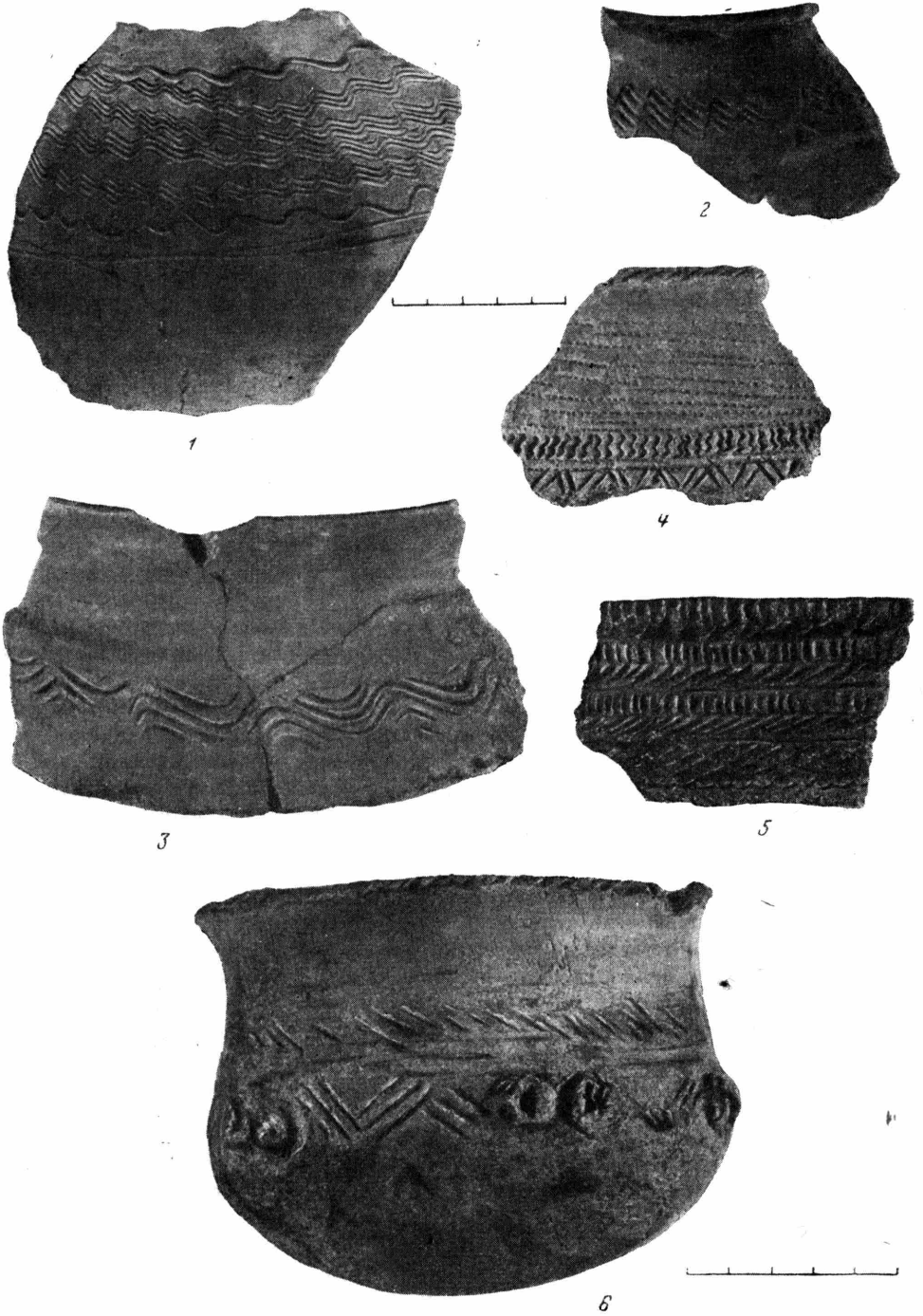

Рис. 44. Керамика из верхнего культурного слоя городища Анюшкар.
 1—3 — керамика славянского и болгарского типов; 4, 5 — зауральского типа; 6 — сосуд местного происхождения.

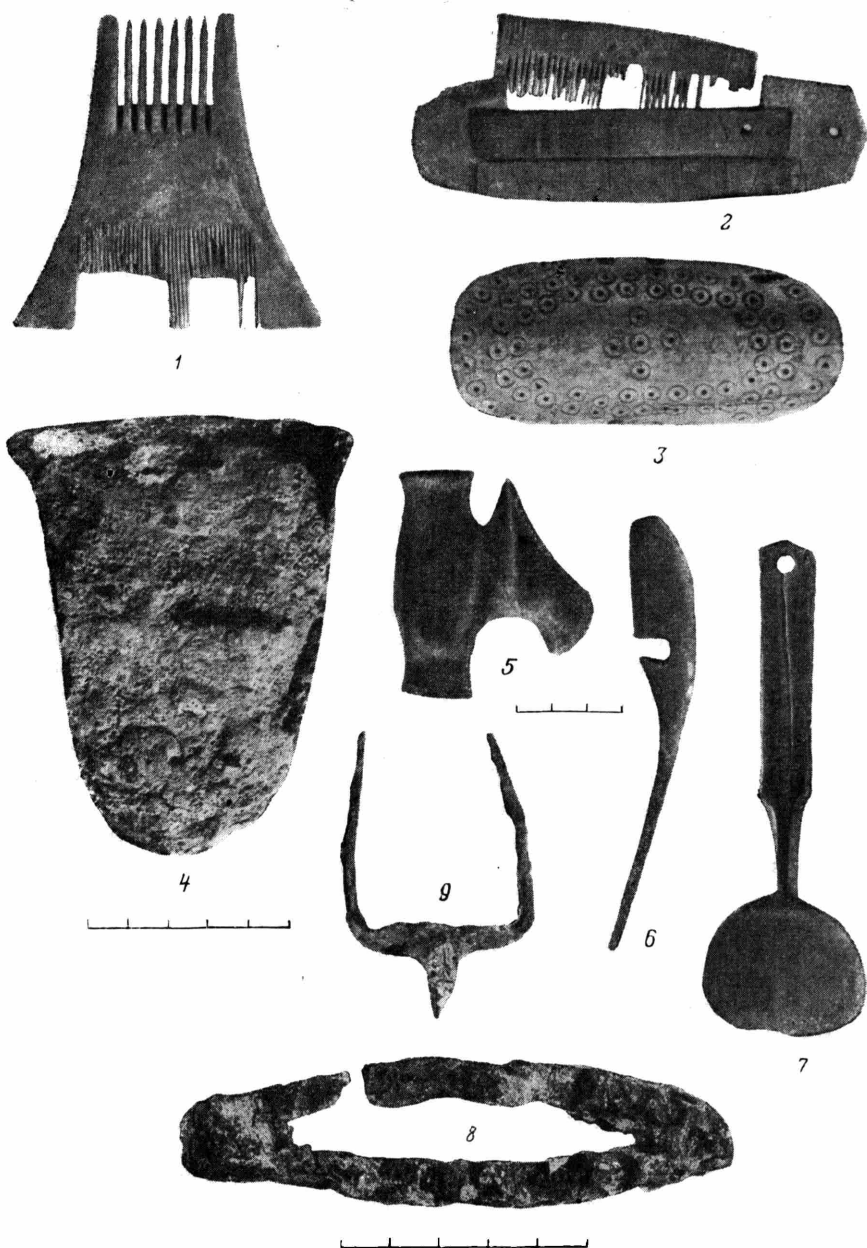

Рис. 45. Костяные и железные вещи из верхнего культурного слоя городища Анушкар.

1, 2 — костяные гребни; 3 — щиток-накладка сложного лука; 4 — железная наковальня; 5 — костяная рукоятка нагайки болгарского типа; 6 — накладка от сложного лука; 7 — костяная ложка; 8 — железное кресало; 9 — древолазный шип древнерусского типа.

трубчатые пронизки с ложновитым и чеканным орнаментом и иногда с шумящими подвесками, стилизованные птицевидные полые шумящие подвески, серебряные и медные бляхи, украшенные крупной грубой зернью, и другие предметы.

Встречаются такие орудия труда, как косы-горбуши, железные сошники-ральники, обломки каменных жерновов и другие вещи.

В целом верхний слой Анюшкара дает хороший комплекс вещей второй половины XII—XIV вв., который может быть использован как эталон для определения позднего комплекса родановской культуры (IX—XV вв.) для других памятников.

В 1955 г. около вала городища вскрыто еще одно наземное прямоугольное жилище с глинобитным полом, ямой-кладовкой и глинобитным очагом в центре. Длина его — 12 м, ширина — около 7 м. Жилище ориентировано на северо-восток и лежало на той же линии вдоль вала, что и два подобных жилища, раскопанных в 1953 и 1954 гг. Оно располагалось в нижней части верхнего культурного слоя и может быть датировано концом XII—началом XIII в. Вдоль северной и восточной стенок его прослежены канавки шириной 0,4 м, глубиной 0,2—0,3 м, в которых накопился культурный слой, а при зачистке обнаружались столбовые ямы. Расположенные попарно, они образовали один ряд, примыкавший к северной и восточной стенке, где, возможно, являлись остатками изгороди, огораживающей приусадебный участок земли.

В таком жилище, судя по его размерам и планировке, могла жить большая патриархальная семья. Оно находится в той же части культурного слоя, в которой в 1951—1954 гг. обнаружены жилища меньших размеров площадью 24—30 кв. м, где могли обитать только малые семьи. Эти различия в размерах и планировке одновременных жилищ XII—XIII вв. на Анюшкаре показывают, что здесь уже шел процесс выделения малых семей из патриархальной семейной общины, но выделившиеся семьи жили еще рядом с неразделившимися патриархальными семьями.

Очень интересны материалы раскопок на валу городища. Закончены работы в траншее, пересекавшей вал до его подножья с napольной стороны, и заложен небольшой раскоп на гребне.

Изучение стратиграфии наслоений вала и соседних участков раскопа показало, что вал насыпан на месте, где уже накопился ранний культурный слой. Этот слой был срыт на значительной площади и культурные остатки попали в насыпь со стороны площадки. Вал сооружался в несколько приемов и в промежутки между отдельными насыпками его поверхность со стороны площадки успевала слабо задерновываться. По редким находкам и изучению стратиграфии прослоек можно говорить, что это происходило во время накопления верхнего культурного слоя.

Вал городища сооружен в XIII в. Он защищал большую часть мыса, где располагалось поселение. К валу примыкал с napольной стороны неглубокий (1,5 м) ров, обнаруженный на разрезе траншеи 1955 г. В раскопе, заложенном на гребне, обнаружены остатки оборонительных сооружений — столбовые ямы и углистые полосы от частокола с плетневой стенкой, к которой присыпалась глина. Такие укрепления аналогичны обнаруженным М. В. Талицким на Родановом городище¹³.

Около вала на раскопах предыдущих лет обнаружено большое количество ремесленных сооружений (гончарная мастерская, плавильный горн, открытые очаги для плавки металла и др.). Все они располагались в верхнем слое. В 1955 г. в верхнем слое на расстоянии 40 м от вала вскрыты остатки кузницы. Это было прямоугольное бревенчатое наземное строение 2 × 7 м,

¹³ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 42.

с глинобитным полом, на котором в западном и восточном углах помещались два кузнечных горна, обращенных устьями друг к другу. В центре помещения находилось углубление, заполненное золой и углем. Около восточного горна в пятне коричневого глина лежала небольшая железная наковальня (рис. 45—4). Горны были сложены из камней, скрепленных глиной. Высота сохранившейся части каменной кладки — 0,4—0,5 м. Внутренняя поверхность пода горнов небольшая — 0,45 × 0,8 м для восточного и 1,5 × 0,4 м для западного. Под покрыт пеплом и золой. На соседних участках, прилегающих к кузнице, обнаружено большое количество железных шлаков, криц, обломков железных предметов и скопление камней, сильно потрескавшихся от нагревания, вынутых из стенок горнов при ремонте.

После расчистки кузницы при снятии нижележащих слоев на подстилающей глине выступили очертания большого углубления, проходящего через весь раскоп с востока на запад и соединявшегося с канавообразным углублением на восточном склоне площадки, изученном в 1954 г.¹⁴ Почти все это углубление заполнено нижним ранним культурным слоем.

Ранний слой к северу (к концу мыса городища) резко увеличивался по мощности и содержал значительно большее количество находок, чем у вала.

Все это позволило предположить, что перед нами остатки древнего рва, отгораживавшего раннюю часть городища. Дальнейшая расчистка углубления и изучение разрезов подтвердили это предположение. Ров представлял собой неглубокую (1,5—1,8 м) канаву с оплывшими стенками, шириной от 5 м в верхней части до 2—3 м у дна. Он шел дугой с северо-востока на юго-запад, параллельно направлению большого вала XIII в., перегораживая северную часть мыса. Длина его на раскопанной части в 1954—1955 гг. — около 50 м. На западе он уходит в стенку раскопа и выход его на западном склоне не прослежен. Нижняя часть рва заполнена ранним культурным слоем, который перекрыт верхним темным слоем, выровнявшим поверхность площадки над рвом.

Остатков древнего вала не обнаружено. Очевидно, он был срыт почти полностью. Однако на северном краю рва, на небольшом участке прослежено пятно необожженной глины, лежавшее на подстилающей глине, но по цвету отличавшееся от нее. Может быть, это и есть остатки вала. По северному краю рва прослежены шесть больших столбовых ям и остатки большой доски вдоль них. Возможно это следы столбовой изгороди, укреплявшей края вала от оползания.

Для изучения ранней части городища к северу от рва, на мысу были заложены еще два раскопа и проведена поперечная траншея длиной 70 м, шириной 1 м. Разрезы на траншее и раскопах показали, что к северу от рва мощность раннего культурного слоя увеличивается. В некоторых местах толщина его доходит до 0,7 м. В 60 м от рва в нижнем слое обнаружены остатки полуразрушенного жилища, площадь которого устанавливалась по очертаниям неглубоких канавок у стенок и расположению в центре ямы-кладовки и глинобитного очага, укрепленного камнями. Жилище не вскрыто полностью, западная часть его ушла в стенку раскопа. В изученной части ширина его 6—7 м, а длина, очевидно, не менее 10—12 м. По размерам оно аналогично жилищам Роданова городища¹⁵.

На западном склоне городища траншеей прорезана глинобитная подсыпка склона и обнаружены столбовые ямы от частокола, который шел по краю площадки. В 1955 г. так же, как и в предшествующие годы вскрыто большое количество ям хозяйственного и производственного

¹⁴ В. А. Оборин. Отчет о раскопках Верхнекамского отряда КАЭ в 1954 г. Рукопись. Архив ИИМК.

¹⁵ М. В. Талицкий. Указ. соч., стр. 37.

назначения. Большой частью — ямы-кладовки для хранения продуктов. Обнаружена жертвенная яма, относящаяся к нижнему слою, в которой лежали два конских черепа, челюсть лошади и целый большой сосуд.

Культурный слой по мере приближения к концу мыса городища становится тоньше. В 130—150 м к северу от древнего рва общая мощность его уменьшается до 0,3—0,5 м.

Верхняя часть слоя перепахана и поэтому изучить стратиграфию горизонтов здесь невозможно. Датировать обнаруженные в этой части раскопок сооружения можно было только на основании находок, сопоставляя их с комплексами вещей, встреченных на основной части площадки.

Таким образом в результате раскопок 1955 г. удалось выяснить, что в ранний период своего существования городище занимало меньшую площадь, которая была укреплена неглубоким рвом и небольшим валом. Прилегающая к рву с востока часть площадки представляла собой неукрепленное селище. В 1952 г. здесь обнаружены два жилища, относящиеся к нижнему слою.

С разрастанием поселка и увеличением плотности населения (о чем свидетельствует большое количество хозяйственных ям и ям производственного назначения) старый ров был засыпан, вал скрыт и в XIII в. сооружен новый большой вал и вырыт ров, защищающие значительно большую часть площадки на мысу. В это же время проведена глинобитная подсыпка склонов городища, и склоны и вал были укреплены частоколом с плетнем и глиняной подсыпкой. Такое усиление укреплений связано с потребностью защитить ремесленные сооружения, сосредоточенные на площади, примыкавшей к валу. Раскопки показывают, что с XIII в. поселение на Анюшкаре начало превращаться в ремесленный поселок. Усиление укреплений в начале XIII в. могло быть связано с большими историческими событиями в нижнем Прикамье и в Поволжье. Татаро-монгольское нашествие привело к отливу части населения из государства Волжских болгар на север — в Прикамье. Об этом свидетельствуют многочисленные находки вещей болгарского происхождения, клады вещей, датирующиеся этим временем, появление западной ориентировки в погребальном обряде¹⁶ и другие факты. Обилие вещей болгарского происхождения в памятниках XIII—XIV вв. (в верхнем слое Анюшкара болгарских вещей втрое больше, чем в нижнем слое) нельзя объяснить усилением торговых связей, так как после разрушения государства Волжских болгар татаро-монголами эти связи ослабели. Это могло быть связано только с притоком на север нового населения, появление которого и вызвало необходимые предохранительные меры — усиление обороны некоторых городищ.

Анюшкара находится в устье р. Иньвы и является первым поселением, за которым идет целый ряд других. Усиление укреплений связано с тем, что Анюшкара был стратегическим центром, прикрывавшим пути в среднее и верхнее течение Иньвы, в хорошо обжитый с древнейших времен Иньвенский край.

Увеличение количества находок вещей древнерусского происхождения в верхнем слое Анюшкара свидетельствует о возможности проникновения сюда и славянского населения¹⁷. Все эти процессы оказывали ускоряющее действие на разложение родового строя у местных племен и формирование соседской общины.

Соседями коми-пермяков на левобережье Камы оставались мансийские и хантыйские племена, с которыми поддерживались какие-то связи. Об

¹⁶ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 215.

¹⁷ В. А. Оборин. К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье. Сб. «Из истории нашего края», 1956, стр. 6—18.

этом свидетельствуют немногочисленные находки на Анюшкаре глиняной посуды зауральского типа (рис. 44 — 4, 5), костяных частей оленьих и собачьих упряжек.

В 1955 г. во время производственной практики студентов экспедицией проведены небольшие раскопки Гуринского могильника на р. Пой в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого национального округа. Могильник открыт В. Ф. Генингом и Ф. П. Будкевичем в 1952 г.¹⁸ и ими же были вскрыты два погребения.

В 1955 г. на могильнике вскрыты 16 погребений с очень бедным инвентарем. В каждом из них находится не более двух-трех вещей (глиняные сосуды, бусы, железные ножи, поясные кольца и др.). Погребения залегают сразу под дерном на глубине 0,2—0,3 м. Четко прослеживаются очертания могильных ям. Большинство погребений имеет северную или северо-восточную ориентировку и расположены рядами.

Нами обследовано место разрушенного еще в 1942 г. единственного богатого погребения, к юго-востоку от основной части могильника. По словам местных жителей, в погребении были найдены кости человека и коня, железные копья, меч, много медных украшений (бляшки и браслеты), наконечники стрел. Большинство вещей утеряно находчиками. Часть их нам удалось собрать. Это — железный боевой топор, копье, шумящая подвеска с ложновитой прямоугольной основой и плоскими треугольными подвесками в виде гусиных лапок, которая находит аналогии в подвесках XII—XIII вв. из Владимирских курганов¹⁹.

Керамика Гуринского могильника имеет много аналогий в керамике верхнего слоя Анюшкара. Поэтому можно согласиться с общей датой могильника XII—XIII вв.

Могильник дает представление об усилении имущественной дифференциации и выделении зажиточной знати из среды общинников. Об этом свидетельствует топографически выделенное положение богатого погребения на возвышенном месте, в стороне от основной массы бедных погребений. Ту же картину можно видеть на одновременном Рождественском могильнике²⁰.

Кроме того, в 1955 г. проведено рекогносцировочное обследование Купросского и Кырдымского городищ в том же Юсьвинском районе.

В 1956 г. Камская археологическая экспедиция закончила работу в зоне водохранилища Камской ГЭС и в последующие годы переходит к изучению археологических памятников Среднего Прикамья в зоне затопления строящейся Воткинской ГЭС.

¹⁸ В. Ф. Генинг. Новый могильник позднеердановского времени. КСИИМК, 55, 1954, стр. 153—154.

¹⁹ Aspelin. Antiquités du Nord finno-ougrien, III. Helsinki, 1878, p. 987, 995.

²⁰ В. А. Оборин. Рождественское городище и могильник. Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. IX, вып. 3, 1953, стр. 166.

О. Н. БАДЕР¹

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1956 ГОДУ¹

1956 г. — это десятый год существования КАЭ и в то же время первый год научного руководства ею со стороны ИИМК АН СССР.

Обширный план работ по договору с дирекцией строящейся Воткинской гидроэлектростанции позволил нам впервые широко развернуть раскопки памятников в зоне строительства, а также продолжить и разведочные работы. Привлечение же некоторых дополнительных средств позволило распространить работы экспедиции на более широкую территорию Прикамья, включая район устья р. Белой и нижнее течение р. Сима — ее притока (рис. 46).

Главный упор в 1956 г. был сделан на поиски палеолита и изучение памятников эпохи камня и бронзы.

Разведочной группой Н. О. Бадера обследованы берега Камы между г. Краснокамском и пристанью Казанка. Обнаружено несколько местонахождений четвертичной фауны, но следов палеолита не установлено. Открыты и обследованы несколько новых стоянок и местонахождений кремневых осколков, орудий и керамики, относящихся преимущественно к эпохе бронзы.

Той же разведочной группой обследовано старое местонахождение костей плейстоценовой фауны близ г. Очёра Пермской обл., в Токарёвом логу, указанное краеведом А. В. Нецветаевым (Очёрская станция юннатов) и уже изучавшееся в 1947 г. по нашему поручению аспирантом института геологических наук АН И. А. Шергиной². Следов палеолита и здесь не обнаружено. Кости находятся, по-видимому, в делювии и оползнях с более высоких склонов Токарёва лога.

Третьим районом работ разведочной группы было течение р. Вижая близ Пашии, в полосе горных склонов Западного Урала. Здесь по указанию краеведа С. П. Ермакова были осмотрены пещеры вверх от Пашийского завода по р. Вижаю. В одной из них на глубине до 2 м обнаружено небольшое количество костей животных, в том числе обломок рога северного оленя. Крупные каменные блоки не позволили довести раскопки пробного участка до дна пещеры; работа прекращена на глубине около 3 м.

¹ Доклад на заседании сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР в ноябре 1956 г.

² И. А. Шергина. Четвертичная фауна млекопитающих Среднего и Южного Урала и ее стратиграфическое значение. Автореферат диссертации. М., 1951.

Разведочной группой С. Н. Астахова исследовалось нижнее течение р. Сим от ст. Вавилова (Аша) до р. Белой, не затронутое ранее обследованиями С. Н. Бибикова. Вскоре же за Вавиловым скалистые берега, а вместе с ними и пещеры исчезли, и речная долина приобрела равнинный характер. И здесь также следов палеолита не обнаружено.

В зоне затопления продолжены раскопки трех стоянок с однородным кремневым инвентарем мезолитического характера.

1) Заозерская стоянка близ Усть-Качки, где вскрыта новая площадь (преимущественно в северной части, перекрытой менее мощным слоем делювия). Среди найденного каменного инвентаря снова нет датирующих вещей. На одном из участков (Б/107), в сером культурном слое, у его контакта с почвой найден маленький обломок керамики, снова такой же, как и в 1954 г.³, т. е. очень позднего облика, совершенно не вяжущийся с каменным инвентарем стоянки. Против отнесения памятника к железному веку говорит отсутствие среди крупных, частью разбитых галек характерных терок и пестов, столь типичных для ананьинских, гляденовских и ломоватовских поселений. Мнение о Заозерской стоянке как о памятнике переходном от мезолита к неолиту остается наиболее вероятным.

2) На Ольховско-Первомайской стоянке произведены раскопки в восточной части, где раньше были встречены немногочисленные обломки неолитической керамики. Та же картина повторилась и в этом году: вместе с обильным кремневым инвентарем микролитического характера собрана небольшая коллекция неолитической керамики. Вопрос о том, связаны ли обе эти категории находок между собой и можно ли весь памятник рассматривать как ранне-неолитический, может быть решен только после детального изучения керамики. Нахождение кремневого инвентаря и керамики в одном слое еще не решает вопроса благодаря рыхлости песчаного грунта и его обесцвеченности⁴.

3) На стоянке Барская Пристань была сделана попытка изучения впадины — предполагаемого жилища, — где в первом шурфе 1954 г. найдены кремневый наконечник стрелы с двухсторонней ретушью, а рядом на поверхности — три обломка неолитической керамики. Ни жилища, ни неолитических остатков не обнаружено.

Изучение неолитических памятников занимало в работах экспедиции видное место.

Одной из интереснейших неолитических стоянок оказалась Кряжская (ниже г. Осы), хотя она и сильно разрушена Камой. На площади 208 кв. м, вскрытой здесь раскопками В. П. Денисова, собрана небольшая коллекция кремневого инвентаря и керамика чисто неолитического облика.

Неолитические остатки хорошо представлены также на Заюрчимской стоянке близ Нижних Муллово и на стоянке «Чернашка» близ с. Частые, основные комплексы которых относятся к эпохе бронзы. На «Чернашке» неолитические остатки распространены на значительной площади. К ним, по всей вероятности, относится и медный кованый нож архаичной формы, с отломанным кончиком (рис. 47—1), близкий левшинскому. Реставрированный сосуд из «Чернашки», у которого венчик утоньшается кверху, также приближается к левшинской поздне-неолитической керамике (рис. 48—1). Вместе с Левшинской стоянкой неолитический слой на «Чернашке» может быть датирован концом III—началом II тысячелетия до н. э.

³ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция (работы 1953—1954 гг.). КСИИМК, 70, 1957, стр. 49—71.

⁴ О. Н. Бадер. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. XI, вып. 3, Харьков, 1956.

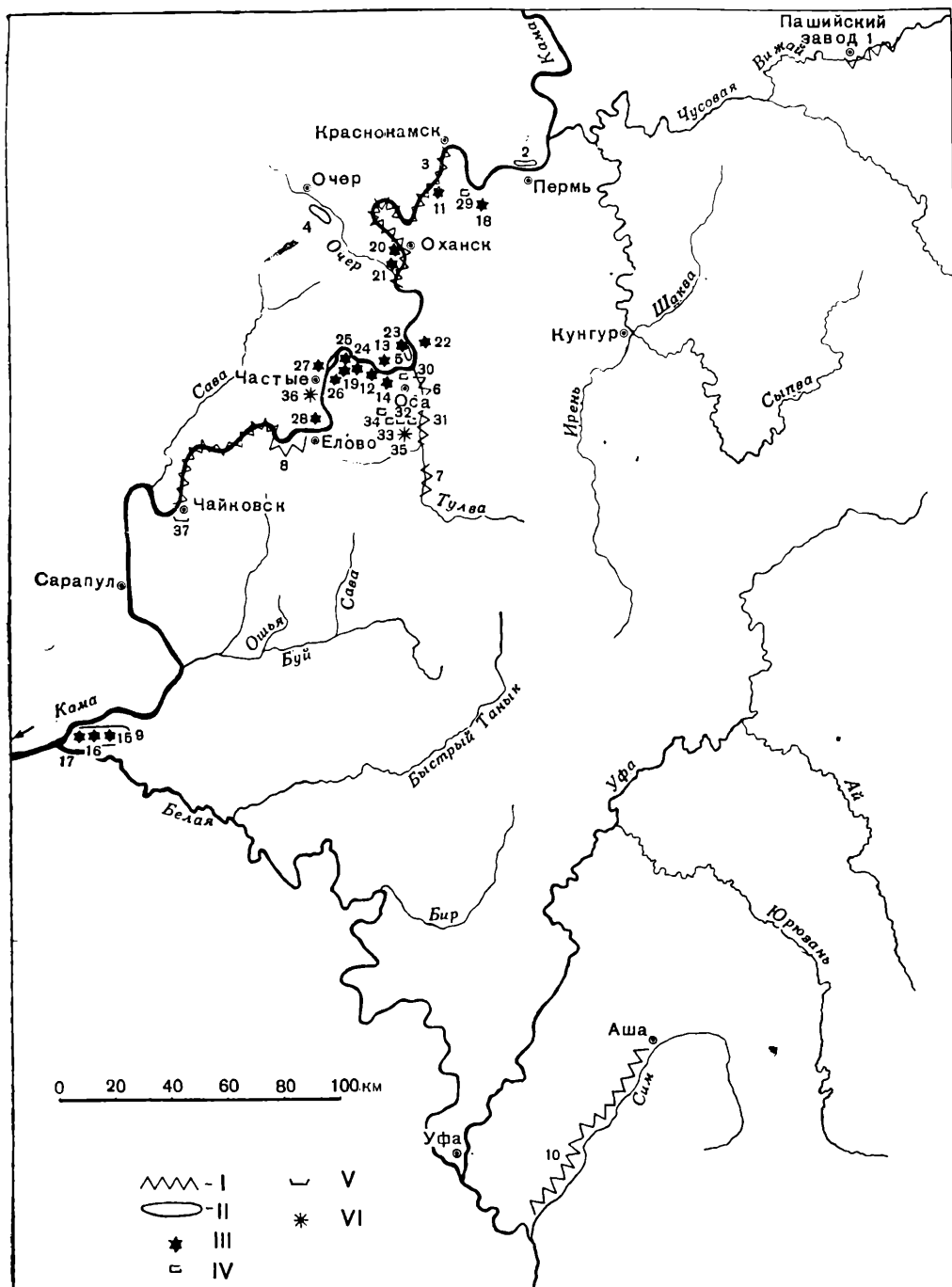

Рис. 46. Карта работ Камской археологической экспедиции в 1956 г.

I — поисковые маршруты; II — узкие районы обследования; III — стоянки, поселения; IV — городища; V — могильники; VI — селища (памятники, подвергнутые раскопкам). Поисковые маршруты и узкие районы обследования: 1 — по берегам р. Вижа; 2 — по правому берегу Камы; 3 — по Каме от г. Краснокамска до пристани Казань; 4 — в окрестностях г. Очера; 5 — по Каме выше г. Осы; 6 — по берегам р. Тулвы в нижнем течении (Осинский район); 7 — по берегам р. Тулвы в среднем течении (Бардымский район); 8 — по Каме от с. Елово по пос. Чайковский; 9 — в районе оз. Сауз; 10 — по правому берегу р. Сим от Аши до устья. Раскопки (по эпохам): 11 — Заозерская мезолитическая стоянка; 12 — мезолитическая стоянка Барская пристань; 13 — Ольховско-Первомайская позднемезолитическая стоянка; 14 — Крайская неолитическая стоянка; 15 — неолитическая стоянка Кутурган-Ерганак; 16 — Саузовская I неолитическая стоянка; 17 — Саузовская II неолитическая стоянка; 18 — Заюрчичская стоянка эпохи неолита и бронзы; 19 — поселение эпохи неолита и бронзы «Чернашка»; 20 — поселение Камский Бор II; 21 — поселение Камский Бор III; 22 — Усть-Пальское поселение; 23 — Гальянское поселение; 24 — Смолокурное поселение; 25 — поселение II у лесного кордона; 26 — поселение «Старушка»; 27 — Ерзовское поселение; 28 — Еловское поселение. Эпоха железа: 29 — Мало-Сладское городище; 30 — Осинское городище; 31 — Мало-Никольское I городище; 32 — Мало-Никольское II городище; 33 — Бовше-Никольское I городище; 34 — Бовше-Никольское II городище; 35 — Мало-Никольское селище; 36 — Змиевское селище («Озерко»); 37 — Сайгаткинский могильник.

Особенно многочисленны неолитические памятники на левом берегу Камы близ устья Белой. Кроме двух стоянок на оз. Сауз, раскопки которых начаты в 1955 г.⁵, П. М. Кожиным и другими открыты здесь еще десять стоянок, близкое расположение которых позволяет рассматривать их как поселения, принадлежавшие одному из племен камской культурной области (рис. 49).

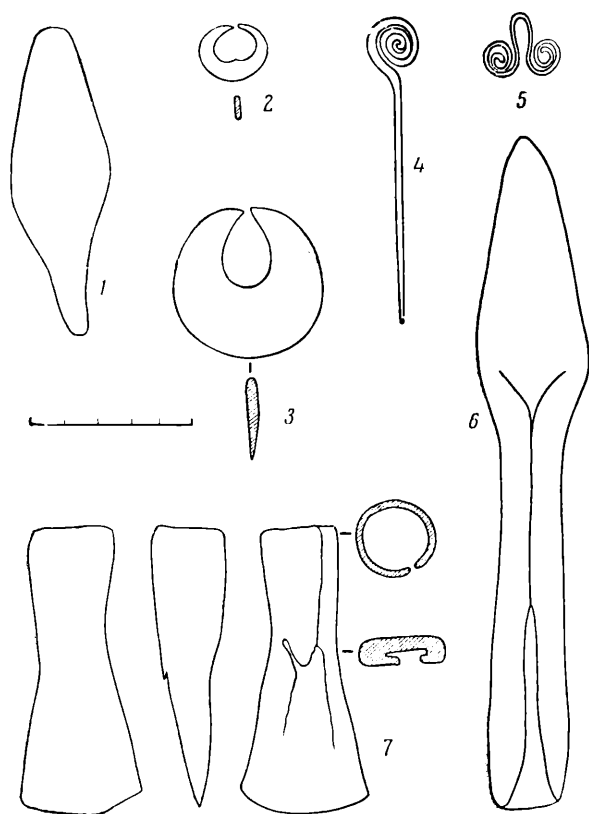

Рис. 47. Медные предметы из среднекамских поселений.

1 — нож; 2, 3 — луницы; 4 — булавка; 5 — подвеска; 6 — копье; 7 — тесло (1 — из поселения «Чернашка»; 2, 7 — Усть-Пальское поселение; 3 — из поселения Выстелишна; 4, 5 — из поселения «Старушка»; 6 — из поселения Заюрчимское).

Раскопки трех из этих стоянок (О. Н. Бадером) дали богатый материал, позволяющий сделать и первые шаги к периодизации неолитической культуры в этой части Прикамья. Более древний этап представлен стоянкой Кутурган-Ерганак, в материальной культуре которой совершенно отсутствуют признаки энеолита. По керамике стоянка может быть датирована временем около середины III тысячелетия до н. э. Ранним возрастом этой интересной стоянки можно объяснить и ее необычно высокое расположение над озером (18 м); видимо, с тех пор уровень вод понизился и Кама (ныне оз. Сауз) отступила более чем на 200 м.

⁵ В. А. Оборин. Камская археологическая экспедиция 1955 года, в настоящем сборнике.

Более поздний этап представлен нижними, несмешанными горизонтами Саузовской I стоянки. Здесь собрана многочисленная поздненеолитическая керамика, среди которой имеется и характерный орнаментированный глиняный «утюжок» шигирского типа с поперечной выемкой сверху. Интересно, что здесь, в нижних горизонтах стоянки обнаружены остатки двух медных предметов. Эти находки, в сопоставлении с медными ножами и шильями из стоянок «Чернашка» и Левшинской, рисуют картину проникновения металла в быт поздненеолитического поселения Прикамья еще

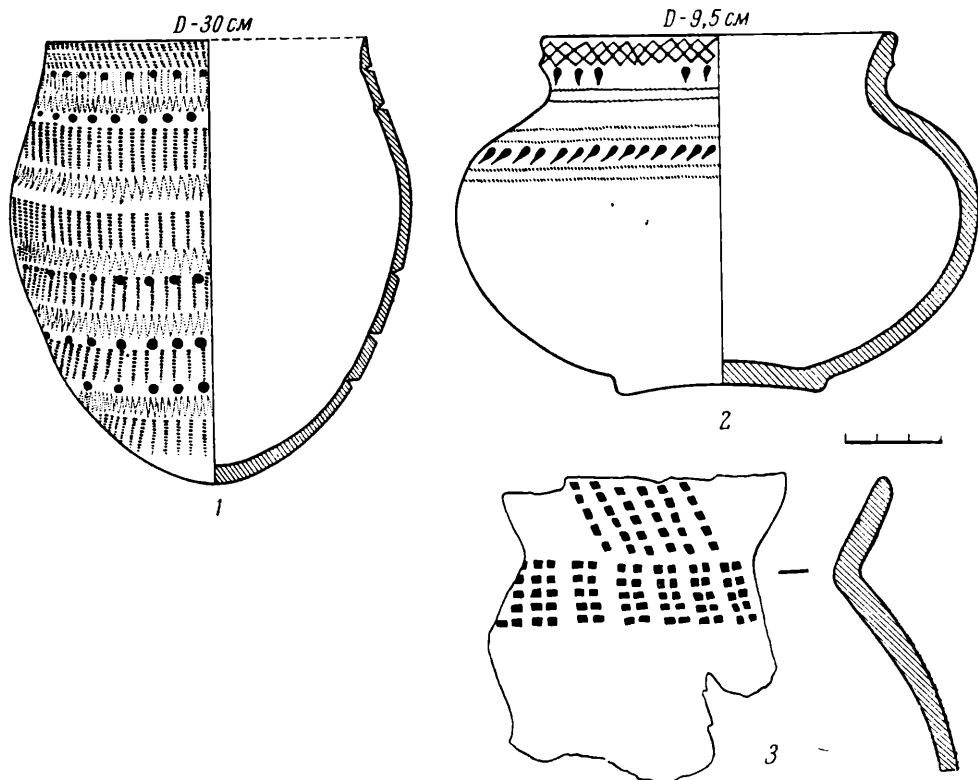

Рис. 48. Глиняные сосуды из среднекамских поселений.

1 — со стоянки «Чернашка»; 2, 3 — с Ерзовского поселения (1 — раскопки А. И. Чистина 1956 г.; 2 — раскопки В. П. Денисова, 1956 г.; 3 — раскопки О. Н. Бадера 1954 г.).

в конце III тысячелетия до н. э. На Саузовской I стоянке в верхних горизонтах встречается и более поздний материал, датируемый медно-бронзовой эпохой.

Саузовская II стоянка относится к еще более позднему времени энеолита и иллюстрирует постепенные изменения, происходившие тогда во всей материальной культуре бельского Прикамья. Верхние горизонты этой стоянки относятся уже к развитой культуре эпохи бронзы.

Вместе со стоянками, открытыми в 1956 г. А. П. Шокуровым в смежных районах вверх по течению Белой, и стоянками на р. Уфе у д. Черкасово и против устья р. Ай, тогда же раскопанными Л. Я. Крижевской, памятники у оз. Сауз создают новые возможности изучения неолитической культуры Прикамья, а географическое положение их придает им важное значение и для установления генезиса местных ранне-бронзовых культур Башкирии.

Раскопанный на площади Саузовской II стоянки курган оказался разграбленным в древности.

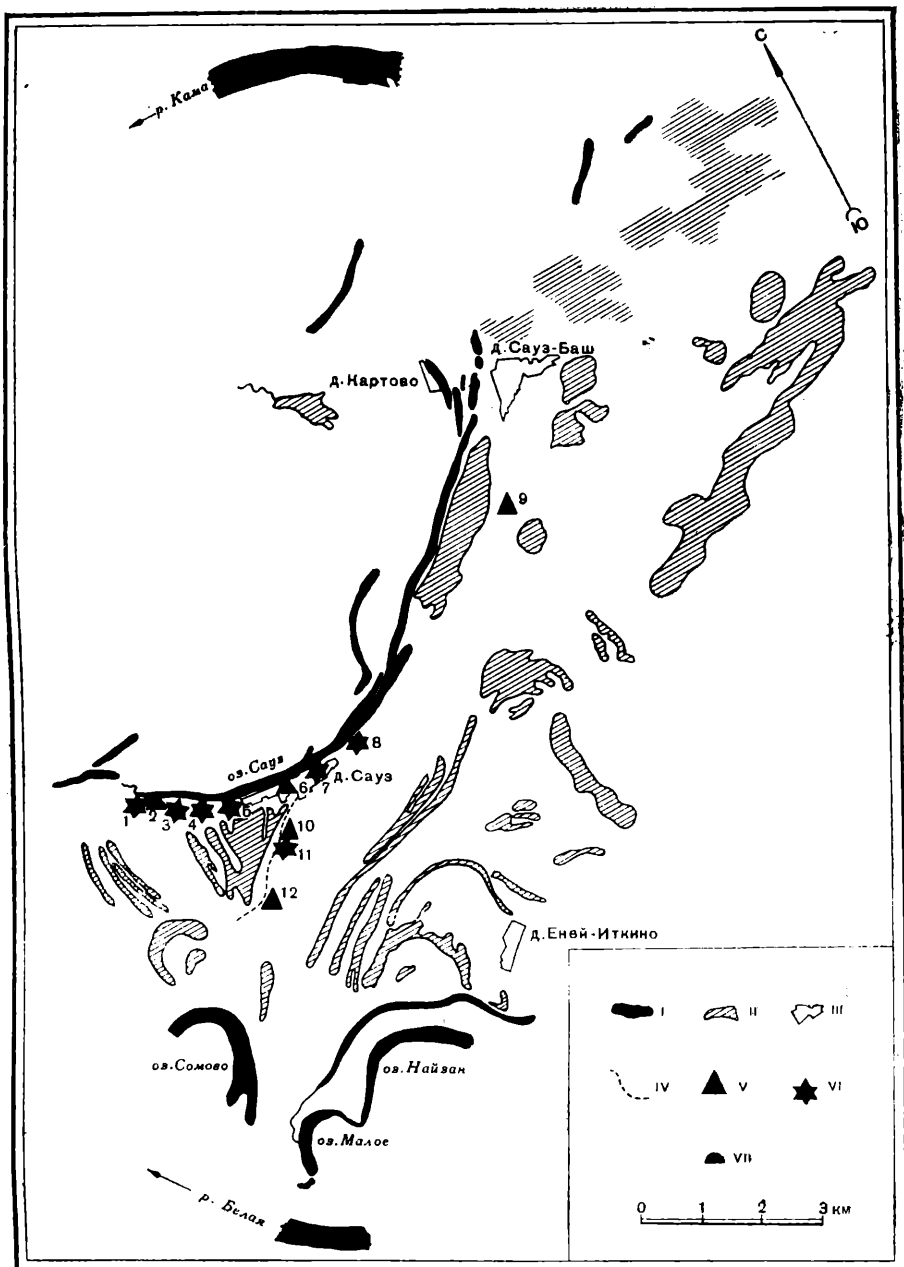

Рис. 49. Карта расположения неолитических памятников у оз. Сауз близ устья р. Белой.

I — озеро; II — болото; III — населенный пункт; IV — дорога; V — отдельные находки; VI — стоянки; VII — курганы. 1 — Саузовская II стоянка; 2 — курган на Саузовской II стоянке; 3 — Саузовская I стоянка; 4 — Саузовская III стоянка; 5 — Саузовская IV стоянка; 6 — Саузовское местонахождение отдельных предметов (у сельсовета); 7 — Саузовская V стоянка; 8 — стоянка Кутурган-Ерганак. 9 — местонахождение у Сауз-Баша; 10 — местонахождение Знырат; 11 — стоянка Знырат; 12 — местонахождение Шитка.

По объему земляных работ наиболее крупными были раскопки поселений эпохи бронзы. К ним относятся стоянки: Заюрчимская в Верхне-Муллинском районе (480 кв. м), Усть-Пальская (268 кв. м) и Гальянская (42 кв. м) в Осинском районе и Ерзовская (578 кв. м) в Частинском районе — отрядом В. П. Денисова; Камский Бор II (368 кв. м) и Камский Бор III (160 кв. м) близ Оханска — отрядом А. М. Ширинкиной; стоянки в урочищах «Чернашка» (538 кв. м) и «Старушка» (96 кв. м) в Частинском районе — отрядом А. И. Чистина; Смолокуренная стоянка (253 кв. м) в Осинском районе и стоянка II у лесного кордона (12 кв. м.) в Частинском районе — отрядом М. А. Бадера; Еловская (144 кв. м) — отрядом А. Д. Вечтомова.

Перечисленные поселения относятся к различным этапам местной, приуральской медно-бронзовой культуры турбинского типа⁶, но гораздо лучше, чем чувовские поселения, отражают связи с новыми соседями, придвинувшимися с юга и к середине II тысячелетия уже занимавшими Нижнее и часть Среднего Прикамья⁷. На Заюрчимском поселении, Камском Боре II и на «Чернашке» встречена керамика гаринского типа (с растительными примесями к глине и утолщенными венчиками) и единичные сосуды зауральского типа, с примесью талька в тесте; это позволяет относить стоянки к раннему этапу эпохи бронзы. «Тальковая» керамика найдена и на Усть-Пальском и Смолокуренном поселениях, а также на «Старушке», но на последнем памятнике она более позднего облика благодаря отогнутым венчикам. Каменный инвентарь большинства этих стоянок отличается богатством, что также служит доводом в пользу их большей древности: в трех жилищах на «Чернашке» найдено около 150 наконечников стрел, в одном жилище и около него на «Старушке» — более 60 стрел и т. п. Большая часть стрел — с усеченным основанием, но есть иволистные, ромбические и др.; стрелы с усеченным основанием, как уже указывалось⁸, не могут служить на Средней Каме столь надежным признаком относительно раннего возраста, как на Чусовой.

На поселениях этого раннего, ольховско-первомайского этапа на Средней Каме следы связей со степными и лесостепными племенами можно усматривать в примеси небольшого числа плоскодонных сосудов к основной, полуяйцевидной посуде; эта особенность выражена здесь гораздо лучше, чем на Чусовой. Так, на Заюрчимском поселении присутствие плоскодонных форм очень заметно; при этом плоскодонные сосуды сделаны из глины с растительными примесями, что позволяет считать их изготовленными на месте, а не привозными.

Но гораздо заметнее следы южных влияний на позднем, раздорновском этапе истории среднекамских племен; они выражаются в особенностях керамики и в обилии металлических вещей, в частности, абашевских типов.

К позднему этапу из числа исследованных в 1956 г. памятников можно предварительно отнести Усть-Пальское (жилище), Еловское и Ерзовское поселения и, условно, поселение в урочище «Старушка». Однако отнесение некоторых из них к числу позднейших нуждается в оговорах.

⁶ См. сб. «Труды Камской археологической экспедиции», вып. I. Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. IX, вып. 3, Харьков, 1953.

⁷ О. Н. Бадер. К изучению эпохи бронзы в Прикамье (Верх-Савинское погребение). Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. X, вып. 3, Харьков, 1956. В этом отношении очень большой интерес представляет типично балановская керамика, представленная в многокамерном жилище в раскопках В. П. Денисова на Буйском поселении на р. Вятке в 1956 г.

⁸ О. Н. Бадер и Б. Х. Кадиков. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Саралулом. СА, № 3, 1957, стр. 136—158.

Так, на Усть-Пальском поселении преобладает керамика неолитоидного облика по форме, примесям к глине и обработке поверхности, но относящаяся на Чусовой к концу эпохи бронзы⁹. Наличие этой керамики на Усть-Пальском поселении снова ставит вопрос о связи ее с особой этнической группой. Позднее бронзовое время Усть-Пальского жилища подтверждается найденными в нем медным втульчатым теслом и украшением в виде лунницы (рис. 47—2, 7).

Материальная культура поселения «Старушка» сложна; несмотря на присутствие «тальковых» сосудов и богатого кремневого инвентаря, здесь хорошо представлена керамика с растительными примесями, с прямыми и отогнутыми венчиками. Такая форма сосудов, наряду с обилием медных вещей и наличием среди них форм, близких абашевским (рис. 47—4, 5), заставляет относить памятник к концу II тысячелетия до н. э. Дальнейшее изучение поселения, возможно, позволит выделить на его площади два contemporaneous комплекса.

На перечисленных памятниках эпохи бронзы изучены остатки 14 жилищ. Они не вполне однородны, но все принадлежат к камским типам и, главным образом, к гаринскому; это короткие четырехугольные полуземлянки, связанные углубленными в землю переходами и составляющие как бы один комплекс из нескольких таких жилищ.

Среднекамские жилища отличаются от однотипных в Усть-Чусовском районе глубиной. Так, на «Чернашке» они достигают глубины 1, 8 м от современной поверхности, а на поселении Камский Бор II, судя по некоторым еще не исследованным впадинам, они были еще глубже; это уже не полуземлянки, а полные землянки. В остальном они вполне типичны для жилищ

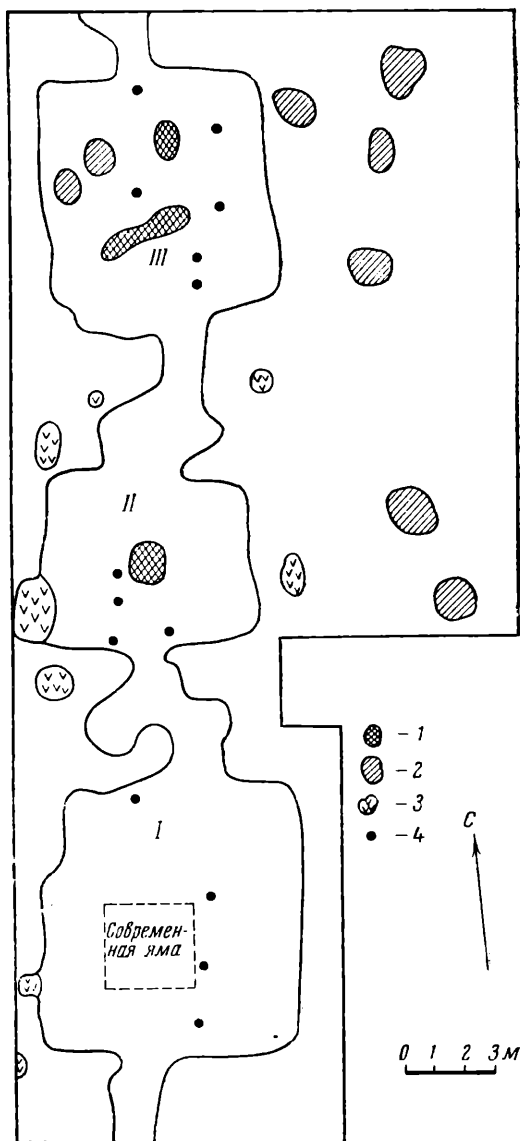

Рис. 50. Три соединенных землянки на поселении «Чернашка».

1 — очажные пятна-кострица; 2 — хозяйственные ямы;
3 — углистые пятна; 4 — столбовые ямы.

⁹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1952 году. КСИИМК, 55, 1954, рис. 49.

гаринского этапа на Чусовой. На «Чернашке» все три раскопанных глубоких четырехугольных (7×7 и 7×8 м) жилища были связаны глубокими переходами, имели по одному большому кострищу в центре (рис. 50); вокруг кострищ концентрировались находки, в особенности мелкие осколки и чешуйки кремня, и мелкие обломки пережженных костей. У краев жилищ, в их пределах располагались хозяйственные ямы. На поселении осталось еще четыре впадины нераскопанных жилищ.

К тому же гаринскому типу принадлежат все три жилища на Смолокурном поселении.

Но жилище № 2, вскрытое на поселении Камский Бор II, принадлежит к другому, борскому типу усть-чусовских турбинских жилищ: оно имело длину 20 и ширину 6—7 м, один выход на конце и четыре выхода или ниши по длинным стенам, симметрично расположенных попарно друг против друга; в жилище было три очага и три хозяйственные ямы. На поселении осталось еще 10—11 впадин нераскопанных жилищ, частью очень глубоких.

Различные размеры и форма двух вскрытых жилищ на поселении Камский Бор II коррелируются с их несколько различным культурным содержанием, указывающим на одновременность. Жилище № 1 — гаринской формы, среди керамики были сосуды, изготовленные из глиняного теста с примесью талька, поэтому оно представляется более ранним; жилище № 2 — борское по форме и размерам, среди находок есть некоторая часть очень интересной протоананьинской, или раннеананьинской, керамики.

Аналогичная картина наблюдается и на поселениях позднего этапа. На Еловском, предварительно отнесенном к позднему этапу, раскопано жилище гаринского типа с очень четкими очертаниями, размерами 8×6 м, с двумя очагами. На поселении остались не раскопанными еще 8—10 впадин.

Такое же жилище с одним кострищем у выхода изучено на поселении «Старушка». Судя по впадинам, более 10, видимо, аналогичных жилищ остались нетронутыми.

На Усть-Пальском поселении полуземлянка имела длину 11—12 м и ширину 5—6 м, два выхода на противоположных концах и два очага-кострища, расположенных по продольной оси жилища.

На Гальянской стоянке, где вскрыта пока лишь половина жилища, форма его осталась неясной.

Как известно, оба описанные типа жилищ существовали также на Нижней Каме¹⁰ и на смежном отрезке Средней Волги¹¹ на протяжении всей эпохи бронзы.

Существенная особенность поселений изучаемого района — это обилие находимых на них медно-бронзовых вещей¹². В 1956 г. на Заюрчимском поселении обнаружены четыре четырехгранных острия (шила или наконечники стрел) и большое (длиной 20 см) копье из красной меди. Последнее найдено в третьем, гаринском, культурном слое, в почти вертикальном положении, острием вниз, как будто оно было в свое время глубоко воткнуто в землю. Копье не литое, а кованное, что особенно хорошо видно на сравнительно узкой, несомкнутой втулке (рис. 47—6). Аналогичные наконечники копий известны из памятников балановского

¹⁰ А. В. Эбруева. Камская экспедиция 1946 г. КСИИМК, XX, 1948; ее же Камская экспедиция. КСИИМК, XXVI, 1949; ее же. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, XXXII, 1950.

¹¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Прикавказском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954.

¹² О. Н. Бадер и Б. Х. Кадиков. Указ. соч.

типа (Балановский могильник¹³, Ош-Пандо¹⁴) и дольменов Западного Кавказа¹⁵.

С помощью той же техникиковки сделано медное¹⁶ тесло, найденное в жилище Усть-Пальского поселения (рис. 47—7). Это орудие могло служить и топором, но за определение его как тесла говорит несколько скошенный профиль. Не вполне точной, но близкой аналогией ему служит втульчатое тесло из Сейминского могильника.

На дне той же усть-пальской землянки встречено оригинальное медное украшение в виде плоской лунницы с почти замкнутыми концами (рис. 47—2). Близкий ему, но более крупный кованый предмет из чистой меди найден нами в 1953 г. в одном из жилищ поселения «Выстелишна» на Чусовой, относящегося к самому концу гаринского этапа истории турбинского племени, т. е. примерно к XIII в. до н. э. (рис. 47—3)¹⁷. Эти вещи представляют своеобразную черту медно-бронзовой культуры Северного Прикамья. Нахождение на Усть-Пале лунницы, аналогичной выстелишнинской, подтверждает сравнительно позднее время Усть-Пальской стоянки — не раньше XIII в. до н. э.

Особенно богатым металлическими предметами оказалось поселение «Старушка». В первом же вскрытом жилище оказалось не менее 30 медных (?) предметов в большинстве плохой сохранности; среди них — четыре шипа, очковидная привеска и булавка со спирально-завитой головкой (рис. 47—4, 5). Уже само обилие металлических вещей в жилище указывает на относительно позднюю, развитую бронзу; подтверждением этому служат формы двух упомянутых украшений, наиболее типичные для абашевских комплексов. Последнее обстоятельство подкрепляет высказанное мнение о проникновении навыков плавки медистых песчаников с юга, от абашевских металлургов¹⁸.

Многочисленные находки в 1956 г. металлических предметов и их остатков вместе с уже упоминавшимися и частью изданными находками в жертвенном месте под Писаным Камнем, на поселениях Базов Бор¹⁹, Бор I²⁰, Боровое озеро II, Выстелишна, Нижне-Раздорное, Басенький Борок и др. свидетельствуют о значительном развитии металлургии в этих районах.

Экспедицией изучались также и ананьинские памятники. Получены некоторые новые данные к проблеме происхождения ананьинской культуры. В этом отношении интересно Заюрчимское и, в особенности, Ерзовское поселения. На первом из них культурный горизонт медно-бронзовой эпохи перекрыт ананьинским слоем, по предварительному определению относящимся к раннему этапу этой культуры. Определение характера взаимоотношений этих слоев будет одной из основных задач при дальнейшем изучении памятника. Интересно появление столь типичного для ананьин-

¹³ О. Н. Бадер. Археологические исследования Центрального Чувашского музея. «Сов. Музей», 1937, № 5.

¹⁴ П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 62—69.

¹⁵ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 5—35.

¹⁶ Химические анализы найденных в 1956 г. предметов еще не производились.

¹⁷ В эпоху железа близкие по форме украшения встречаются в некоторых могильниках Поволжья. См. П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

¹⁸ О. Н. Бадер. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. XI, вып. 3, Харьков, 1956.

¹⁹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, 51, 1953.

²⁰ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, XXXIX, 1951.

ско́й керамики «воротничка» под венчиком отдельных сосудов из среднего слоя Заюрчимской стоянки, относящегося к медно-бронзовой эпохе. Следовательно, этот характерный признак ананьинской керамики не явился в начале железной эпохи чем-то абсолютно новым в культуре Среднего Прикамья.

Выше упоминалось о наличии в жилище № 2 поселения Камский Бор II древнеананьинской или протоананьинской керамики. Она найдена в самом жилище вместе с турбинской (ананьинских — шесть сосудов, турбинских — восемь). Посуда сделана из глины без примеси раковин, как и турбинская, и отличается от нее отогнутым венчиком, в одном случае — «воротничком»; орнамент располагается в верхней части сосудов, из элементов узора хорошо представлен псевдо-шнур и ряды ямок. Материал жилища очень важен для проблемы ананьинского этногенеза.

Для Ерзовского поселения близ с. Частые, относящегося, по-видимому, уже к I тысячелетию до н. э. и к тому же по значительной высоте расположения похожего скорее на селище, наиболее характерна керамика с растительными примесями в глине, по форме приближающаяся к ананьинской, с намечающимся «воротничком» и шнуровым орнаментом, но с плоским дном и в общем не ананьинским, своеобразным орнаментом (рис. 48 — 2). Эти сосуды по профилю шеек, как и по составу глины с растительными примесями (без толченой раковины) — похожи на более архаичную толстостенную посуду позднебронзового облика из первых раскопок того же памятника (рис. 48 — 3); такие сосуды²¹ по составу глины и обработке поверхности близки местной керамике бронзовой культуры²², но несут следы влияния, вероятно, срубной культуры и вместе с кремневым инвентарем определяют относительно ранний возраст памятника.

Керамика Ерзовского поселения, по времени предшествующая ананьинской, является новым возможным ее прототипом. Учитывая же многочисленность открытых на Средней Каме ананьинских городищ и селищ, эта территория тем вероятнее выступает в качестве одного из основных районов раннего формирования ананьинской культуры.

Обнаруженные в Ерзовке три постройки, судя по сохранившимся их остаткам, по форме принадлежали к основному местному, гаринскому типу, но отличались от более древних местных жилищ; они очень слабо углублены, т. е. почти наземные. Первое из них — прямоугольное, размером 10 × 12 м, с двумя очагами в виде глинобитных прокаленных площадок диаметром до 2 м. Во втором аналогичном жилище было четыре таких же очага диаметром от 1 до 2 м. Оно соединялось коридором длиной 2 м с третьей прямоугольной постройкой размерами 6 × 6 м, но без очага. Иллюстрируя переход к наземному типу жилищ в начале I тысячелетия до н. э., остатки ерзовских построек делают понятным почти полное отсутствие следов жилищ в раскопках ананьинских поселений, связанное с трудностями фиксации остатков наземных построек вообще.

Отряд А. Д. Вечтомова, в задачи которого входило изучение ананьинских памятников, не обнаружил их; однако неизвестные ранее ананьинские городища выявлены отрядом В. А. Оборина, исследовавшего позднейшие памятники в районе г. Осы. Ананьинские слои содержат три из пяти городищ, расположенных на р. Сидяхе: I Больше-Никольское, I Мало-Никольское и II Мало-Никольское; на всех трех, помимо ананьинских, представлены и гляденовские слои.

В I Больше-Никольском городище, площадь которого равна примерно 3500 кв. м, в двух раскопах (36 и 64 кв. м) выделяются два слоя;

²¹ О. Н. Бадер и Б. Х. Кадиков. Указ. соч., рис. 9, 10.

²² Подобная же керамика найдена в 1956 г. на Заюрчимском поселении.

в нижнем встречалась ананьинская керамика с «воротничками», но основная масса ее относится, по-видимому, к раннегладеновскому времени.

На II Мало-Никольском городище, очень длинном и защищенном двумя валами, первым пробным раскопом в 36 кв. м, расположенным на самом мысу, установлено наличие ананьинского культурного слоя, в котором, кроме керамики, обнаружена бронзовая скифская втульчатая стрела.

На I Мало-Никольском городище, небольшом по площади и защищенном хорошо сохранившимся валом, в раскопе у вала (64 кв. м) встречены материалы ананьинского времени, а во втором раскопе, на мысу (48 кв. м) — только гладеновского.

Позднеананьинская керамика найдена и в раскопе (36 кв. м) на вновь открытом Мало-Никольском селище, где она перекрыта культурным слоем, относящимся к позднему железному веку.

Гладеновская культура наиболее полно представлена в раскопках Осинского городища (в г. Осе), произведенных отрядом В. Ф. Генинга. В двух раскопах общей площадью 234 кв. м собран обильный типично гладеновский материал и обнаружены следы нескольких жилищ; в одном раскопе пять глинобитных, обрамленных вертикально стоящими плитами очагов (контуры жилища не установлены); в другом — несколько таких же очагов и неподалеку край жилища четырехугольной формы, с двумя такими же очагами²³ и с кучей прокаленной гальки и угля в центре. В углу, в яме-кладовке обнаружено много обугленного зерна. Ориентировочные размеры жилища — 6 × 9—10 м. Рядом — край другой четырехугольной постройки.

Жилище Осинского городища имеет много общего с жилищами Федотовского городища близ Гладеновского костыща, изученными В. Ф. Генингом²⁴, но оно почти наземное, как бы переходное от федоровского типа к типу пьяноборских наземных жилищ Нижнего Прикамья.

В районе г. Осы отрядом В. А. Оборина выявлены также мало известные пока поселения харинского типа. Таково огромное по площади (около 40 000 кв. м), но бедное остатками II Больше-Никольское городище на р. Сидяхе, защищенное более чем 100-метровым валом. Единственной деталью, обнаруженной в пробном раскопе (36 кв. м), оказалась неглубокая (до 1,5 м) яма такого же диаметра; на дне ее вскрыты остатки кострища, керамики и костей. Красноватая керамика и общий облик памятника находят близкие аналогии на Опутятском городище близ Усть-Гаревой, на основании чего II Больше-Никольское городище может быть с уверенностью отнесено к харинской культуре.

Очень интересен Сайгаткинский могильник, одно погребение на котором было вскрыто в 1914 г. Л. А. Беркутовым²⁵. В раскопе площадью в 400 кв. м В. Ф. Генингом изучено 41 погребение. Скелеты лежали на глубине 0,5—0,6—1,0 м в могилах без курганных насыпей, вытянуто на спине, головой на северо-восток. Лишь в одном погребении скелет лежал на боку. Обнаружены следы деревянных колод. Захоронения были расположены параллельными рядами, местами очень близко друг к другу.

Особенность погребального ритуала заключалась в отсутствии вещей непосредственно на костяке: все они помещались справа от головы в берестяном сосуде. Лишь пояса с оригинальными металлческими накладками лежали вдоль левого бока погребенного. Часть могил оказалась без вещей. Своеобразные овальные фибулы размерами от 3—4 до 12 см, железные пронизки позднехаринского типа, бляхи из крупных раковин, короткие костяные трехгранные втульчатые стрелы, халцедоновые, из оранжевого

²³ Один из очагов, видимо, более ранний.

²⁴ См. О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

²⁵ Коллекции и архив Сарапульского музея.

стекла, посеребренные и золоченые бусы, проволочные подвески с напускной стеклянной бусой и другие вещи составляют в Сайгатке характерный комплекс, свойственный недавно выявленной, особой группе могильников мазунинского типа, относящейся к IV—VII вв. н. э.²⁶ Около 100 таких же погребений исследовано в Быргындинском могильнике против устья Белой и в Мазунинском на правом берегу Камы близ Камбарки. В мазунинских могильниках встречается круглодонная красная керамика, типичная для Чегандинского городища, но в Сайгаткинском могильнике керамика оказалась лишь в одном погребении и несколько иного, скорее неволинского типа (с примесью толченой раковины в тесте).

По предположению В. Ф. Генинга, мазунинские могильники представляют собою как бы периферийный вариант бахмутинской культуры бассейна Белой.

Как известно, на Средней Каме ниже Перми оставались не выявленными памятники позднего железного века (IX—XV вв.), что даже породило мысль о временном уходе населения²⁷. Разведочными работами КАЭ в 1949, 1951 и 1953 гг. между Пермью и Сайгаткой выявлены многочисленные городища (около 70), дата которых по малочисленным находкам керамики не устанавливалась до раскопок. Близость керамики к ломоватовской побудила автора предложить гипотезу о принадлежности их этнической группе, близкой носителям сылвенской культуры IX—XIV вв., выросшей на основе ломоватовской; керамика этих двух культур почти тождественна. Наиболее вероятная связь сылвенской культуры с упоминаемыми русскими источниками XVI в. сылвенскими остояками, отсутствие на Средней Каме следов родановской культуры древних коми-пермяков, малая вероятность обитания здесь предков удмуртов, наконец, богатая угорская топонимика этих районов²⁸ — делают наиболее вероятной принадлежность основной части среднекамских, в особенности же осинских городищ — угорскому населению, упоминания о котором, как о среднекамских остояках, есть в старинных русских документах²⁹.

Этой проблеме были посвящены в 1956 г. археологические раскопки нескольких осинских городищ отрядом В. А. Оборина, разведки Ю. А. Полякова по р. Тулве, дополнительные работы по топонимике краеведа и сотрудника КАЭ Ф. И. Петровых и антропологическая рекогносцировка Б. Н. Вишневого.

Раскопки пяти памятников на р. Сидяхе, как уже упоминалось, дали разнородный материал, но среди выявленных здесь культурных наслоений есть и позднейшие. Так, верхний слой I Больше-Никольского городища, судя по керамике, относится к ломоватовской эпохе или еще более позднему времени. Аналогичным образом датируется и соседнее, маленькое Туганаевское городище. К очень позднему времени относятся верхние горизонты Мало-Никольского селища и некоторых других из десяти новых селищ, открытых в 1956 г. в соседних долинах речек Сидяхи и Симаковки, впадающих неподалеку в Тулву. Но для более точной датировки этих и подобных им памятников необходимы дополнительные исследования.

Из 29 городищ и селищ, обследованных Ю. А. Поляковым в нижнем течении Тулвы, впадающей в Каму слева близ г. Осы, 27³⁰ относится к позднему железному веку; большинство по керамике ближе всего ломо-

²⁶ Дата нуждается в уточнении.

²⁷ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951.

²⁸ А. Ф. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губ. и последующая смена его пермским и русским народом. Зап. Уральск. об-ва люб. естествозн., XXXIX, 1924.

²⁹ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ КАЭ (1947—1952). Ученые записки Гос. ун-та (г. Пермь), т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 82—85.

³⁰ Исключая Гремячинское ананьинское и Пещёрское гляденовское городища.

ватовской культуре, но некоторые (например, I Гремячинское селище) производят впечатление еще более поздних. Следовательно, на Тулве повторяется та же картина, что и на большинстве осинских городищ и городищ берегов Камы.

Очень поздние культурные наслоения вскрыты в раскопках А. Д. Вечтомова на Мало-Слудском городище близ с. Дворцовая Слудка (ломоватовская культура?), на селище «Озерко» близ с. Частые (вероятно, II тысячелетие н. э.) и в верхнем слое Еловской стоянки; впрочем, на последней встречена керамика, близкая керамике некоторых бельских городищ, и бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифского типа.

Раскопки позднейших памятников железного века — одна из очередных задач экспедиции.

Следует остановиться и на результатах антропологической рекогносцировки среди татарского населения нескольких деревень на берегах Тулвы, т. е. в районе предполагаемых угорских, остяцких городищ и селищ преддрусского времени³¹.

Более 300 человек были исследованы на агглютинацию крови, из них 275 местных уроженцев татаро-башкир, остальные русские — для сравнения. Оказалось, что кривые группы крови у татаро-башкир (преобладание III группы) и русских (преобладание II группы) резко расходятся. Кривая, составленная для аборигенного населения Тулвы, почти полностью совпадает с аналогичными кривыми монголоидно-европеоидного населения Нижней Оби, в частности селькупов, данные по которым опубликованы Г. Ф. Дебецом. В тех же группах на Тулве обнаружены и некоторые другие признаки монголоидного комплекса («лопатовидные» зубы и крестцовые пятна у новорожденных). Полученные фотоснимки иллюстрируют поразительное сходство некоторых представителей населения Тулвы с обскими хантэ и манси.

На основании собранных материалов Б. Н. Вишневский на вопрос о возможности отнесения исследованного населения к числу потомков камских остяков дает положительный ответ, конечно, с оговоркой, что вывод этот предварительный. В свое время местное остяцкое население отатарилось и вместе с некоторыми прочими этническими группами Приуралья стало называться татарами.

³¹ Работы выполнены Б. Н. Вишневским попутно с археологическими разведками.

Г. И. АНДРЕЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ НА МЫСЕ СЕДЛОВИДНОМ
В УССУРИЙСКОМ ЗАЛИВЕ

Дальневосточная археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова проделала значительную работу по археологическому изучению Приморья. Обследованию подверглись известные уже памятники (раковинные кучи и остатки средневековых крепостей) и памятники, не известные до работ экспедиции, или те, материалы с которых были очень малы (Осиновка, Тетюхе, стоянки в устье р. Гладкой и ряд других). В результате работ получены данные, характеризующие различные этапы истории Приморья от позднего палеолита¹ до позднего железа.

Накопление материалов по отдельным культурам ставит на очередь вопросы периодизации некоторых из них. Так, при изучении культуры раковинных куч Южного Приморья сделана попытка выделения двух этапов в ее развитии; поздний этап отнесен мной ко времени VII—VI—III—II вв. до н. э.² Позднее, судя по всему, раковинные кучи на побережье и островах Южного Приморья исчезают³.

В связи с этим интересны некоторые поселения, расположенные на побережье и островах залива Петра Великого, обследованные А. П. Окладниковым и автором настоящего сообщения в 1953—1955 гг. По материалам эти поселения очень близки раковинным кучам позднего этапа, но на них не найдено остатков раковин, а керамика не совсем идентична керамике раковинных куч указанного времени.

Одно из поселений, располагавшееся на полуострове Большом острова Попова⁴, в настоящее время совершенно уничтожено «раскопками» мест-

¹ А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. По следам древних культур (от Волги до Тихого океана). М., 1954, стр. 227—260; его же. Археологические исследования в Приморье в 1953 г. Сообщения Дальневосточн. им. В. Л. Комарова филиала АН СССР, вып. 8, 1955, Владивосток.

² Попытка периодизации памятников Южного Приморья во II—I тысячелетии до н. э. сделана мной в докладе на заседании Ученого совета ИИМК АН СССР 11 апреля 1957 г., а также в статьях: «Поселение Зайсановка I в Приморье». СА, 1957, № 2, стр. 121—145 и «Некоторые вопросы культуры раковинных куч Южного Приморья». СА, 1958 г., № 4.

³ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до н. э. СА, XXVI, 1956.

⁴ А. П. Окладников. Отчет об археологических исследованиях на Дальнем Востоке в 1953 г. Хранится в архиве ИИМК, ф. I, дело № 830, стр. 8—9; Г. И. Андреев. Отчет о результатах разведок, произведенных Прибрежным отрядом Дальневосточной экспедиции на Побережье залива Петра Великого в 1955 г., стр. 26. Хранится в архиве ИИМК.

ных школьников. Другое, расположенное на м. Седловидном (Хангане), значительно разрушенное, обследовалось нами в 1955 г., причем обнаружены очень интересные и многочисленные находки⁵.

Мыс Седловидный (восточный берег Уссурийского залива) выдается в залив довольно узким и высоким полуостровом с крутыми обрывистыми берегами. Процесс разрушения мыса идет довольно быстро. Огромные глыбы скал вместе с культурными отложениями под воздействием различных природных факторов обрываются вниз. Скалы на значительную высоту выглажены волнами, что свидетельствует о постепенном отступании моря⁶ и вместе с тем о его разрушительной силе. Немалую роль в процессе разрушения мыса, а следовательно и поселения, сыграло и уничтожение кустарников; сохранившись лишь отдельными группками по краям обрывов, они не в состоянии укрепить слой почвы.

Самая оконечность мыса вытоптана и повреждена ямами, в результате чего обломки керамики, каменные грузила и другие предметы лежат на поверхности. В результате всех разрушений площадь стоянки не превышает теперь, вероятно, 100—150 кв. м.

Культурные отложения залегают под дерновым слоем (толщиной 8—15 см), в котором почти отсутствуют какие-либо находки.

Культурный слой слогаается из суглинка, иногда со вкраплениями мелкой щебенки; в нем в большом количестве найдены черепки глиняных сосудов, обломки и целые экземпляры топоров и тесел, долота и грузила, ножи и другие предметы.

На глубине 0,35—0,4 м от дневной поверхности культурный слой подстилает тонкая прослойка суглинка с включением щебенки, что является, вероятно, результатом разрушения материковой скалы.

Несмотря на то, что нами вскрыто всего около 10 кв. м при глубине культурного слоя 0,25—0,30 м, собрано большое количество керамики. Судя по профилям венчиков, обломки принадлежали более чем сорока сосудам, сделанным без гончарного круга. Тесто довольно плотное, с примесью песка и мелко дробленого камня. Обжиг, по-видимому, костровый, но достаточно хороший. Вся керамика тщательно лощена. Сосуды плоскодонные, причем дно обычно сравнительно небольшое. Переход днищ в стенки выполнен различно, так же как на сосудах (особенно миска) из Зайсановки I⁷ или из раковинных куч.

Сосуды различных форм и часто очень богато украшены (рис. 51). Судя по фрагментам венчиков, стенок и по сосудам, которые удалось восстановить, можно говорить о баночной, горшковидной, бомбовидной, реповидной формах. Кроме того, найдено много обломков мисок и тарелок. Размеры посуды колеблются, вероятно, в зависимости от ее назначения — от огромных реповидных сосудов до миниатюрных мисочек.

Некоторые формы сосудов с поселения на м. Седловидном совпадают с подобными же формами из раковинных куч (миски, тарелки, горшковидные сосуды и др.), но есть и такие формы, которые нам пока в раковинных кучах неизвестны. К последним следует отнести миски с пояском снаружи у венчика, реповидные сосуды, а также сосуды с обозначенным ребром.

Венчики ряда сосудов так же резко отогнуты или рассечены, как и венчики из раковинных куч позднего этапа. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что процент прилепных венчиков с поселения на м. Седловидном значительно ниже, чем в поздних раковинных кучах.

⁵ Отчет Г. И. Андреева, стр. 17—25.

⁶ В. К. Арсеньев. По Уссурийской тайге. Сочинения, т. I, Владивосток, 1947, стр. 2.

⁷ Г. И. Андреев. Поселение Зайсановка I в Приморье. СА, 1957, № 2.

Орнаментация сосудов на м. Седловидном так же, как посуды из раковинных куч производилась либо прочерчиванием, либо техникой налепов⁸.

Такие узоры, как ряды горизонтальных прочерченных линий (рис. 51—4, 9) или украшение горизонтальными налепными валиками (рис. 51—3, 5) очень близки подобным же на керамике из раковинных куч⁹, причем валики так же рассекались (рис. 51—6). Близки и такие узоры, в которых наблюдаются косые кресты, решетки и перпендикулярные налепные валики (рис. 51—16, 17), но на керамике из поселения на м. Седловидном их процент значительно выше.

Наряду с налепными ручками-ушками обычного типа, встречаемого в раковинных кучах¹⁰, на поселении обнаружено большое количество фрагментов с горизонтально расположенными подковообразными ручками без отверстий или с отверстиями как бы проколотыми иглой (рис. 51—3, 11). Подобные ручки пока не известны в раковинных кучах, но найдены в поселении на полуострове Большом острова Попова. Керамику этих двух поселений сближает и такой элемент, как утолщенный путем загиба глины внутрь венчик у мисок и тарелок, по которому группами по несколько штук нанесены небольшие ямки-точки (рис. 51—15); общими являются и такие приемы, как украшение сосудов различными бугорками и шишечками¹¹. Прием этот известен по керамике поселения на м. Седловидном и других поселений (рис. 51—3, 9), причем на м. Седловидном он получил большее распространение.

Обилен и разнообразен и каменный инвентарь. Топоры и тесла — шлифованные и прямоугольные в сечении; лезвия их или почти прямые (рис. 52—6, 10) или слегка закругленные (рис. 52—1, 2), но именно слегка, а не так, как у топоров и тесел из Зайсановки. Обушки также прямые или округленные (рис. 52—2, 6). В отличие от зайсановских, у которых стороны сужаются к обушку¹², у топоров и тесел из поселения на м. Седловидном, как и у подобных из раковинных куч, стороны идут почти параллельно друг другу (рис. 52—2, 6, 10). На поселении найдены также каменные шлифованные, почти квадратные в сечении долотца (рис. 52—8), такие же, как и в раковинных кучах позднего этапа¹³.

Из предметов вооружения обнаружены длинный узкий, шестигранный в сечении наконечник стрелы из темного шиферного сланца (рис. 53—3), наконечник копья (или нож) из того же материала (рис. 52—9) и обломок наконечника копья или дротика (рис. 52—5) из темно-серого кремнистого сланца, также типичные для раковинных куч¹⁴.

Вероятно, к предметам вооружения следует отнести и кинжал из темного шиферного сланца, превосходно отшлифованный с тщательно отделанной рукоятью (рис. 51—14). Длина его 16,5 см, но клинок обломан и отделан вторично. В первоначальном виде длина кинжала была, по видимому, 24—28 см. Рукоять и клинок ромбовидны в сечении. Каменные кинжалы подобного типа, подражающие бронзовым, можно сопоставить с бронзовыми кинжалами т. н. «скифского» времени¹⁵. Иными словами,

⁸ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до н. э. СА, XXVI, 1956, рис. 5, 6, 7.

⁹ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии... рис. 5, 6, 7; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч... рис. 1.

¹⁰ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии... рис. 4.

¹¹ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии... рис. 4, 6; 9, 1; 10, 10.

¹² Г. И. Андреев. Поселение Зайсановка I в Приморье. СА, № 2, 1957, стр. 126, рис. 4.

¹³ Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч... рис. 5, 6, 10.

¹⁴ Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч... рис. 5, 15.

¹⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XXV; Т. R. Martin. L'âge de bronze au Musée de Minoussinsk, Stockholm, 1893, см. табл. Тарарских бронз; Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Aschaeologia Orientalis, B series, vol. 1, Tokyo and Kyoto, 1935, Corpus II; pl. XXXIX.

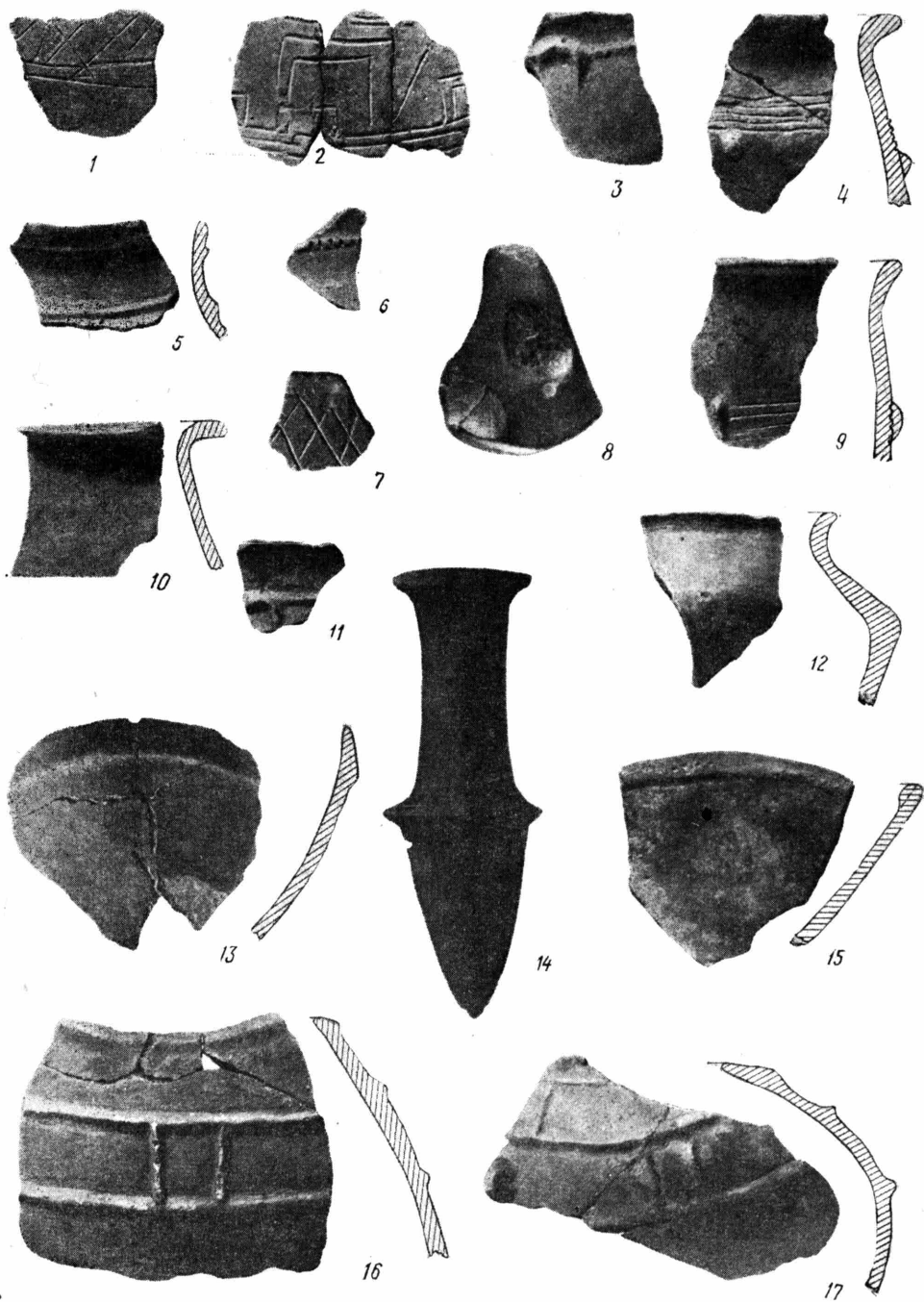

Рис. 51. Фрагменты керамики и каменные орудия.
 (1—7, 9—13, 15—17 — глина; 8, 14 — камень).

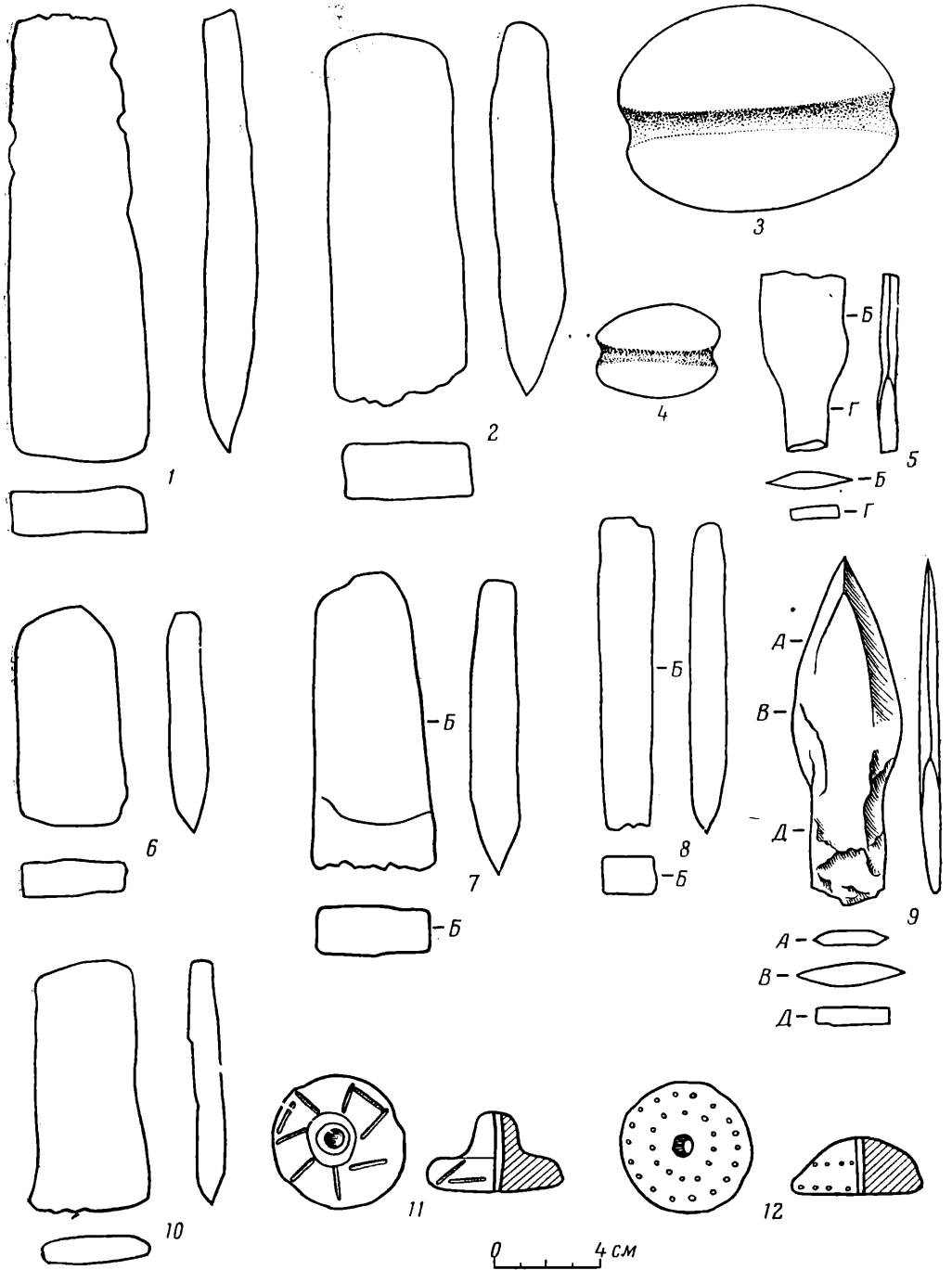

Рис. 52. Каменные и глиняные орудия.

(1—10 — камень; 11, 12 — глина).

они не могут датироваться ранее VII—VI вв. до н. э. Находки каменных кинжалов, подражающих бронзовым «скифского времени», известны в Коре, Северо-Восточном Китае (на территории бывшей Маньчжурии) и в Японии¹⁶, а также в раковинных кучах Южного Приморья¹⁷. На всех указанных территориях подобные находки относятся ко времени не ранее второй половины I тысячелетия до н. э.

К орудиям, связанным, вероятно, с изготовлением одежды и обуви из кож, относится утюжок или гладилка (рис. 51—8), служившая, по определению С. А. Семенова, для разглаживания швов. Рабочие поверхности сильно заполировались в результате длительного употребления. Вероятно, от длительного соприкосновения с руками заполировалась и та часть орудия, где сделаны выбоины, чтобы удобнее было его держать.

Из предметов украшений найдены каменные цилиндрические и боченковидные бусы (рис. 53—1, 2, 4, 5). Размеры их колеблются от 16 до 40 мм в длину и от 6 до 10 мм в диаметре. Канал сверлился с двух сторон¹⁸. Бусы обычно зеленого цвета, реже — серовато-зеленоватого и еще реже — голубого. Подобные бусы находят в раковинных кучах¹⁹. Известны они и из поселения на полуострове Большом. Наибольшее количество подобных бус отмечается в Японии в памятниках начала нашей эры, но это, как нам представляется, не может служить указанием на их столь позднюю дату для Приморья.

Из каменных изделий отметим находку нескольких грузил, которые хотя и различаются по размерам (рис. 52—3, 4), но все одного типа — желобчатые. При их изготовлении на круглых или яйцевидных гальках делался желобок (обычно по длинной оси гальки). В раковинных кучах наряду с этим типом встречались и другие грузила — из плоских галек с выбоинами с двух сторон, причем они были более распространенными.

Предметы вооружения (наконечники стрел, копий) служат доказательством того, что люди с поселения м. Седловидного занимались охотой, но наряду с охотой большую роль в хозяйстве играло и рыболовство (находки грузил). Однако отсутствие костей животных и рыб не позволяет говорить о том, на кого охотились и какие рыбы добывались.

Мы уже останавливались на орудии, связанном с обработкой кож, с изготовлением одежды и обуви. Находка пряслиц позволяет предположить, что одежды делались и из тканей. Пряслица — глиняные, округлые,

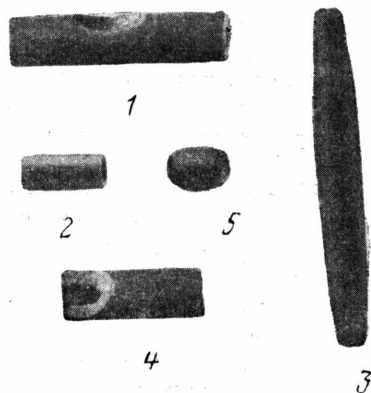

Рис. 53. Каменные бусы и наконечник стрелы.

¹⁶ А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. СЭ, № 4, 1946, стр. 24; Leroi-Gourhan. Archéologie du Pacifique Nord. Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie, vol. XLVII, 1946, Paris, стр. 286, рис. 434, 435.

¹⁷ М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря. Автореферат диссертации. Л., 1953; А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока... стр. 252; его же. Приморье в I тысячелетии... рис. 17, 1, 3.

¹⁸ По мнению С. А. Семенова, осматривавшего эти бусы, сверление производилось с помощью металлического сверла, а по мнению Г. Г. Леммлейна — алмазного. См. А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии... стр. 85.

¹⁹ А. П. Окладников. Отчет об археологических исследованиях на Дальнем Востоке в 1953 г. Хранится в архиве ИИМК.

но в сечении не одинаковы — одни сегментовидные, другие типа, опубликованного А. П. Окладниковым из раковинной кучи на м. Виноградном²⁰.

Таков комплекс находок из раскопок на м. Седловидном.

Анализ материалов показывает, что это поселение очень близко по материальной культуре поселению на полуострове Большом. Вместе с тем по керамике и по каменному инвентарю оба эти поселения очень близки раковинным кучам позднего этапа.

Отметим, что на м. Седловидном, неподалеку от поселения, есть небольшая с незначительным слоем (10—15 см) раковинная куча, но проследить соотношение между этими памятниками пока не удалось, так как раковинная куча полностью не вскрыта, а материал, полученный шурфовкой, оказался очень невыразительным.

Однако материалы, известные из других раковинных куч, и, в частности, из расположенной всего в 1,5 км от м. Седловидного²¹, позволяют сделать некоторые сопоставления.

Выше уже отмечалось, что в керамике, каменных орудиях и в украшениях есть очень много общих черт. Так же близки по своим формам и пряслица.

Исходя из анализа материалов раковинных куч обоих этапов, а также материалов раскопок на м. Седловидном, я считаю возможным исследуемое поселение связывать с раковинными кучами позднего этапа.

Конец существования культуры раковинных куч на побережье залива Петра Великого большинством исследователей этих памятников относится к до-ханьскому времени²². То, что на м. Седловидном как бы концентрируются признаки позднейшей культуры раковинных куч, возможно, говорит о том, что и поселение относится к самому концу этого периода или даже к несколько более позднему времени. Мне кажется, что памятники подобного типа следует, вероятно, относить ко второй половине I тысячелетия до н. э.

²⁰ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии... , рис. 13, 9.

²¹ Речь идет о раковинной куче между м. Седловидным и пос. Южным, раскопанной Ж. В. Андреевой в 1955 г.

²² Г. И. Андреев. Керамика Приморья и Приамурья до XIII в. н. э. Дипломная работа, защищенная на кафедре археологии Истфака МГУ в мае 1953 г. Хранится на кафедре археологии Истфака МГУ; А. П. Окладников. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг. Сб. статей по истории Дальнего Востока, М., 1958, стр. 65.

П. П. ЗАКАРАЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЛЫХ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
ГОРОДИЩА УРБНИСИ

Археологическими раскопками 1953—1954 гг. экспедиции Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа было начато изучение территории городища Урбниси (рис. 54), на месте которого существует и ныне деревня.

Историко-археологическое изучение городищ в Грузии начато не так давно, но и за это время достигнуты значительные результаты. Раскопки таких городищ как Дманиси, Багинети, Рустави, Уджарма, Цицамури, Саркинети, Вашнари, Бичвинта и др. вписали новые страницы в историю Грузии. Собранные материалы дают ценные сведения для изучения экономики, социальной, политической и культурной жизни страны.

По историческим данным¹ город Урбниси относится к античному времени и раннему средневековью. Он был разрушен в VIII в. но сохранились вал и ров, окружающие город, большая трехнефная базилика V—VI вв. и некоторые другие объекты.

В настоящей статье рассматриваются в основном жилые и оборонительные сооружения.

Город был расположен на высоком, ровном левом берегу Куры и занимал около 23 гектаров. Здесь берег реки очень крут — высота обрыва достигает нескольких десятков метров (рис. 55—1). Эта естественная преграда частично защищала город со стороны реки, остальные подступы были искусственно укреплены: город охватывал почти полукольцевой ров, параллельно ему шел земляной вал. Со стороны реки ненадежные участки также были укреплены.

Вал разрезан нами в четырех пунктах, и со стороны обрыва — в двух пунктах. Каждый из этих разрезов дает различный материал, но все же восстановить общую картину системы укрепления можно.

В западной части вал лучше сохранился (свыше 300 м), остальная часть его почти уничтожена.

Разрез 3 (рис. 56—1) доведен до глубины 6 м, но материк не обнаружен. На расстоянии 1,5 м от центральной оси вала внутрь города начинается сырцовая стена, которая тянется на 6 м; верхняя часть ее скрыта, оставшаяся же часть достигает в высоту 4 м. Основанием стены местами служит слой булыжника. К стене снаружи присыпана земля, извлеченная из рва. В насыпи прослеживаются слои гравия и земли.

¹ Карглис цховреба (Список царицы Анны). Тбилиси, 1942, стр. 12, 54 (на груз. яз.).

Разрез 2 (рис. 56—II) вскрыл в толще вала тоннель (0,4 × 0,5 м в сечении), выложенный тесанным камнем на известковом растворе, построенный с наклоном к городу. В настоящее время конец тоннеля со стороны города находится на глубине 2 м. Вероятно, это водосток, предназначенный для орошения.

В восточной части городища вал почти совершенно разрушен, но ров сохранился хорошо. Здесь в 1951 г. найдены фрагменты водопроводных глиняных труб. Две трубы разных размеров были вставлены в известковый раствор. Видимо, водопровод состоял из двух параллельно проложенных труб. Целиком замурованные в известковый раствор, водопроводные

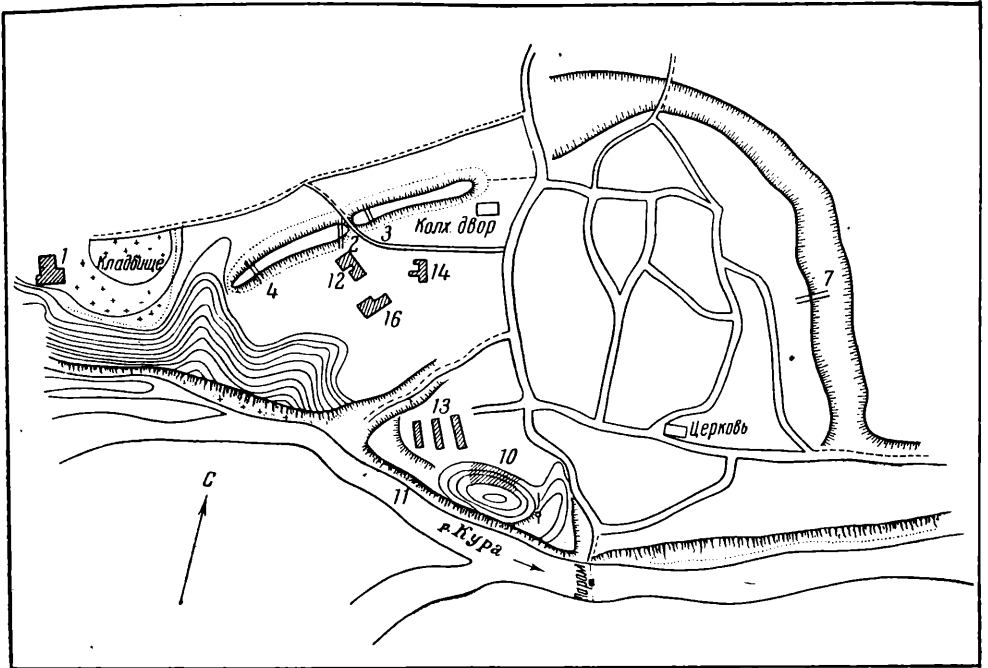

Рис. 54. Схематический план селения Урбниси.
(Цифрами отмечены раскопы)

трубы, на территории Грузии зафиксированы в нескольких местах: в Тбилиси, Надарбазеви (Тетрицкарыйский район), Кутаиси и др. Водопровод Надарбазеви относится приблизительно к X—XIII вв.²; что же касается датировки урбнисского, то пока для этого нет еще достаточных данных.

В раскопе 4, глубиной 7 м, материк еще не вскрыт (рис. 56—III). Здесь конструкция оборонных сооружений мало чем отличается от обнаруженных в двух предыдущих разрезах. Часть сырцово-кирпичной стены, шириной приблизительно в 2 м, опирается на слой булыжника. К стене снаружи присыпана земля из большого рва. Внизу, приблизительно на высоте 2 м, насыпана земля, затем слой гравия толщиной в 0,3—0,6 м, далее следует три слоя замешанной глины (толщиной 1,6 м и два по 0,5 м). Над стеной и этими слоями есть еще толстый слой замешанной и утрамбованной глины, твердостью не уступающий сырцу. Все это сверху и с боков засыпано землей. Со стороны города замешанная глина не встречена.

² И. Цицишвили. Водопровод в Надарбазеви. Сообщения АН Гр. ССР, т. XI, № 8, 1950, стр. 527—534.

В центре вала на глубине 7 м встречено детское погребение. Несколько таких погребений найдено вне городища. Рядом, немного выше, найдено грунтовое погребение взрослого. Оба скелета ориентированы на восток.

В западной части города на гребне вала заметны шесть возвышений, расположенных на расстоянии в среднем 60 м друг от друга, что отчасти выявляет конструкцию первоначальной сырцово-кирпичной ограды.

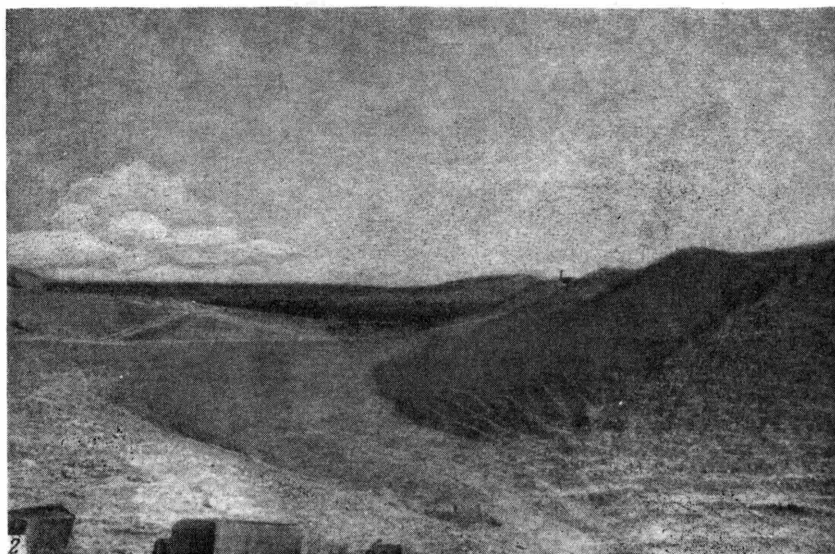

Рис. 55. Общий вид городища Урбниси с запада (1) и западная часть городища с валом и рвом (2).

Со стороны реки выявлена сырцовая стена (рис. 57—2). Размеры сырца, использованного как на валу, так и здесь, колебались между 44 и 51 см, а толщина — между 8 и 11 см. Часто встречается кирпич квадратной формы, но в основном кирпич разнороден (разница достигает 5 см).

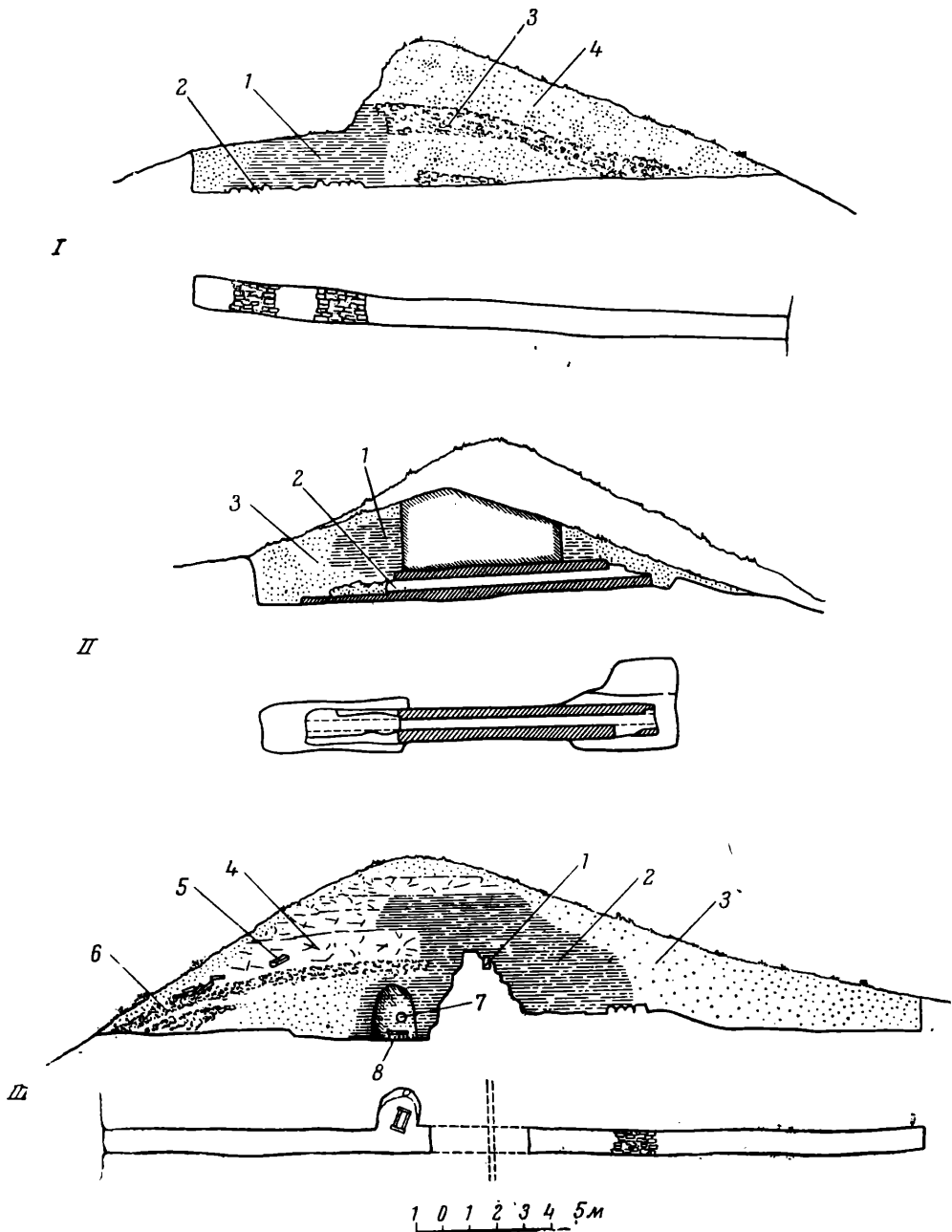

Рис. 56. Разрезы вала городища Урбниси.

I — разрез 3; 1 — сырцовая стена; 2 — слой булыжника; 3 — гравий; 4 — земля. II — разрез 2: 1 — сырцовая стена; 2 — канал; 3 — земля. III — разрез 4: 1 — канавка; 2 — сырцовая стена; 3 — земля; 4 — замешанная глина; 5 — бревно; 6 — гравий; 7 — грунтовое погребение; 8 — детское погребение в камере из обожженного кирпича.

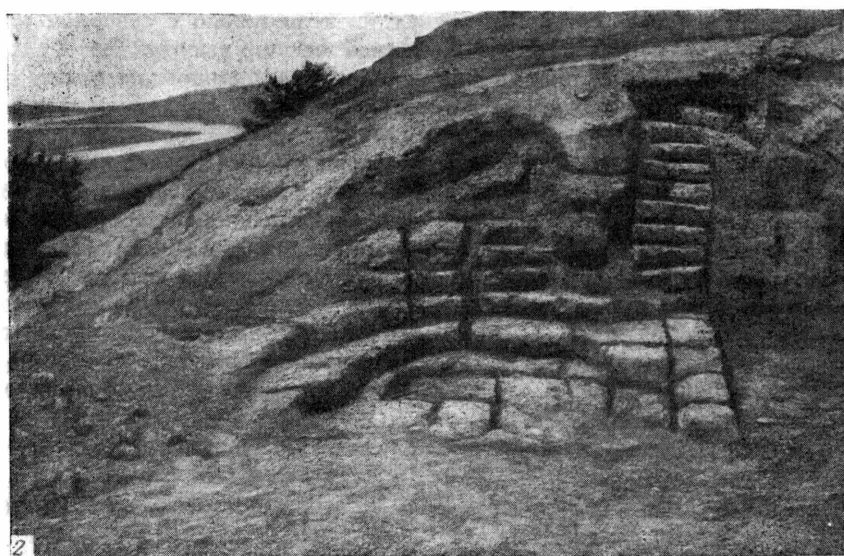
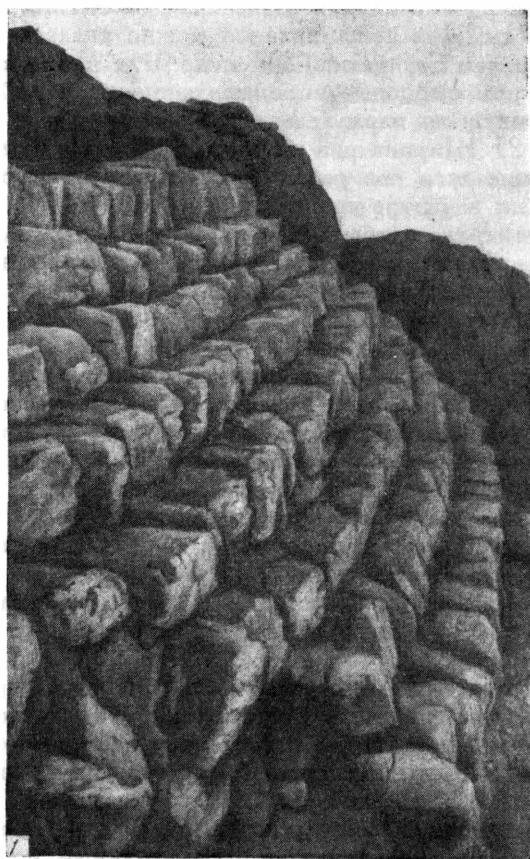

Рис. 57. Холм «Хизанаант гора», западная часть (1) и сырцовая стена в южной части городища Урбниси (2).

Встречаются также полукирпичи размерами: 23×40 см; 24×45 см и др. Для связки сырцовой кладки везде применяли глину; толщина промазки от 1,5 до 3 см. Для сопоставления можно указать лишь на такие древние памятники, как Багинети, Гори и др., где в отличие от Урбниси применены в основном сырцовые кирпичи, размером в 52×52 см³.

Раскопки рва, идущего параллельно городскому валу, еще не произведены (рис. 55—2). Ширина рва на западе и востоке колеблется между 30—40 м. В середине дуги ров расширяется и в центре он в три раза шире, чем на концах; в центре уровень его выше.

В западной части вала не было ворот, и его высота на этом отрезке одинакова. Вероятно главный вход в город был со стороны Куры.

Основание Урбниси на ровном месте, что требовало сложных укреплений, вероятно, следует объяснить существованием здесь торгового пути и своеобразием экономики края.

Не разрешен вопрос постройки сырцовых стен. Грузия богата камнем и все же строили стены из сырца. Археологические раскопки показали, что при возведении городских стен и в рабовладельческую эпоху частично применяли сырец. Из таких городов пока выявлены Багинети, Гори, Цицамури, Саркинети и Мцхета.

Судя по сведениям различных письменных источников, в средние века города также иногда окружали сырцовой стеной. Отметим сведения, которые дают арабские путешественники Истахри в 930—33 гг. и Абулкасим Ибн-Хаукал — во второй половине X в. Они указывают, что город Тбилиси был окружен «двойной стеной из глины»⁴. Эти стены до нас не дошли.

Кроме этого, летописец XIII в.⁵ и Вахушти, историк первой половины XVIII в.⁶ рассказывают, что недалеко от Мцхета существовала «Белтисцихе», что в переводе значит: «Крепость из глыб земли». По нашему мнению, это значит, что стены крепости были возведены из сырца.

В нескольких документах начала XIX в. указывается место близ дер. Хелтубани (Горийский район), называемое тоже «Белтисцихе».

Интересен холм «Хизанаант гора», расположенный почти посередине городища, у берега р. Куры. В первые века нашей эры он использовался как защитный и наблюдательный пункт. С этой целью с северной и восточной сторон холм был окружен каменной стеной высотой до 3 м. Над каменной стеной идет сырцовая кладка, которая целиком окружает холм (рис. 57—1). Можно полагать, что возведение этих стен относится к начальным векам н. э.

Раскопки на территории городища выявили несколько культурных слоев, что свидетельствует о длительном существовании города. Раскопки произведены в основном в западной части. Наибольший раскоп находится рядом с валом (раскоп 12). Здесь, уже на глубине 15—20 см найдены фрагменты керамики и черепицы. Выявлены фундаменты четырех помещений. Три из них одновременные, четвертое построено раньше и находится под ними. Между верхним и нижним фундаментами был слой золы и угля (толщиной 0,3 м) с пережженными обломками керамики, костей, штукатурки, дерева и др. Оба строительных слоя принадлежат к раннефеодальной эпохе.

³ И. Цицишвили. О линейных мерах древней Грузии. Сообщения АН Гр. ССР, т. IX, № 5, 1948, стр. 329—332.

⁴ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане, I. Ал-Истахри. «Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа», вып. 29, стр. 11. Тифлис, 1901.

⁵ Картлис цховреба (Список царицы Анны), стр. 239.

⁶ Вахушти. Описание Царства Грузинского. Тбилиси, 1941, стр. 42 (на груз. яз.).

На глубине 1,5 м залегал стерильный слой толщиной 0,5 м, ниже которого найдены фрагменты керамики красного обжига, античного типа. Этот слой продолжался до материка (до глубины 2, 4 м).

На раскопах 13, 14 и 16 выявлены слои золы и угля, фундаменты домов; найдены фрагменты красноглиняной керамики, черепиц, обломки стеклянных сосудов и полуфабрикаты. Здесь, где-нибудь поблизости, вероятно, располагалась стеклоделательная мастерская.

На всех раскопах обнаружены фундаменты домов, выложенные из булыжника, в основном, в один слой. Стены домов толщиной 0,6—1 м возводились из сырцовых кирпичей. Дома прямоугольные, в них по несколько комнат. Сохранились остатки очагов, а также ямы разных размеров; верхний диаметр обыкновенно равнялся 0,6 м, а нижний — 1,2 м; максимальная глубина — 2 м. Такие ямы использовались прежде в Картли для хранения зерна. Но в южных районах они больших размеров и внутренние стены складывались из камней, в северной части Картли ямы делали меньших размеров и обкладывали внутри соломой.

В некоторых жилищах встречены остатки больших кувшинов, а в двух местах их обнаружено несколько, что указывает на существование винного погреба. Количество и размеры кувшинов, несомненно, свидетельствуют о широком развитии виноградарства и виноделия.

В некоторых участках города обнаружено по несколько слоев сооружений: верхний слой на глубине 0,3—0,5 м, фундаменты домов на всех раскопах находятся в среднем на 0,5 м друг от друга; нижний слой обнаружен на глубине 3 м, что указывает на долгое существование города.

Археологический материал в основном принадлежит раннему средневековью, а часть — античному периоду.

Такие же фундаменты домов, как на территории города найдены к западу от него, высоко над Курой. Здесь раскопана довольно большая территория (раскоп 1). В верхнем слое, на глубине 0,3—0,4 м обнаружены выложенные из булыжника части фундамента стен. Фундаменты, выявленные в двух комнатах, опираются на грунт, в остальных — на культурный слой. В верхнем слое в комнатах найдены фрагменты обвалившихся стен и обломки керамики розового цвета, что характерно для раннефеодальной эпохи.

Находившийся под этим слоем второй культурный слой характеризуется остатками построек, стены и пол которых были обмазаны глиной. Тут найдены фрагменты красной и чернолощенной керамики.

Как выяснилось, этот участок в первых веках нашей эры был превращен в могильник.

От городских монументальных построек на поверхности почти в центре города сохранилась церковь.

По архитектурному типу она принадлежит к трехнефным базиликам. Этот архитектурный тип в Грузии был распространен в основном во второй половине V в. и в первой половине VI в.⁷ Церковь на основании архитектурно-художественного анализа датируется гранью V—VI вв. и принадлежит к той группе памятников, в которой главное место занимает знаменитый Болнисский Сион⁸.

Из многочисленных надписей на стенах храма надпись северного фасада по палеографическим данным датируется рубежом V—VI вв. В ней говорится, что строителями храма являются некий Константин (местный феодал?) и духовное лицо Микель.

⁷ Г. Н. Чубинашвили. История грузинского искусства, т. I. Тбилиси, 1936, стр. 49 (на груз. яз.).

⁸ Г. Н. Чубинашвили. Болнисский Сион. Тбилиси, 1940.

Храм неоднократно подвергался разгрому иноземными захватчиками. Но так как здесь находилась важная епископская кафедра, его всегда восстанавливали. Эти реставрации исказили первоначальный вид постройки⁹. Особенно большие работы по восстановлению храма вел епископ Федор в X в. (надпись над проемом южной двери).

В средние века опустошительные нашествия разных вражеских войск превратили храм в руины. Надпись 1668 г. на тимпане южной двери рассказывает о колоссальной работе, произведенной на средства жены царя Ростова (1634—1658) царицы Марии. К этому периоду относится почти целиком верхняя часть храма и отдельные ремонты в разных местах.

В начале XVIII в. широкую строительную деятельность развивает царь Вахтанг VI. В надписи на западном фасаде трехэтажной колокольни говорится, что здесь были воздвигнуты колокольня, ограда, палаты и другие здания, однако до наших дней сохранилась только колокольня.

Археологическими работами удалось проверить правильность сведений многих летописцев, главным образом после раскопок в Багинети, Цицамури, Саркинети и др. Дальнейшие исследования в Урбниси несомненно расширят наше представление о ранних городах Грузии.

⁹ С историей Урбнисской церкви и ее древностями частично можно познакомиться в следующих книгах: Dubois. Voyage autour du Caucase. Paris, 1839, т. III, стр. 183—184; Grosset. Voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie; rapports VI, СПб., 1851, стр. 13—19; Бакрадзе. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875, стр. 151—162; Н. Кондаков. Русские древности, вып. IV, стр. 73; П. Уварова. Материалы по археологии Кавказа, вып. IV, стр. 141—145; Г. Чубинашвили. История грузинского искусства, т. I, 1936, стр. 49 (на груз. яз.); Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 106, 108, 109.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

В. И. МАРКОВИН и М. И. ИСАКОВ

ДРЕВНЯЯ КОСТЯНАЯ СТАТУЭТКА ИЗ ДАГЕСТАНА

Среди археологических коллекций в Дагестанском краеведческом музее (г. Махачкала) хранится интересное скульптурное изображение женщины, держащей в руках ребенка (инв. № 3871). Время и место ее нахождения неясны. По словам художника М. А. Джемала, большого знатока и любителя старины, она найдена в 1924 г. в окрестностях г. Буйнакса. В паспорте, составленном в 1944 г. научным сотрудником музея М. И. Тесленко, указано, что статуэтка найдена в могиле в Нагорном Дагестане экспедицией в 1924 г.; в 30-х годах статуэтка осматривалась Б. Е. Деген-Ковалевским и, по его мнению, находка этой фигуры в могиле сомнительна, — скорее она происходит из какого-то святилища.

Статуэтка вырезана из эпифиза трубчатой кости крупного животного. Длина сохранившейся части — 11 см, ширина — 6 см (рис. 58). Статуэтка сильно попорчена, нижняя часть ее обломана и не сохранилась, поэтому судить о технике исполнения трудно. Статуэтка представляет собой очень схематичное изображение человеческой фигуры, обеими руками прижавшей ребенка к правой стороне груди. Лицо выполнено очень грубо: глаза намечены в виде выпуклых валиков с прорезями, нос едва выступает, рот и губы переданы в виде овальной выпуклости. Уши не обозначены, лоб сильно скошен, затылочная часть резко выступает. Резчик сумел передать характер головы со следами циркулярной деформации¹. Вероятно, это был такой яркий признак, что несмотря на схематическую передачу лица, конфигурация головы особо отмечена исполнителем. У ребенка на месте лица лишь неясные врезы. Статуэтка лишена ярких признаков женского пола (грудь не обозначена), но поза фигурки, ребенок в руках свидетельствуют о том, что изображена женщина (рис. 59—1).

Статуэтка не может быть сопоставлена с палеолитическими изображениями женщины, последние характеризуются отсутствием лица, суммарной трактовкой головы, подчеркнутыми, даже утрированными признаками пола. К тому же среди подобных фигурок неизвестны женские изображения с ребенком на руках².

Сопоставление с трипольскими статуэтками и близкими им, найденными на Кавказе (у г. Дербента³, на Агубековском поселении⁴, на Кюль-

¹ Е. И. Жиров. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 84—85.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 382 и сл.

³ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане. Протоколы Подгот. Комитета V. АС, М., 1879, стр. 571, табл. XVI.

⁴ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 54—55, рис. 3, 1.

Тале⁵ и др.), также не приемлемо. Статуэтки Триполья и близкие им сильно стилизованы, часто снабжены отверстиями, головы оформлены в виде выступа (исключение составляет статуэтка из с. Владимировки на Украине, прекрасно передающая черты лица).⁶

Предмет, напоминающий публикуемый нами, мы встречаем среди материалов иранского энеолита. При раскопках северного холма Тепе-Сиапка обнаружен предмет из кости — рукоять для какого-то орудия из кремня (длина 128 мм, а в целом виде, предположительно, 180 мм). Рукоять представляет собой фигурку человека, сложившего руки на животе,

Рис. 58. Костяная статуэтка из Дагестанского музея.

словно поддерживающего руками одежду, состоящую из набедренной повязки. Статуэтка выполнена очень схематично: голова конической формы только намечена, лицо не детализовано, руки переданы схематично, ноги не расчленены, только слегка подчеркнуты выпуклости колен. Р. Гиршман предполагает, что статуэтка изображает человека в позе восточного приветствия (рис. 59—2)⁷. Рукоять найдена в самых нижних слоях древнего периода I, 1, который может быть отнесен ко второй половине V тысячелетия до н. э.⁸ Дагестанская статуэтка напоминает эту находку; возможно, это также была рукоять или навершие какого-либо орудия. Однако статуэтка из музея г. Махачкала изображает человека с ребенком на руках, лицо отработано более тщательно, а для объяснения конической формы головы наличием шапочки, как это делает Р. Гиршман для иранской фигурки, нет никаких оснований.

И хотя публикуемая статуэтка по стилю близка иранской, это еще не дает права отнести ее к глубокой древности, как находку из Тепе-Сиапка. Но надо отметить, что наличие в Дагестане энеолитических памятников (Кая-Кент), бли-

зость их к кругу куро-араксинского энеолита⁹, наличие энеолитических традиций в дагестанской керамике эпохи бронзы¹⁰ позволяют все же говорить о значительной древности предмета.

Интересно сопоставить костяную фигурку с более поздними скульптурными изображениями человека. В Дагестане известны бронзовые статуэтки из культовых мест в высокогорных районах (Арчо, Согратль, Дидо и др.), датируемые около V в. до н. э. Признаки пола у этих статуэток тщательно подчеркнуты, туловище отделяется от головы ясно выраженной шеей, на руках всегда обозначены пальцы. Для некоторых

⁵ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, табл. 2.

⁶ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 92, рис. 48, 2.

⁷ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan. 1933, 1934, 1937, v. I. Paris, 1938, Pl. VII, LIV, 1, стр. 17—18.

⁸ Там же, стр. 89.

⁹ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 5 и сл.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 84, 86—88.

таких статуэток характерна утрировка отдельных частей (руки, голова и пр.), но отдельные выполнены с большим реализмом и мастерством¹¹. Подобные статуэтки известны из Кабарды, Осетии, Закавказья. Публикуемая статуэтка, несмотря на ряд резких отличий (иная трактовка

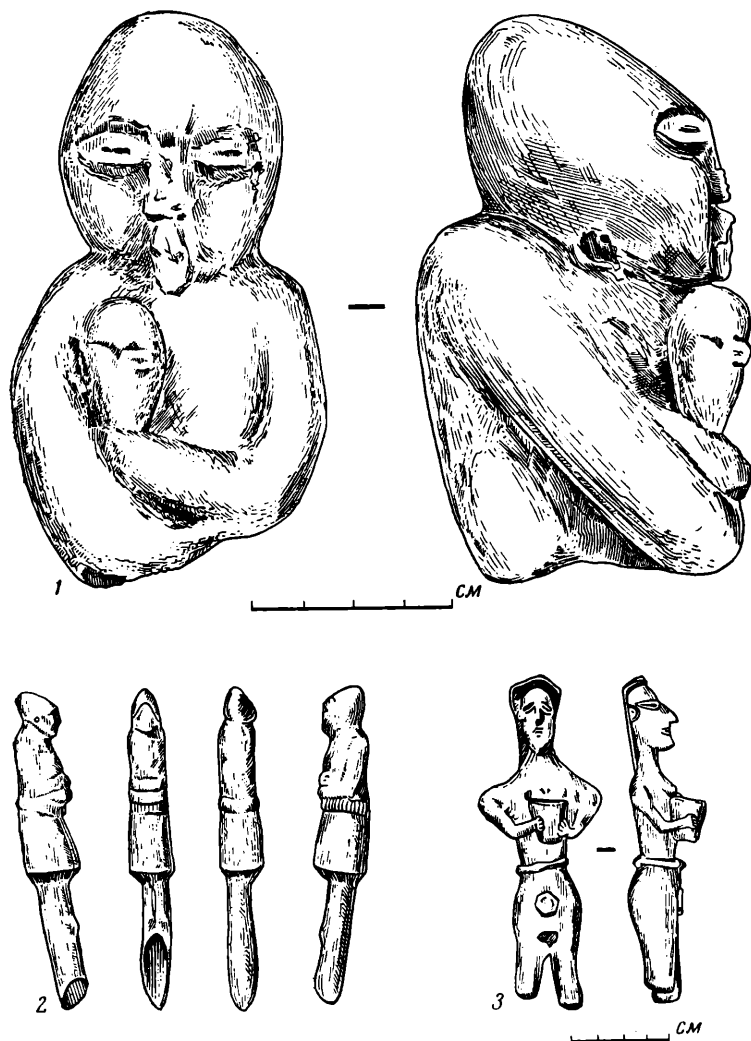

Рис. 59. Костяные и бронзовая статуэтки.

1 — из Дагестанского музея; 2 — из Тепе-Сивака (по Р. Гиршману); 3 — бронзовая из Дагестанского музея (инв. № 1974).

фигуры, пропорции), имеет черты сходства с некоторыми культовыми бронзовыми статуэтками. Так, глаза у наиболее крупных бронзовых фигурок трактованы так же: в виде выпуклых валиков с прорезьями, покатошь лба также напоминает статуэтки из бронзы (рис. 59 — 3)¹². Это, пожалуй,

¹¹ Северо-Кавказская 1 экспедиция. КСИИМК, вып. 1, 1939, стр. 28, рис. 6; А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, XII, 1946; И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо. СА, XV, 1951.

¹² А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 35, рис. 14; Alexis Zakharov. Material for the archaeology of the Caucasus. «S wiatowit», t. XV. Warszawa, 1933, стр. 85, рис. 90—91.

может свидетельствовать о местном происхождении статуэтки из кости. Однако среди бронзовых культовых статуэток Дагестана почти неизвестны изображения человеческих фигур с детьми, за исключением неясного указания на находку, происходящую из бывшего Гунибского округа; она представляет сидящую на стуле женщину, которая кормит грудью младенца. По мнению Д. Н. Анучина¹³, это — Астарта (финикийская), богиня плодородия; к сожалению, находка не издана. Известно изображение женской фигуры с ребенком из Кобани (Сев. Осетия)¹⁴.

Как мы упоминали, древний скульптор сумел отобразить деформированный череп. На Северном Кавказе деформированные черепа известны из аланских погребений, но деформация у алан дает более высокие черепа. Голова костяной статуэтки ближе всего напоминает деформированные черепа из катакомбных погребений эпохи бронзы на р. Маныч¹⁵, где этот обычай возник довольно рано. Для погребений эпохи бронзы из Дагестана пока известен только один череп с подобной деформацией (из кургана у ст. Манас). Следы явной деформации несут и более поздние, указанные выше бронзовые статуэтки из культовых мест (рис. 59—3).

Статуэтка из махачкалинского музея не находит прямых аналогий в кавказских памятниках, однако она не может быть не учтена в общем ходе развития местной скульптуры. Типологическая близость ее к статуэтке из Тепе-Сиаалка свидетельствует об относительной древности. Это позволяет поставить костяную фигурку по времени перед бронзовой скульптурой культовых мест Дагестана. Пожалуй, не будет большим преувеличением датировка ее, конечно только ориентировочная, поздним энеолитом.

¹³ Д. Анучин. Доисторическая археология Кавказа. Журнал Мин. нар. просвещения, ч. ССХХI, янв. 1884, стр. 223.

¹⁴ МАК, VIII, М., 1900, стр. 64, рис. 59.

¹⁵ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. СА., IV, 1937, стр. 103—104, 123, рис. 47.

Ю. В. КУХАРЕНКО

ШИРОКОПЛАСТИНЧАТЫЕ ФИБУЛЫ

Среди большого количества пластинчатых фибул, найденных на территории Украины известно четыре несколько необычной конструкции. Две из них обнаружены на Харьковщине — с. Богородичное Славянского района (рис. 60—7) и с. Новая Одесса Богодуховского района (рис. 60—2), две — в районе Днепровских порогов: с. Волошское Днепропетровского района (рис. 60—1) и с. Звонецкое Солонянского района (рис. 60—4) Днепропетровской области. Все фибулы сделаны из широких бронзовых пластинок. Спинки прямоугольные, выгнутые дугой. Пятки у тех экземпляров, где они сохранились, ромбические, слегка отогнутые наружу. Пружин фибулы не имели, так как иголки закреплены при помощи шарнира. Приемники не уцелели. Место перехода спинки в пятку у всех фибул обмотано проволокой — может быть своеобразная имитация подвязки приемника. Спинки и пятки фибул орнаментированы мелкими бороздками или пунктирными линиями.

К сожалению, все интересующие нас фибулы происходят из случайных находок, что крайне затрудняет их датировку. Опубликована лишь одна из них — фибула из Богородичного¹. Найдена она на городище салтовомаяцкого типа, где кроме нее собрана керамика VIII—IX вв. н. э. и обнаружены обрывки железной кольчуги. Фибула из Новой Одессы хранится в фондах Харьковского исторического музея, где находятся обнаруженные там же большая бипирамидальная сердоликовая бусина (рис. 60—3)², лепной горшочек³, обломок сосуда с ушком, типа близкого к салтовским сосудам, и клад бронзовых вещей VI—VII вв. н. э. описанный Б. А. Рыбаковым⁴. Очень возможно, что все эти вещи найдены вместе, однако условия находки фибулы неизвестны. Фибула из Волошского хранится в фондах Киевского исторического музея, обнаружена она А. В. Бодянским как будто бы вместе с поздним вариантом

¹ М. В. Сибільов. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія, т. IV, Київ, 1950, стр. 103, рис. 3, 2.

² Подобные бусы, но из горного хрусталя, известны в ранних комплексах могильника Суук-Су, где датируются VI—началом VII вв. н. э. См. Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, табл. III, рис. 8.

³ Весьма близкий по форме и технике выделки сосуд известен по находке в Волинцево — памятнике, который автор раскопок датирует VII—VIII вв. н. э. См. Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путівльського району Сумської області. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 246, рис. 6; стр. 250.

⁴ Б. А. Рыбаков. Древние руссы. СА, XVII, 1953, стр. 69, рис. 13.

пальчатой фибулы (рис. 60—5), железным наконечником копья, глиняным биконическим пряслицем и некоторыми другими вещами в размыве берега Днепра против устья балки Верхолат. Фибула из Звонецкого хранится в коллекции А. В. Бодянского⁵. Найдена им на острове Кизелевом, по-видимому, на разрушенном могильнике с трупосожжениями. Здесь же собрано большое количество различных бронзовых вещей типа

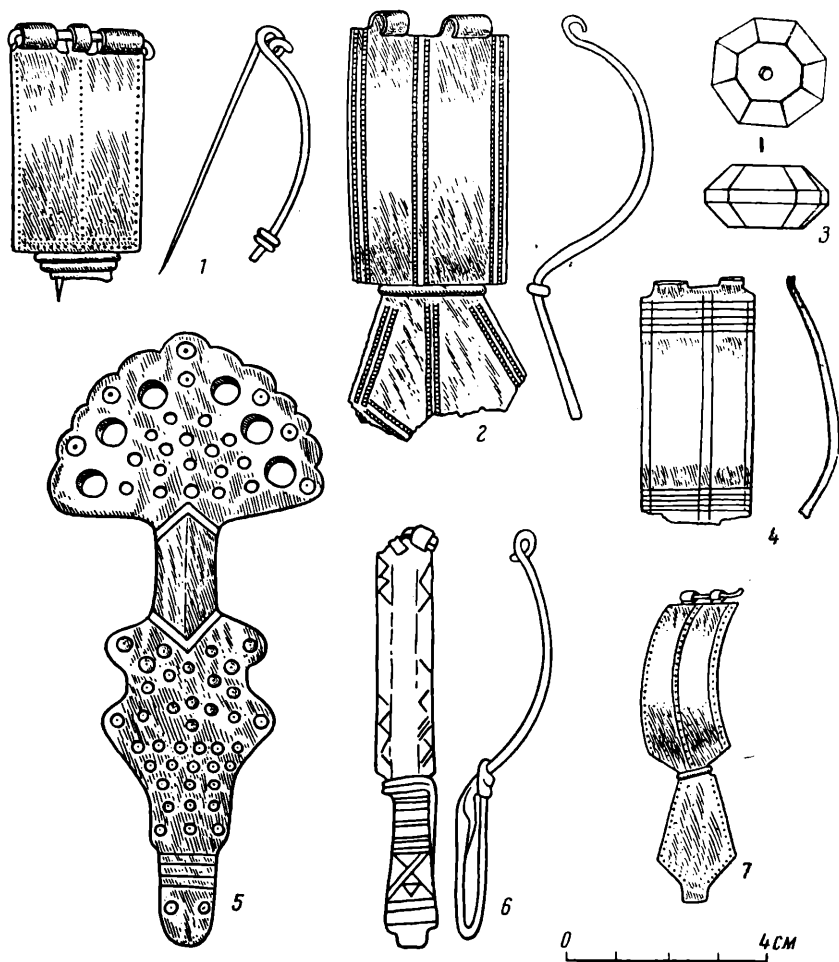

Рис. 60. Бронзовые фибулы и сердоликовая бусина.

1, 5 — с. Волошское; 2, 3 — пос. Новая Одесса; 4, 6 — с. Звонецкое; 7 — с. Богородичное.

вещей из могильника Суук-Су (малая зооморфная фибула, узкая пластинчатая фибула с подвязным приемником, браслеты, наконечник ремня и поясные бляшки) и клада из Новой Одессы (височные кольца, трапециевидные подвески). На том же месте обнаружены железные трехлопастные наконечники стрел, характерные для VI—VIII вв. н. э.

Поскольку все известные до сих пор широкопластинчатые фибулы по условиям находки в каждом случае так или иначе увязываются с одно-

⁵ О. Бодянский. Ранне славянське стійбище на острові Кізелевому. Рукопись, стр. 5, рис. 3. С любезного разрешения автора, за что приношу ему глубокую благодарность.

временными комплексами вещей, не будет ошибкой датировать их временем последних. В целом, как мы видели, это период VI—VIII вв. н. э. Но имеются некоторые основания датировать фибулы более точно. На острове Кизлевом вместе с широкопластинчатой фибулой найдена и фибула с более узкой спинкой и подвижным приемником. Подобная ей обнаружена недалеко от о. Кизлевого на склоне балки Звонецкой (рис. 60—6). Прямые аналоги фибулам этого типа мы находим в погребениях VI в. на могильнике Суук-Су⁶. Близкие по форме фибулы имеются и в несколько более поздних погребениях Борисовского могильника⁷. Известны они и на Харьковщине, правда по случайным находкам (Верхняя Даниловка)⁸. Указанные выше узкопластинчатые фибулы, по-видимому, и послужили прототипом для широкопластинчатых. С точки зрения типологического развития формы это более чем вероятно. Следовательно, можно предположить, что широкопластинчатые фибулы появились не ранее конца VI, а вероятнее всего в VII в. н. э. В употреблении они находились сравнительно длительное время — вплоть до VIII в. н. э. Об этом свидетельствует находка такой фибулы на салтово-маяцком городище у с. Богородичное. Подобные городища, как известно, возникают не ранее середины VIII в. н. э.

Итак, те разрозненные материалы, которыми мы располагаем, позволяют датировать широкопластинчатые фибулы, конечно, в порядке предположения, временем VII—VIII вв. н. э. Они являются результатом дальнейшего развития местных форм узкопластинчатых фибул и характерны только для населения, обитавшего в то время в степях Украины. За пределами указанной территории фибулы этого типа пока неизвестны.

⁶ Н. И. Репников. Некоторые могильники крымских готов. ЗООИД, т. XXVII, Одесса, 1907, стр. 146, рис. 111—113.

⁷ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах. ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 131, рис. 22, 14, стр. 165.

⁸ Материалы разведок Б. А. Шрамко. С любезного разрешения автора.

А. С. КАМАНЦЕВА

ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ В СЕЛЕНИИ ДУБА-ЮРТ

Печь обнаружена в 1939 г. во время археологических раскопок средневекового катакомбного могильника в Грозненской области близ сел. Дуба-Юрт¹.

Располагалась она на правом склоне оврага, ограничивающего могильник с севера. Были обнаружены небольшое пещеровидное отверстие, оказавшееся при расчистке провалом в топку, и воронкообразные углубления, образовавшиеся на месте продухов. Свод обжигательной камеры разрушен, но сравнительно хорошо сохранившаяся обжигательная площадка и топка дают достаточное представление об устройстве печи в целом.

В отличие от большинства известных древних керамических печей, сложенных из камня или кирпича, печь Дуба-Юрт была вырыта в склоне оврага, в слое плотной лёссовидной глины, с последующей обмазкой глиной.

Печь состояла из двух отделений — топки и располагавшейся над нею обжигательной камеры (рис. 61). Топка грушевидная в плане; наибольшая длина ее, вместе с устьем — 1,6 м, наибольшая ширина 1,15 м, свод сильно ошлакован, на нем образовались натёки, напоминающие сталактиты. Форма и значительная толщина свода (от 0,37 до 0,57 м) позволяли обойтись без обычного в древних керамических печах крепления в виде столба или перегородки, поддерживающих центральную часть пода обжигательной камеры. Округлая площадка обжигательной камеры имела пять продухов: один в центре и четыре по краям. Округлые отверстия продухов, диаметром 9—14 см, укреплены были глиняной обмазкой, образец которой с отпечатками человеческих пальцев сохранился в одном из них. Остатки глиняной обмазки толщиной 15—17 см уцелели в устье топки и на стенках обжигательной камеры. При расчистке печи обнаружены обломки горшков и кувшинов, изготовленных на гончарном круге (рис. 62). Горшки небольшие, желтоглиняные, сероглиняные и бурые, с несколько вытянутым туловом, с коротким, слегка отогнутым венчиком, с линейным орнаментом. Приблизительная высота горшков — 17—20 см, диаметр венчиков — 15—17 см, наибольший диаметр тулова — 21—23 см. Орнамент, состоящий из зон рифления, располагается на тулове через промежутки в 1—1,5 см. На одном из горшков такой орнамент сочетается с гребенчатым, нанесенным по бортику (рис. 62—2). В глине

¹ Раскопки производились под руководством А. В. Мачинского, начальника отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК.

заметна примесь мелкой толченой ракушки. Обжиг равномерный, средний.

Кувшины, представленные значительно большим количеством обломков, принадлежат двум видам, различавшимся в основном размерами. Крупные кувшины — красноглиняные и бурые, составлявшие основную массу обнаруженной около печи керамики, были яйцеобразной формы, с довольно широким, плавно переходящим к тулову горлом и плоской ручкой, прикрепленной одним концом к горлу, другим — к верхней части тулова.

Один из реконструированных красноглиняных кувшинов (рис. 62—11) был высотой около 60 см, наибольший диаметр тулова — около 34 см, диаметр дна — 17,3 см. Поверхность сосуда украшена бороздчатым — линейным и гирляндобразным орнаментом. Толщина стенок — 0,8—1 см. Глина без примесей, обжиг хороший.

Второй реконструированного — 40—42 см, наибольший бурого цвета, с продольным полосчатым лощением; высота его — 40—42 см, наибольший диаметр горла — 10 см, дна — 15 см. Ширина лощеных полосок — 2—3 мм. Глина мучнистая, без примесей; обжиг средний. Толщина стенок — 8—9 см. На плече сосуда — след ручки.

Третий кувшин (сохранилось несколько обломков стенок с остатками плоской ручки) был той же формы, более крупного размера, с широкобороздчатым линейным орнаментом. Диаметр тулова на месте прикрепления ручки — 46 см. Толщина стенок — 0,8—0,9 см, ширина ручки — 4,7 см, толщина ее — 2 см. Глина бурого цвета, с незначительной примесью неопределенного известкообразного вещества.

Мелкие кувшины — красноглиняные и бурые, высотой 20—25 см, с широким несколько воронкообразным горлом, с одной ручкой, по форме напоминающие некоторые кувшины из катакомб могильника Дуба-Юрт, но более совершенной выделки (рис. 62—4, 9). Глина тонкая, без примесей; обжиг хороший. Толщина стенок — 0,2—0,5 см. Собраны обломки с бороздчатым, гребенчатым и расписным орнаментом. Бороздчатый орнамент — линейный, волнистый и фестонобразный. Гребенчатый — в виде диагональной каймы. Все виды орнамента, за исключением расписного, сочетаются. Расписной, встреченный на одном из обломков, состоял из полоски шириною 2—2,5 см, нанесенной красной краской по верхней части тулова (рис. 62—7).

Гончарные печи, подобные обнаруженной в Дуба-Юрт, до сего времени известны только на Дону. Одна — в окрестности левобережного

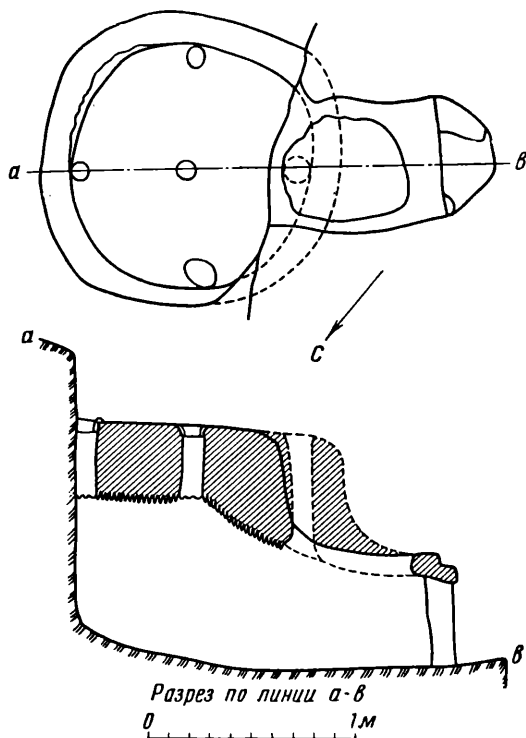

Рис. 61. План и разрез гончарной печи в с. Дуба-Юрт.

Цымлянского городища Саркела — Белой Вежи (открыта в 1935 г. М. И. Артамоновым)² и три других близ станицы Суворовской (открыты в 1951 г. И. И. Ляпушкиным)³. Первая находилась в откосе старого русла Дона; согласно описанию М. И. Артамонова, она была вырыта в лёссовидном суглинке и представляла овальную яму, разделенную горизонтально на две части. Частично сохранившееся плоское перекрытие, отделявшее нижнюю часть печи от верхней, было снабжено несколькими круглыми отверстиями и обходилось, видимо, без всяких подпорок. Сильно

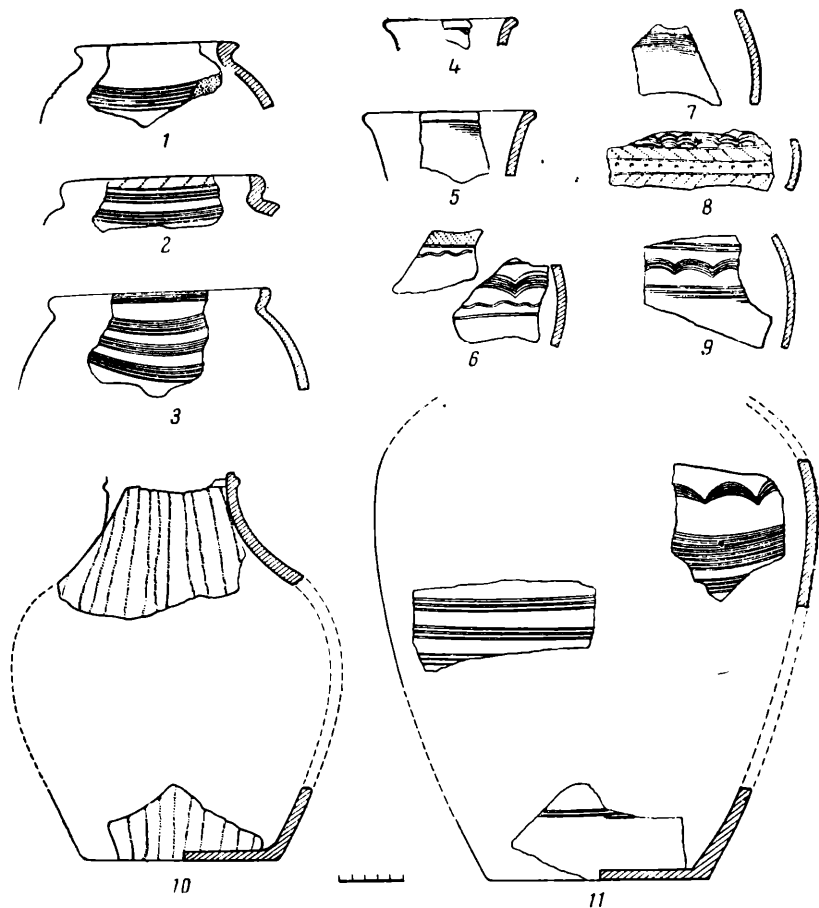

Рис. 62. Керамика из гончарной печи в с. Дуба-Юрт.

обожженные стенки и перекрытие печи превратились на значительную толщину в блестящую ошлаковавшуюся массу. Верхняя часть печи и отверстие в топку не сохранились, но и без них достаточно очевидно, что печь того же устройства, что и в Дуба-Юрт.

Некоторое различие наблюдается лишь в устройстве свода топки. В Саркеле он был, по-видимому, горизонтальный, в Дуба-Юрт — наклонный в направлении к топке. Обнаруженная возле печи керамика состояла из обломков поздних средневековых амфор и других сосудов идентичных саркелским.

² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 73.

³ И. И. Ляпушкин. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1951 г. Архив ЛОИИМК.

Гончарные печи близ станицы Суворовской были также вырыты в земле, в глинистом слое склона балки и состояли из двух частей — топки и обжигательной камеры, расположенной над нею. Также овальная в плане, несколько вытянутая к устью топка и округлая обжигательная камера с цилиндрической формы продухами, те же размеры. Свод топки плоский, с небольшим наклоном в сторону устья. Обнаруженная в печах керамика состояла из обломков сосудов салтовского типа — лощеных кувшинов и серых, рифленых по всему корпусу, горшков.

Для реконструкции верхней части печи Дуба-Юрт интересны найденные в обжигательных камерах печей станицы Суворовской куски глиняной обмазки. Они дают основание полагать, что верхняя часть обжигательной камеры была сооружена на каркасе из прутьев.

Примеры подобного устройства глиняных печей для обогрева и варки пищи наблюдались на Дону на Саркелском городище. Каркас обмазывали с той и другой стороны глиной, чем обеспечивались необходимые форма и устойчивость сооружения.

В гончарной печи Дуба-Юрт обмазка с отпечатками прутьев не сохранилась, возможно потому, что верхняя часть печи разрушена проходившей через нее дорогой, но по аналогии с печью в ст. Суворовской можно предполагать такое же устройство ее и здесь. Загрузка обжигательной камеры производилась через отверстие, располагавшееся или сверху или с противоположной стороны от устья топки, после чего оно замазывалось глиной и, возможно, присыпалось землей.

Сжигание топлива происходило в передней узкой части топки, дым из которой выходил наружу через устье, а горячий воздух через продухи поступал в обжигательную камеру.

Время существования керамической печи Дуба-Юрт определяется обнаруженной с ней средневековой керамикой и датированными аналогичными керамическими печами на Дону.

Печи близ станицы Суворовской по керамике датируются IX—X вв. Печь в окрестности городища Саркела — Белой Вежи, на основании найденных в ней амфор — XII—XIII вв.

Совершенно аналогичная дуба-юртовской керамика обнаружена на донских средневековых поселениях близ хуторов Набатова и Рубежного, обследованных в 1951 г. И. И. Ляпушкиным⁴. Время существования этих поселений определить очень трудно, — отмечает он в отчете и указывает подобный материал на Потайновском поселении, где, по данным М. И. Артамонова, он залегал выше славянского слоя XI—XII столетия⁵.

На Северном Кавказе кувшины с подобным гребенчатым и фестонобразным орнаментом встречались в единичных экземплярах с поздними погребениями в каменных ящиках, относящимися к XII—XV вв.

Керамика катакомбного могильника Дуба-Юрт, расположенного по соседству с описанной печью, несмотря на ряд общих черт в форме и орнаментации, более ранняя по сравнению с керамикой из печи. Последняя в основной своей массе красноглиняная, хорошо орнаментирована и, вероятно, изготовлена гончаром-ремесленником. Керамика могильника более примитивна и датируется всем комплексом могильного инвентаря более ранним временем. Генетическая связь их, однако, представляется несомненной. Один и тот же прием ленточной формовки сосудов с дальнейшей подправкой на ручном гончарном круге; общее в форме сосудов: утолщенный край венчика, плоские овальные в сечении ручки; прием отметки

⁴ Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1951 г. Архив ЛОИИМК.

⁵ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Известия ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 83—90.

нижнего конца ручек некоторых сосудов продольным углублением; прием орнаментирования сосудов бороздкой и лощением: бороздчатый орнамент — в виде линейного, волнообразного и фестонобразного, лощеный — в виде узких, иногда сливающихся вертикальных полосок, расположенных вдоль корпуса сосуда. Все эти виды орнамента сочетаются на керамике могильника в более примитивной форме, на керамике гончарной печи — в более развитой, с добавлением гребенчатого орнамента.

Могильник Дуба-Юрт относится к памятникам аланской культуры IX—X вв. Гончарная печь Дуба-Юрт на основании изложенных данных может быть отнесена к XI—XIII вв. Уточнение датировки возможно при дальнейшем более широком изучении керамики этого времени на Северном Кавказе.

IV. ХРОНИКА

О. Н. БАДЕР

В КАМЕРАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ИИМК

Задачи камеральной лаборатории Института истории материальной культуры АН СССР заключаются в выполнении связанных с археологическими работами необходимых научных исследований в областях, выходящих за непосредственные пределы археологии, как палеозоология, палеоботаника, определение возраста памятников методами естественно-исторических наук, спектральный и структурный анализ металлов и т. п., а также выполнение научно-технических работ, необходимых для составления научных отчетов о полевых исследованиях, при обработке археологических материалов, для подготовки их к печати и пр.

Лаборатория производит разборку, очистку и инвентаризацию ежегодно поступающих из экспедиций Института археологических коллекций, предварительную обработку и систематизацию их, предшествующую научному описанию, производит консервацию и реставрацию материалов, чертежные, зарисовочные и фотографические работы и выполняет палеоботанические (анализы пыльцы, древесины, семян и пр.) и палеозоологические определения.

С 1956 г. лаборатория включает шесть кабинетов: 1) предварительной археологической обработки, 2) консервации и реставрации, 3) фотографический, 4) графический (чертежей и зарисовок), 5) истории домашних животных, 6) палеоботанический (с секциями спорово-пыльцевого и карпологического анализа).

В настоящее время в лаборатории организуются два новых кабинета: спектрального и структурного анализа металлов и по определению возраста археологических памятников.

Спектроаналитический кабинет первые годы будет заниматься анализами вещей из сплавов на медной основе, в отличие от спектроаналитического кабинета МГУ, работающего преимущественно по железу.

Второй из организуемых кабинетов уже налаживает работу по определению возраста костных остатков методом прокаливания, разработанным И. Г. Пидопличко (Киев). Мы ставим своей задачей сочетать результаты определений с данными, полученными по тем же памятникам методами В. В. Чердынцева (Алма-Ата) и радиоуглеродным методом.

Своей очередной задачей лаборатория ставит организацию кабинета керамического и петрографического анализа.

В 1956 г. научная работа лаборатории выразилась в большом количестве определений, выполненных кабинетами палеоботаники и палеозоологии, в особенности по вопросу о происхождении домашних животных. Опубликован ряд печатных работ, среди которых нужно особо отметить

монографию проф. В. И. Цалкина «Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси» (МИА, 51, 1956). Младшим научным сотрудником лаборатории А. В. Кирьяновым защищена кандидатская диссертация на тему: «История земледелия древнего Новгорода X—XV вв.».

В настоящее время сотрудники лаборатории работают над следующими научными проблемами.

I. История животноводства и охоты в Восточной Европе и Средней Азии (исполнитель В. И. Цалкин). Работа рассчитана на шесть лет, подразделяется на несколько частей и разрабатывается в соавторстве с археологами — сотрудниками различных секторов института: 1) Животноводство и охота в степной полосе Восточной Европы (скифы), 2) Животноводство и охота в эпоху поздней бронзы в степной и лесостепной полосе (срубная и андроновская культуры), 3) Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа (дяковская, юхночская, зарубинецкая, ананьинская и др. культуры), 4) Животноводство и охота в античном Причерноморье, 5) Животноводство и охота в Средней Азии (по материалам раскопок В. М. Массона и С. Л. Толстова), 6) Животноводство и охота в Молдавии по раскопкам энеолитических памятников (Флорешти I). Одновременно кабинетом производится определение всей фауны, поступающей из экспедиций Института и некоторых других учреждений.

II. Палеогеография голоцена северной части Русской равнины по данным комплексного изучения археологических памятников (исполнитель Г. Н. Лисицына). Намечено производство палеоботанических и геоморфологических исследований в нескольких районах лесной полосы Европейской части СССР с целью палеогеографической характеристики этой территории в эпоху голоцена в историческом аспекте (смена климатических периодов, история ландшафта во взаимоотношении с деятельностью человека). В первую очередь предусмотрена работа в мало изученных смежных районах: в Прибалтике (Эстония и Латвия), в Вологодской области, в Прикамье и на Верхней Волге и Оке. Работа в первом из этих районов уже проведена. Заканчивается работа по характеристике Вологодского района и собирается материал по Прикамью. Параллельно определяется материал, поступающий из других экспедиций Института.

Отдельной частью той же проблемы является тема «Хронология формирования аллювиальных террас Средней Камы в свете археологических данных» (исполнитель О. Н. Бадер).

III. История земледелия Древней Руси (исполнитель А. В. Кирьянов). В первую очередь производится определение большого зернового материала из Новгорода.

IV. Определение возраста археологических памятников. В плане разработки этой проблемы намечена тема: «Прокаливание как метод определения абсолютного возраста палеолитических костных остатков (исполнители О. Н. Бадер и Н. М. Немнонова).

V. Консервация, реставрация и сохранение археологических объектов. По этой теме весной 1957 г. подготовлена к печати брошюра А. В. Кирьянова «Реставрация археологических предметов (краткое практическое руководство)», 5 п. л., и разработаны типовые наборы консервирующих материалов для археологических находок экспедиций. В мае для участников экспедиций была организована инструктивная беседа по сбору и полевой первичной обработке палеозоологических, палеоботанических и некоторых других материалов.

Кроме того, лабораторией подготовлены к печати две первые брошюры из намеченной серии популярных брошюр о крупнейших археологических памятниках, а именно: «Древний Чернигов в его памятниках» Т. И. Макаровой и «Великие Болгары» К. А. Смирнова.

Лаборатория приступила к проведению систематических обсуждений, связанных с тематикой научных вопросов на заседаниях (по секциям).

В 1957 г. по секции консервации и реставрации проведено три заседания, на которых обсуждены две главы руководства А. В. Кирьянова: «Реставрация керамики» и «Реставрация металла» и доклад реставратора Гос. Эрмитажа Е. И. Румянцева на тему «Стабилизация влажной древесины из раскопок».

В секции палеозоологии заслушан доклад Е. Г. Андреевой «Фауна Кыласова городища на Каме».

Секция палеоботаники заслушала и обсудила доклады Г. И. Горещко «К истории формирования аллювиальных террас Камской долины». Р. Е. Гитерман «Флора из четвертичных террас р. Чусовой и смежного отрезка Камы» и Г. Н. Лисицыной «Результаты микропалеоботанического изучения террасовых отложений Средней Камы».

Необходимо отметить, что вокруг каждой секции постепенно группируется актив не только из числа сотрудников института, но и из работников других организаций, заинтересованных в обсуждении круга научных вопросов, над которыми работает коллектив лаборатории. Особенно настоятельные пожелания продолжать начатые лабораторией обсуждения высказаны геологами — участниками заседаний секции палеоботаники.

Большой объем разнообразных подсобно-технических работ, выполняемых лабораторией, в некоторых направлениях еще не удовлетворяет потребностей института. Особенно узким местом производственного плана лаборатории является выполнение чертежных, зарисовочных и отчасти фотографических работ.

Для улучшения работы лаборатории и повышения ее продуктивности необходима лучшая организация, рационализация и более высокая производительность труда. В этом заключается одна из первоочередных задач, стоящих перед коллективом лаборатории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП— Археологічні пам'ятки УРСР
АС— Археологический съезд
ВДИ— Вестник древней истории
ГИМ— Государственный исторический музей
ЗООИД— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО— Записки Русского археологического общества
ИАК— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИОН— Известия Отделения общественных наук АН СССР
ИТУАК— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КАЭ— Камская археологическая экспедиция
КСИИМК— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИИМК— Ленинградское отделение ИИМК
МАВГР— Материалы по археологии восточных губерний России
МАК— Материалы по археологии Кавказа
МАР— Материалы по археологии России
МИА— Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ— Полное собрание русских летописей
СА— Советская археология
SIG— A. Boeckh. Corpus Inscriptionum Graecarum
Ditt. Syll³— W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum. 3 ed.
IG— Inscriptiones Graecae
IOSPE, IPE— Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini
OGIS— W. Dittenberger. Orientis graeci inscriptiones selectae
Rh. M.— Rheinisches Museum für Philologie
SEHAW— M. Rostovtzeff. The social and Economic History of the Hellenistic World. vol. I—III, Oxford, 1941.
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

	Стр.
<i>И. Б. Брашинский.</i> Афинский декрет 323/2 года до н. э.	3
<i>Е. И. Леви.</i> Терракоты из цистерны ольвийской агоры	9
<i>М. М. Кобылина.</i> Новые данные о фанагорийских винодельнях	20

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. П. Левенок.</i> Работы Дзсининского отряда 1956 г.	25
<i>Л. Я. Крижевская.</i> Новые неолитические стоянки Южного Предуралья	37
<i>В. Д. Блаватский.</i> Пятый год работ в Синдике	41
<i>Н. И. Сокольский.</i> Раскопки античного поселения около станицы Таманской	49
<i>И. Б. Зевст.</i> Раскопки Гермонассы	58
<i>И. Т. Кругликова.</i> Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 году	64
<i>Д. Б. Шелов.</i> Раскопки Танаиса в 1955 году	74
<i>И. И. Ляпушкин.</i> Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны	81
<i>П. А. Раппопорт.</i> Изучение крепостей, проведенное отрядом Среднерусской археологической экспедиции 1956 года	87
<i>Ф. Д^т Гуревич.</i> Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году	89
<i>В. Ф. Генинг.</i> Удмуртская археологическая экспедиция	92
<i>В. А. Оборин.</i> Камская археологическая экспедиция 1955 года	101
<i>О. Н. Бадер.</i> Камская археологическая экспедиция в 1956 году	110,
<i>Г. И. Андреев.</i> Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе	124
<i>П. П. Закарая.</i> К изучению жилых и оборонительных сооружений городища Урбниси	131

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

<i>В. И. Марковин и М. И. Исаков.</i> Древняя костяная статуэтка из Дагестана	139
<i>Ю. В. Кухаренко.</i> Широкопластинчатые фибулы	143
<i>А. С. Каманцева.</i> Гончарная печь в селении Дуба-Юрт	146

IV. ХРОНИКА

<i>О. Н. Бадер.</i> В камеральной лаборатории ИИМК	151
Список сокращений	154

**Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры, вып. 74**

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Н. Н. Гусева*

*

РИСО АН СССР № 118—83В. Сдано в набор 24/X 1958 г.
Подписано к печати 26/1 1959 г. Формат 70 × 108^{1/16}.
9,75 печ. л. 13,35 усл. печ. л. 12,7 уч. изд. л.
Тираж 1500 экз. Т-00004. Изд. № 3009. Тип. зак. № 840.

Цена 7 руб. 60 коп.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64. Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.